

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Под редакцией *В. Н. Данилова*

Издательство Саратовского университета
2002

УДК 908(470.44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43
С20

Саратовский краеведческий сборник: Научные труды
и публикации / Под ред. проф. В. Н. Данилова. – Саратов:
Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 260 с.: ил.
ISBN 5-292-02884-3

В сборнике содержатся исследовательские статьи и сообщения по различным вопросам истории местного края. В нем также помещены документальные находки и обзоры отдельных фондов Саратовского областного музея краеведения.

Для научных работников, студентов, учителей школ, гимназий и лицеев, всех, интересующихся историей родного края.

Рецензент:

Доктор исторических наук, профессор С. А. Мезин

Редакционная коллегия:

*М. В. Бульчев, В. Н. Данилов (отв. редактор), Н. М. Малов,
Е. К. Максимов, А. В. Воронежцев*

УДК 908(470.44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43

ISBN 5-292-02884-3

© Саратовский государственный
университет, 2002
© Саратовский областной
музей краеведения, 2002

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Т. В. Платонова

КОРПОРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ САРАТОВСКОГО ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XVIII века дворянство юридически оформлялось как высшее сословие России. Господствующее, привилегированное положение дворян землевладельцев и душевладельцев было зафиксировано целым рядом нормативных актов. В частности, манифест Петра III от 18 февраля 1762 г. провозглашал «благородное дворянство яко главный в государстве член»¹, а в «Наказе» Екатерины II, опубликованном в июле 1767 г., отмечалось, что «дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оными украшены»². Окончательное закрепление сословной организации дворянства произошло в 1785 г. с выходом «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», именуемой в исторической литературе Жалованной грамотой дворянству.

Важную роль в складывании сословного дворянского общества имела губернская реформа, осуществленная Екатериной II после пугачевского восстания. В стране было введено новое административно-территориальное устройство. Губернии разукрупнялись, вводилось местное управление, поднявшее роль провинциального дворянства. Законодательным актом 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» Екатерина II создала строгую централизованную унифицированную систему, при которой, как справедливо отмечают Е. В. Анисимов и А. Б. Каменский, «каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель на-

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 15. № 11444.

² ПСЗ-1. Т. 18. № 12 949.

ходились бы под неусыпным контролем правительства»³. Интересы дворянства учитывались в первую очередь. Реорганизовав систему местного управления, Екатерина II предоставила дворянству возможность широкого участия в нем. Судебные органы были отделены от исполнительной власти, а уголовное судопроизводство от гражданского. В организации суда сохранялся сословный принцип⁴. Реформа 1775 г. повысила значение местного дворянства в управлении и суде. По подсчетам Н. П. Ерошкина, из 75 штатных чиновников, определяемых в состав новых учреждений губерний, дворяне выбирали около 1/3 состава, примерно столько же рекомендовали Сенату для определения на различные чиновничьи должности губернии. Еще заметнее стала роль местного дворянства в уездах, где дворяне выбирали до половины всего состава чиновников⁵.

Отмена обязательной службы дворянства манифестом Петра III давала право дворянам жить в своих поместьях. По мнению А. Романовича-Славатинского, дворян тянуло в деревню для того, « чтобы полежебокствовать, чтобы насладиться привольем и покоем сельской жизни, чтобы показать дворянскую волю над холопами и дать разгуляться страстям и инстинктам»⁶. Однако более важным моментом, вероятно, явилось то, что в условиях увеличивающегося в стране спроса на сельскохозяйственную продукцию у дворян появилась возможность заняться собственным хозяйством. Это обстоятельство отвечало и интересам государства. По замыслу Екатерины II, дворян надо было «закрепить» в провинции, обязав «наряжать, ставить чиновников» в губернские и уездные присутственные места.

«Учреждения о губерниях» вводились постепенно: 28 глав этого акта были утверждены 7 ноября 1775 г., а три последние главы – 4 января 1780 г. В этом документе еще ничего не говорилось об обособлении губернского дворянского общества. Для управления губернией полагался в качестве старшего начальника государев наместник или генерал-губернатор. Учреждалась должность правителя или губернатора. В уездах дворянское общество возглавляли уездные предводители. По уездам дворяне избирали множество должностных лиц и имели собственный дворянский суд, но, как отмечает Б. Н. Миронов, представители высшего сословия приобрели право

³ Анисимов Е. В., Каменский А. Б. Россия в XVIII – первой половине XIX века. М., 1994. С. 169.

⁴ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

⁵ См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 124.

⁶ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 408.

иметь корпоративную организацию на уездном уровне задолго до 1775 г.⁷ «Учреждения о губерниях» дали уездной дворянской корпорации лишь более правильную организацию. Логика событий подсказывала обособить дворян России по губерниям. Юридически должности губернского предводителя дворянства еще не существовало, но в ряде мест, как показывает в своем труде С. В. Любимов, в том числе в Саратовской губернии, эти должностные лица выбирались⁸. Окончательное оформление губернского дворянского общества произошло спустя 10 лет после выхода «Учреждений о губерниях» со вступлением в действие Жалованной грамоты дворянству. Высшее сословие в каждой губернии, обособившееся постепенно в отдельное дворянское общество, окончательно получило регламентированный юридический статус.

В 1779 г., согласно императорским указам, астраханский губернатор И. В. Якоби руководил активной работой по образованию в северной части своей обширной губернии нового Саратовского наместничества (губернии), которое официально было открыто 3 февраля 1781 г.⁹ Дворянское общество края было уже достаточно представлено жителями Саратова, окружных центров и поместий, разбросанных по всей губернии. В Саратовском крае процесс формирования корпоративного сословного дворянского общества начался, вероятно, одновременно с образованием наместничества.

Органом дворянского общества стало свое дворянское губернское собрание, соединившее всех местных дворян в одно целое. Согласно Жалованной грамоте, дворянские губернские собрания созывались «по дозволению генерал-губернатора или губернатора... всякие три года» обычно в зимнее время. Могли быть и чрезвычайные собрания «для выслушивания предложений» начальника губернии. В собрании мог присутствовать каждый дворянин, достигший 25 лет, однако иметь право голоса, быть избранным в должность, пользоваться правами в составе дворянского общества, «с заслуженными сидеть» мог только тот, кто имел поместье в губернии и получил в военной или гражданской службе обер-офицерский чин. Для уча-

⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 82.

⁸ Любимов С. В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777–1910 гг. СПб., 1911. С. 56.

⁹ Об образовании наместничества и дальнейшие изменения в административно-территориальном делении Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века подробно освещены М. В. Булычевым (см.: Саратовское Поволжье: история и современность. Материалы научной конференции. Саратов, 1999. С. 36–41).

ствия в выборах устанавливался имущественный ценз, который сначала был очень низок: избранным мог быть дворянин, получающий со своих деревень от ста рублей дохода¹⁰. Личные дворяне не допускались в собрание. В ходе собраний рассматривались «нужды и пользы» представителей высшего сословия, проводилась баллотировка на дворянские должности.

Первые дела саратовского дворянского собрания датируются 1787 годом. Но, как видно из разных отметок и формулярных списков, первые выборы на дворянские должности состоялись раньше. С. В. Любимов называет губернских предводителей дворянства Саратовского наместничества с 1780 г. Это полковник Петр Афанасьевич Бекетов (1780–1783), подполковник Дмитрий Федорович Желтухин (1783–1785), обер-штабмейстер Лев Александрович Нарышкин (1785–1788), капитан Игнатий Никифорович Киселев (1788–1790), поручик Николай Петрович Юрьев (1790–1793), секунд-майор князь Яков Федорович Кугушев (1793–1796) и др.¹¹. Несколько иные сведения приводит А. Н. Минх. Опуская первого предводителя дворянства, вторым он называет Д. Ф. Желтухина, избранного дворянством и утвержденным государем в должности в 1784 году, затем – И. Н. Киселева, находящегося в должности с 1787 года¹². Вероятно, разночтения связаны с тем, что выборы дворянства проходили обычно в конце года, в декабре, а на утверждение в должности требовалось еще некоторое время. Дела о проведении первых дворянских собраний, к сожалению, пока не обнаружены. Однако в «Московских ведомостях» от 22 мая 1781 г. было помещено сообщение о представлении императрице Екатерине II в Царском Селе депутатов от дворянства Саратовского наместничества¹³. Спустя несколько лет, 17 марта 1784 г., депутаты во главе с губернским предводителем оберштабмейстером и кавалером Л. А. Нарышкиным вновь «имели счастье быть представлены ее императорскому величеству»¹⁴.

Таким образом, несправедливо исключать фамилию известного царского вельможи времен Екатерины II из списков первых предводителей дворянства Саратовского наместничества.

Л. А. Нарышкин (1733–1799) получил титул оберштабмейстера в день коронации Екатерины II. Имея в свете репутацию шутника и

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 22. № 16187.

¹¹ См.: Любимов С. В. Указ. соч. С. 56.

¹² См.: Минх А. Н. Материалы для истории Саратовской губернии // Саратовский сборник. Саратов, 1881. Т. 1. С. 8.

¹³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1417, д. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

«арлекина», часто сопровождал императрицу в путешествиях. Екатерина ценила его веселый, общительный характер, остроумие, умение быть интересным собеседником¹⁵. Вероятно, положение Л. А. Нарышкина в придворном кругу, его близость императорскому дому были бесполезны для саратовского дворянства. В Балашовском уезде Саратовской губернии Л. А. Нарышкин унаследовал земли своего отца А. Л. Нарышкина – «Львовича» (1694–1745), любимого двоюродного брата Петра I. Центр имения располагался в живописном месте на реке Хопер в селе Пады¹⁶. Среди первых губернских предводителей дворянства встречаем княжескую фамилию Я. Ф. Кугушева, крупного помещика Саратовской губернии.

Выборные должности носили земский характер. Это, как считает М. Яблочков, делало выборы дворянства «весьма важным и не лишённым интереса для других сословий» делом, так как «приходилось всем иметь близкие отношения с земской полицией, уездным судом и верхним земским судом; по рекрутскому набору и другим земским делам необходимо было обращаться к уездным предводителям дворянства»¹⁷. В документах сохранились фамилии первых предводителей дворянства по округам. Так, по Саратовскому округу в 1781 г предводителем был избран Н. А. Шахматов. Эта фамилия хорошо известна в истории Саратовского края. Шахматовы были провинциальными дворянами, в течение длительного времени связанными с Саратовом. В Государственном архиве Саратовской области имеется личный фонд Шахматовых, частично изученный Е. Н. Кушевой¹⁸.

Предводителем балашовского дворянства стал Я. Т. Граковский, а камышинского – секунд-майор П. Ф. Барановский¹⁹. Как отмечает А. Романович-Славатинский, «...первые выборы были самые лучшие. Тогда не успели еще рассмотреть всех последствий, и намерения монархини произвели всеобщий энтузиазм к добру, но скоро сей жар простыл, и дворянство стало отлынивать от местной выборной службы»²⁰. Сохранились подробные сведения о том, как прово-

¹⁵ См.: Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий в России. СПб., 2000. С. 138–139; Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 90–92.

¹⁶ РГАДА, ф. 1272.

¹⁷ Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 550.

¹⁸ См.: Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. М., 1929.

¹⁹ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 583, л. 29.

²⁰ Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 491.

дилось дворянское собрание в Саратове спустя пятнадцать лет после открытия наместничества.

15 декабря 1795 г. в Саратов съезжалось дворянское общество. Губернский предводитель дворянства секунд-майор князь Я. Ф. Кугушев подал списки прибывших дворян правителю наместничества В. С. Ланскому. При этом от каждого уезда губернатору были представлены по одному молодому дворянину, назначенному специально «для почестей». Губернатор отдал распоряжение: шестнадцатого декабря «быть собранию дворянства в большом зале генерал-губернаторского дома». Народ оповестили через полицию на площадях и по улицам, что начинаются выборы судей. Это событие должно было быть ознаменовано тремя выстрелами из пушки. Наутро по первому пушечному сигналу все дворянство собралось в доме генерал-губернатора. Получив письменное сообщение о причине собрания, а также приняв присягу, дворянство возвратилось в зал заседания. Через час по второму пушечному сигналу в соборной церкви началась торжественная служба. После третьего выстрела в десять часов утра губернский предводитель дворянства повел все собрание к божественной литургии, окончившейся пушечной пальбой из тридцати одного орудия. По существу, работа началась лишь на третий день, 17 декабря. В зале заседаний дворянского собрания были расставлены стулья: у главного стола – для губернского предводителя, для дворян каждого уезда – отдельно. Между ними стояли столы, на каждом – ящик для баллотировки и по две тарелки с шарами. Уездные предводители и специальные протоколисты заняли место у стола перед дворянами своего уезда. Началась баллотировка. Сначала выбрали уездных предводителей – по одному человеку от каждого уезда. Затем губернский предводитель представил их губернатору для утверждения. Для выборов губернского предводителя правителю наместничества представили две кандидатуры из вновь избранных уездных предводителей. Губернатор выбрал из них губернского предводителя дворянства. Им оказался крупный балашовский помещик, секунд-майор С. А. Норов. Бывшие губернский и уездные предводители, «получив признательность за труды и служение в сем звании», сложили с себя полномочия.

На следующий день, 18 декабря, с новыми губернским и уездными предводителями были произведены выборы по городам: в уездные суды, нижние земские суды, верхний земский и совестный суд. 19 декабря всех вновь избранных судей привели к присяге в соборе. Уездные предводители с судьями отправились в свои города, чтобы в уездных и нижних земских судах и дворянских опеках открыть за-

седание. Таким образом, церемония дворянского собрания, продолжавшаяся четыре дня, завершилась²¹.

Уже в 1795 г. в Саратов из 338 человек явилось на выборы лишь 146 человек²², что составляло 43%. Значение дворянских собраний и выборов в присутственные места постепенно падало. Причины этому могли быть следующие. Всем дворянам на выборных должностях полагалось денежное содержание. Оно было не очень большим и для крупнопоместного дворянства значения не имело. Служба по выборам тяготила дворян, отрывая от семьи, от хозяйства и вообще от занятий, доставлявших им материальные выгоды. Среди фамилий губернских предводителей дворянства (должности престижной) отсутствуют представители крупнейших землевладельцев края, таких, как князя М. С. Воронцов, С. Г. Гагарин, А. Б. Куракин или графы К. В. Нессельроде, Д. Н. Шереметев и др. Судя по документам, многие оставались равнодушны к выборам.

Местная дворянская служба превратилась для дворян в такое же «тягло», какое лежало на них до манифеста 18 февраля 1762 года. Для того чтобы поднять значение дворянских выборов и привлечь к участию в них знатное дворянство, в 1831 г. был повышен ценз, устранивший мелкое дворянство от непосредственного избрания. Вместе с тем закон 1831 г. прямо называл участие дворян в собраниях их обязанностью и налагал взыскание за неявку на выборы. На первый раз делалось замечание, на второй раз накладывалась пеня в пользу дворянской казны от 25 до 250 руб., в третий раз могли исключить из дворянского собрания на время. Несмотря на это, дворяне продолжали уклоняться от выборов. Первого января 1832 г. Николай I предписал губернским предводителям дворянства обращать внимание на то, чтобы на службу по выборам избирались люди способные и достойные. Позже, в 1843 г., им же вновь строжайше предписывалось соблюдать ранее установленные нормы 1831 г. Однако большинству дворян было совсем не трудно заплатить штраф, пусть даже в 250 руб., но зато они не лишались шумных увеселений сезона столицы. В результате в должности по выборам попадали те, кто не мог изыскать средства, чтобы присутствовать зимой в столице, или вовсе не способные к службе, не имея ничего лучшего, они получали должности в присутственных местах.

Обособленность дворянского сословия, принадлежность к тому или другому губернскому дворянскому обществу выразились в особой униформе. В 1782 г. Екатерина II повелела генерал-прокурору написать ко всем генерал-губернаторам, что для платья дворянства

²¹ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 83, л. 46–48 об.

²² Там же. Л. 57.

обоего пола в каждой губернии присвоены особые цвета²³. В 1784 г. уже более точно определены мундиры дворян и служащих каждой губернии. Империя была разделена на три полосы. Для каждой назначались особые цвета одежды, связанные с гербами губерний²⁴.

Саратовское наместничество было отнесено к средней полосе. Дворянству полагалось носить красный кафтан со светло-голубыми (в тон саратовскому гербу) обшлагами, воротником, подбоем и камзолом с желтыми пуговицами. Для сравнения: Санкт-Петербургскому дворянству предписывалось носить кафтан светло-синего сукна с лацканами, воротником и обшлагами из черного бархата. Подбой должен быть черным, камзол белым с желтыми пуговицами. В Московской губернии средней полосы мундир дворян состоял из красного кафтана с воротником и обшлагами железного цвета. Подкладка и камзол были белые, пуговицы золотые. Красочные изображения губернских дворянских мундиров удалось обнаружить в отделе редких книг в Государственной публичной исторической библиотеке России²⁵. Дворянскому мундиру были присвоены большие права: все дворянство, не исключая унтер-офицеров гвардии, имело право бывать в этом наряде на придворных балах. Цель дворянской униформы состояла и в предупреждении роскоши. «Губернским мундирам рады отцы да мужья», – говорила Екатерина II.

Местом «общественных увеселений» губернского дворянства был дом дворянского собрания. В. Беккер, посетивший Саратов в 1842 г., отмечал, что залы там «обширны и отделаны щегольски»²⁶. Вероятно, именно это здание украшало город Саратов вплоть до 70-х гг. XX века. Построено оно было не сразу. Согласно Жалованной грамоты дворянству в каждом наместничестве в губернском городе собранию дворянства дозволялось иметь свой дом.

Первые дворянские собрания, как отмечалось выше, проводились в доме губернатора. Спустя некоторое время саратовские дворяне стали собираться в особом доме на Московской улице. Он был приобретен в 1804 г. за 24 425 руб. у тайного советника Ивана Петровича Вешнякова с дочерьми (среди них в документе названа коллежская асессорша Александра Устинова). Средний этаж отвели для общественных публичных увеселений и балов. Для освещения зала было специально куплено у московского купца Якова Иванова 2 люстры.

²³ ПСЗ-1. Т. 21. № 15557.

²⁴ См.: Плещеев С. И. Обозрение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. 3-е изд. СПб., 1790. С. 141.

²⁵ Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров.

²⁶ Беккер В. Воспоминания о Саратовской губернии. М., 1852. С. 12.

В присутственном благородном собрании висел портрет государя-императора Александра I. После столь дорогого приобретения дворянская казна оказалась пуста, не хватало денег даже на то, чтобы выплатить Вешняковым сумму сполна, и деньги отдавались в рассрочку. Известно, что в конце 1805 г. каменный дом, принадлежавший саратовскому дворянству, «взял по условию» коллежский асессор Михаил Андриянович Устинов и отдал его «в залог попитейным сборам вольскому именитому гражданину Василию Алексеевичу Злобину», который тут же внес в казну благородного дворянства 1000 рублей²⁷.

Известно, что портрет государя-императора Александра I в присутственном благородном собрании Саратовской губернии существовал с 1804 г. Вероятно, и само здание появилось не позднее. Нашлись ли там ранее портреты предшественников – Екатерины II и Павла I, неизвестно. В 1822 г. губернский предводитель дворянства А. А. Панчулидзеv приглашал всех дворян принять участие в приобретении нового портрета государя императора «в превосходной золоченой раме» и выражал надежду, что «каждый с удовольствием пожертвует». Вероятно, дворянская казна пустела и пополнялась довольно быстро. С каждой крестьянской души помещики платили по 30 коп. в «складочную кассу» дворянского собрания²⁸

Рядом с каменным домом дворянского собрания в начале XIX в. находился ветхий деревянный флигель, который хотел выкупить в 1806 г. оператор саратовской врачебной управы Д. Гринфельд, живущий по-соседству. Но выяснилось, что флигель состоял в залоге²⁹. На постройку каменного флигеля при дворянском доме с помещичьих имений губернии собирались деньги. Дворяне жертвовали по 11 коп. с крестьянской души. Строительство затягивалось, стали раздаваться робкие замечания, что «деньги уже взысканы», что по силе высочайшего указа от 14 июня 1816 года «отнесены к повинностям помещичьих крестьян только починка, отопление и освещение домов депутатских собраний, где такие существуют», а не строительство новых³⁰. Вероятно, деньги дворянство жертвовало «под нажимом». Наконец, в 1830 г. принадлежащий дворянскому собранию каменный дом, пришедший в ветхое состояние, был вновь перестроен из собранной с дворянских имений суммы. Дома дворянских собраний по уездам появились значительно позже. Например, в Воль-

²⁷ ГАСО, ф. 19, оп. 3, д. 7, л. 136, 180, 340.

²⁸ Там же, ф. 19, оп. 3, л. 73 об.; ф. 179, оп. 1, д. 188. л. 2.

²⁹ Там же. Д. 12, л. 1, 2, 26.

³⁰ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 1813, л. 1 об.

ске, Петровске и Камышине губернатор разрешил открыть благородные собрания в 1858 году³¹.

Таким образом, процесс организации и оформления дворянского общества Саратовской губернии, начавшийся в последние десятилетия XVIII в., продолжался на местах в первой половине XIX в. на основе тщательной правительственной регламентации всей структуры сословных органов. Законодательство по этим вопросам постоянно уточнялось и дополнялось. Дворянские собрания, выборы уездных и губернских предводителей, особый мундир дворянства, строительство зданий для времяпрепровождения – все это говорит о стремлении саратовского дворянства отделиться от представителей других сословий, о корпоративности дворянского общества.

³¹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1410, л. 1–12.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И МЕНТАЛИТЕТ КРЕСТЬЯНСТВА
В БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ XIX века
(судьба семьи саратовской крестьянки П. И. Ерыкалиной)

Формирование, проявление и закрепление определенных черт сознания этноса – предмет исследования различных специалистов: историков, этнологов, психологов и др. Только комплексное исследование этого сложного социально-исторического явления позволяет ответить на вопрос: каким образом в обществе закрепляется та или иная система взглядов, дающая человеку модель видения мира, способа постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться. Данная система несет в себе культурные традиции и модель поведения человека и общества в том или ином конкретном случае. Это сложное комплексное явление названо в исторической науке менталитетом¹. Складыванию определенных ментальных стереотипов способствует ряд факторов, главные из которых – природно-климатический² и временной. Природно-климатический фактор не поддается времени и закладывает глубинные основы ментальности. Под его воздействием сформировались, например, такие черты русского национального характера, как упорство, максимализм и штурмовщина. Временной фактор ведет к отбору и закреплению отдельных черт, а также вносит элемент противоречивости, изменчивости, так как с течением времени меняются исторические условия и жизненные ситуации, в которых те или иные общественные стереотипы перестают действовать.

Важнейшим условием формирования менталитета российского общества в целом являлось крепостное право, которое господствовало в жизни всех сословий два с половиной столетия и, несомненно, наложило отпечаток на все без исключения явления российской действительности. В значительной степени крепостное сознание повлияло на правовой менталитет россиян. У каждого из сословий выработался свой стереотип поведения в отношении к праву, судам и законам.

Наиболее бесправным и угнетаемым сословием в России было крестьянство. Это отразилось на выработке его ментальных стереотипов правосознания.

¹ См.: Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX–XX вв.) / Под ред. В. П. Данилова и Л. В. Милова. М., 1996.

² См.: Миров Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 568–571.

Ярче всего правовые стереотипы крестьянства отразились в поговорах и пословицах: «Закон – дышло, куда хочешь, туда и воротишь», «Закон не кол, не обтешешь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Законы святы, да законники супостаты», «С сильным не борись, с богатым не тяжись», «С суда – не деньги, а с поправы – не хлеб», «Суд крив, коли судья лжив», «Суд правду найдет», «Суд прямой, да судья кривой», «Судейский карман – что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает», «Судья праведный – ограда каменная», «Судья суди, а за судьей гляди, куда дело поведет», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Тот прав, у кого больше прав», «Что мне законы, коли судья знакомый»³ и др. Таким образом, большая часть поговорок выражает отрицательное отношение крестьянства к системе судопроизводства в целом.

Под воздействием крепостничества сформировались правовые взгляды общества, где крестьянин выступал не как самостоятельная личность, а как объект опеки государства и помещика⁴. Вся правовая система Российской империи была построена на укоренившемся представлении о несамостоятельности и безынициативности крестьян как субъектов права. Некоторая правовая инициатива и самостоятельность признавалась лишь за крестьянской общиной. Сам же крестьянин был обезличен и должен был подчиняться общественному мнению. Это так же отражено в народном сознании: «Мир – волна: что один, то и все», «Мир не перетянешь», «С миром не поспоришь», «Что миром положено, так тому и быть», «Как мир, так и мы»⁵.

В русской общине установились отношения патриархальной демократии, которая существовала только для глав хозяйств, предполагая безусловное подчинение им женщин и детей, молодежи и мужчин, которые не были большаками, она сочеталась с поклонением перед стариной, с негативным отношением к инакомыслию, личной свободе, к социальным нововведениям, инициативе и вообще ко всякому отклоняющемуся поведению⁶.

В данном правовом пространстве интерес представляет судьба человека, пытающегося выйти за рамки, установленные обществом. В этом случае показательным делом саратовской крестьянки Прасковьи

³ См.: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М., 1988.

⁴ См.: Кузьмин-Караваев В. Д. Правовые нужды деревни // Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня. СПб., 1904. С. 340.

⁵ См.: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М., 1988.

⁶ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 447.

Ивановны Ерыкалиной из фонда «Губернского по крестьянским делам присутствия» Государственного архива Саратовской области, позволяющее на примере конкретной жизненной ситуации рассмотреть и традиционные устои общества, и правовые нормы государства, и пути решения сложной социальной проблемы в рамках российской бюрократической системы⁷.

В отечественной историографии немного место уделяется судьбам женщин-крестьянок. И это вполне объяснимо: безграмотная, бесправная, обремененная семьей и тяжелой работой, она не писала воспоминаний, писем и дневников.

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться...»⁸

Эти строки из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный Нос» как нельзя более отражают конкретную судьбу нашей героини – крестьянки села Лопуховка Хвалынского уезда помещика Горихвостова П. И. Ерыкалиной. Дело привлекает к себе внимание длительным сроком производства: начато 24 декабря 1834 г., закрыто 1 октября 1861 г. Вновь продолжено до марта 1863 г. 25 лет жизни связывали П. И. Ерыкалину с официальными инстанциями Российской империи – от земских и уездных управ до саратовского губернатора и правительствующего Сената. 25 лет жизни наполнены борьбой за восстановление своего социального статуса – государственной крестьянки и распространения его на всю семью, включая мужа и детей. Длительность решения жизненно важного для женщины вопроса объясняется не только волокитой судопроизводства, но и крайней запутанностью и многоэтапностью данного дела. В нем нашли выражение и низкий уровень правового сознания крестьянства, которое не вполне соответствовало действовавшему в России законодательству и носило следы обычного права⁹, и нежелание чиновников разобраться и справедливо решить правовые и житейские проблемы.

Материалы дела отражают биографию крестьянки, жившей накануне Великих реформ и попавшей в связи с этим в крайне сложную

⁷ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108.

⁸ Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 77.

⁹ Волокита – качество, присущее российской системе. Средняя скорость прохождения гражданских дел через инстанции равнялось 2 – 2,5 годам. Данное дело может входить в 1% нерешенных дел возрастом свыше 15 лет, о которых говорит Б. Н. Миронов (см.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 60–61).

правовую ситуацию. Основанием для дела явились неординарные обстоятельства вступления в брак П. И. Ерыкалиной.

П. И. Ерыкалина была дочерью государственного крестьянина с. Шалкино Хвалынского уезда Ивана Степанова. Летом 1815 г. она была послана отцом в поле за земляникой, откуда была увезена крестьянами Вольского уезда и насильно отдана в замужество за крепостного крестьянина Максима Ерыкалина. Брак был заключен противозаконно, без оглашения в церкви, тайно, ночью, без справки о возрасте невесты, которой было в 1815 г. 14 лет. Какое-то время, видимо, брак не фиксировался в церковных книгах, так как из материалов дела видно, что заключение брака записано 7 июля 1817 г. со справкой о возрасте невесты 16 лет¹⁰. Из показаний священника явствует, что брак был заключен с согласия невесты.

Насильственное заключение браков было частым явлением российской действительности, и общество смотрело на это сквозь пальцы. Более того, для крестьян такая брачная модель в начале XIX в. была почти нормой. Требовалось лишь формальное согласие невесты, которое она давала в церкви под давлением родителей и с молчаливого согласия священника¹¹. В данном случае, видимо, согласие девушки и ее родителей вообще не спрашивали.

Отец Прасковьи Ивановны предпринимал усилия для поиска пропавшей дочери, но официальных бумаг по надлежащей форме составлено не было, что и отмечено в деле. Однако пропавшая дочь была найдена через хвалынский земский суд. К тому времени она была уже замужем и вотчинная администрация помещика Горихвостова уговорила отца не подавать заявления в суд, объясняя это тем, что помещик уже стар, родственников не имеет и после его смерти все крестьяне получают свободу. Таким образом, сословный статус дочери будет восстановлен сам по себе. Кроме того, дело требовало хождения по присутственным местам, денежных трат, оформления бумаг. Все это, по-видимому, и остановило отца крестьянки, который не стал подавать жалобу в суд и отнес случившееся с его доче-

¹⁰ ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 1, 2, 20б., 4.

¹¹ О положении женщины в крестьянской семье см.: *Покровский Ф. И.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // *Живая старина*. СПб., 1916. Вып. III и IV; *Шингарев А. И.* Положение женщины в крестьянской среде. Воронеж, 1899; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – нач. XX вв. Л., 1988; *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1.

рию «к судьбе и воле Божией»¹². Поведение отца вполне объяснимо. Исследователи социальной психологии отмечают «мистический страх крестьян перед официальной бумагой и печатью»¹³.

На какое-то время, видимо, ситуация вокруг этого дела стабилизировалась. В семье родилось пятеро детей – два сына и три дочери¹⁴. Но, по утверждению, П. И. Ерыкалиной, гнет и притеснения вотчинного начальства усиливались, и она обратилась в суд с иском против помещика «о не принадлежности ему»¹⁵.

Поведение крестьянки, выходящее за рамки обычая и воспринимавшееся местным начальством и крестьянской общиной как публичный вызов обществу, не сочеталось с морально-этическими нормами российской деревни, жившей традиционным укладом. П. И. Ерыкалина являет собой пример непримиримой и самостоятельной натуры, которая ради достижения цели упорно идет вперед¹⁶. Она посылает жалобы в земское присутствие, губернатору, ее прошения с подробным изложением сути и обстоятельств дела рассматривались в правительствующем Сенате (1829)¹⁷.

Несколько лет длилось дознание по этому делу в обществах села Лопуховка Вольского уезда, где священник сумел доказать законность совершенного бракосочетания, и села Шалкино Хвалынского уезда, где вопросы следствия, видимо, ставились так, что родные – мать, отец и два брата потерпевшей, а также 23 жителя села ответили, что не знали о насильственном увозе потерпевшей и выдаче ее в замужество. Характеризуя поведение «мира» в случаях разбирательства судебных дел, земский деятель XIX в. В. Д. Кузьмин-Караваев писал: «Низшее деревенское начальство – десятские, сотские, старосты – в своей простоте нередко доходят до цинизма. Поклон, угощение, рубль денег, а то и несколько копеек имеют зачастую решающее значение, проступок остается не обнаруженным, распоряжение и даже судебное решение не приведенным в исполнение. Не лучше поступает мир: поставь ведро вина, накинем полдуши надела, не поставишь – снимем. И бороться с таким требованием, оставаясь на почве закона – не возможно...Право жалобы, по

¹² ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 7 об., 21.

¹³ Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 271.

¹⁴ ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 4, 4об.

¹⁵ Там же, л. 10.

¹⁶ Такая активность российской крестьянки формировалась в семье, где она чувствовала свою имущественную самостоятельность и стремилась к самостоятельности социальной, пытаясь получить определенные юридические права. Подробнее см.: Матвеев П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Черный перелом / Сост. Астанков Ю. В. Самара, 1992. С. 28–32.

¹⁷ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 10б.

закону, существует. В формулах закона оно выражено с устраняющей всякие сомнения определенностью. Действительность, однако, резко с этими формулами расходится»¹⁸. Помимо этого свидетельства, следует учитывать, по словам С. Авелиани, особенность психологии крестьян, которые «решительно отказывались от дачи каких-либо письменных удостоверений или расписок»¹⁹.

Таким образом, пытаясь получить свободу, крестьянка нарушала общепринятые нормы поведения женщины и становилась личностью социально опасной, от которой и община и сельская бюрократия стремились избавиться. П. И. Ерыкалину вместе с семьей до решения дела насильственно выселили из села Лопуховка и отдали на поручительство хвалынского городского общества мещан, где она и прожила более 25 лет. А дело ее о свободе вплоть до 1861 г. так и оставалось не решенным. Дело тянулось очень медленно. В ноябре 1836 г. в земском суде П. И. Ерыкалиной вручили решение Сената об отказе ей и ее семье в иске свободы, но имелась оговорка, по которой Ерыкалина лично одна, в силу ст. 565 IX тома Свода законов Российской империи, может воспользоваться свободой после смерти мужа. Такой вариант истицу не устраивал²⁰.

Прасковья Ивановна, на наш взгляд, являлась продуктом своего времени и руководствовалась принципом поиска правды не в «законе», а у начальника, который «все может». Вера во всемогущество органов власти составляла любопытное явление русской деревни²¹.

Существующее в течение XIX в. положение позволило земским деятелям в начале XX в. говорить о правовом произволе, царящем в деревне²². Нам же правовая ситуация XIX в. и поиск правды не в законе, а у конкретного человека представляется частью правового менталитета российского общества в целом.

Проживание семьи Ерыкалиных в городе Хвалынске затянулось. В 1845 г. умер муж Прасковьи Ивановны, и она возглавила семью. За это время семья приобрела дом в городе Хвалынске, сыновья обучились плотницкому ремеслу²³.

Возможно, семья крестьянки так и прожила бы в Хвалынске на правах поручительства, но Манифест 1861 г. и последующие правительственные указы заставили крестьянку вновь обращаться с

¹⁸ Кузьмин-Караваев В. Д. Указ соч. С. 356–357.

¹⁹ Авелиани С. Волнения крестьян в царствование императора Александра I. Сергиев Посад, 1912. С. 56.

²⁰ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 1, 4, 7, 8.

²¹ Кузьмин-Караваев В. Д. Указ соч. С. 355–356.

²² Там же. С. 352. См. также журн. «Право» за 1902–1903 гг., где данная тема широко дискутировалась.

²³ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 1, 10.

просьбами в судебные учреждения. Получив долгожданную свободу, семья потеряла свой социальный статус: по закону, сыновья П. И. Ерыкалиной – Михаил и Константин получали землю в селе Лопуховка Вольского уезда и должны были платить выкупные платежи, а так как земля им была не нужна и в Лопуховку семья возвращаться не собиралась, то Ерыкалина обратилась к саратовскому губернатору с просьбой о получении ее семейству свидетельства на проживание в городе Хвалынске и о приписке его к обществу хвалынских мещан, объясняя, что на ранее поданное прошение она получила отказ.

Новый толчок дело получило после выяснения того обстоятельства, что в списках села Лопуховки П. И. Ерыкалина с сыновьями с 1830 г. числились сбежавшими, а по 9–10 ревизиям они не были показаны. Как посчитала Ерыкалина, это было сделано намеренно, так как администрация знала о ее пребывании в Хвалынске²⁴. Таким образом, получать увольнительное свидетельство семье Ерыкалиной стало негде. Пришлось идти другим путем. По закону о беглых крестьянах Ерыкалина и ее сыновья должны были доказать, что постоянно проживали в г. Хвалынске и от закона и владельца не скрывались. Было проведено дознание вольского пристава по этому поводу. Дознание показало верность сведений П. И. Ерыкалиной. В качестве свидетелей выступали купеческий сын Петр Емельянович Павлычев и мещанин Герасим Иванович Мантузов с семьей²⁵.

Последним этапом дела стала временная приписка П. И. Ерыкалиной с семейством к любому обществу, желавшему ее принять. Через 6 месяцев необходимо было внести Ерыкалину и ее сыновей в ревизские сказки²⁶, а затем Прасковья Ивановна и ее сыновья могли быть приписаны к обществу хвалынских мещан²⁷. Дело должно было закончиться в конце 1863 г. Таким образом, семья обрела долгожданную свободу.

П. И. Ерыкалина явила собой новый тип личности – активной, самостоятельной и настойчивой. О таких людях, как она, известный своими либеральными взглядами профессор Московского и Петербургского университетов К. Д. Кавелин писал: «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, и мы здесь и там видим

²⁴ ГАСО, л. 1, 10.

²⁵ Там же, л. 12–16.

²⁶ По-видимому, государственные чиновники еще не знали, что больше ревизии проводиться не будут.

²⁷ Там же. Л. 19, 20, 20 об.

признаки нарождения другого, признающего участие человека в собственной судьбе»²⁸.

Вступив в конфликт с государственной системой, церковью, миром, П. И. Ерыкалина сумела не сломаться и оказаться сильнее обстоятельств. Более того, она нашла ту нишу в бюрократической системе Российской империи, которая позволила ей и ее семейству освободиться от власти помещика и местной бюрократии и найти в себе силы для кардинальной перемены своей судьбы. Подобного рода общественные явления, как случай с П. И. Ерыкалиной, предвосхитили изменения в менталитете русских крестьян и горожан XIX в., где, по мнению Дж. Брукса, такие категории, как свобода и порядок, рассматривались как альтернативные²⁹.

Наша героиня в своей борьбе легитимными методами смогла получить свободу и не нарушить правового порядка. Судьба П. И. Ерыкалиной отражает сложность формирования нового отношения государства и общества к крестьянину. Тем более уникальным является случай отстаивания своих прав женщиной-крестьянкой, существом абсолютно бесправным в традиционном обществе.

Этот случай показывает, что существовала возможность пробить брешь в несовершенной системе российского судопроизводства. Такие дела способствовали переходу общества к новой стадии развития и формированию нового правосознания и изменению личных качеств российского крестьянства.

²⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897, 1898. Т. 2. Стб. 540.

²⁹ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature 1861–1917. Princeton, 1985. P. 171–210.

САРАТОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ: ОБРЕТЕНИЕ И УТРАТА ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Революционный 1917 год стал переломным для России. С одной стороны, быстрое падение царской власти в центре и на местах показало глубочайшую пропасть во взаимоотношениях царя и подданных, неприятие самодержавия как политического строя различными слоями общества. С другой стороны, взрыв народного негодования примирил временно различные идейно-политические течения в обществе. В результате возникло единение политических сил в первые месяцы революции.

Известно, что после свержения самодержавия общественно-политическая ситуация в стране определялась наличием двоевластия в центре. В Петрограде образовались Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство. Это сказывалось на расстановке политических сил в стране и в целом на раскладе политических сил в органах власти. В то же время региональная власть не являлась простой копией центральной власти. Если говорить о советах, то можно видеть наличие образовавшейся впоследствии вертикали, начиная с низовых Советов и кончая всероссийскими. Но, если говорить о другой ветви власти, то видно, что «временных правительств» на местах не существовало. К тому же Временное правительство трансформировалось вскоре в первое коалиционное. Институт губернских комиссаров, введенный 5 марта правительством, не мог в полной мере компенсировать отсутствие другой вертикали власти снизу доверху. Поэтому ситуация с властью на местах должна была складываться иначе.

В немалой степени состояние власти определялось деятельностью политических партий. Участие представителей политических партий в Советах, органах местного управления и самоуправления, различных демократических организациях напрямую зависело от понимания ими основных вопросов революции.

В исследованиях историков вопрос о власти на местах после свержения монархии рассматривается как в плоскости двоевластия, так и в направлении установления многовластия. Особое внимание уделяется общественным (временным) исполнительным комитетам, возникшим в первые дни революции 1917 г. Вначале о них писали как об органах буржуазной диктатуры. Затем они характеризовались как местные органы Временного правительства, которые выражали сущность мелкобуржуазного лагеря. Демократические процессы в

современной России накладывают свой отпечаток на оценку этих учреждений, их трактуют уже как «первые акты народовластия».

Вместе с тем ряд аспектов, связанных с возникновением исполнительных комитетов на местах, еще не получил полного освещения на местном уровне. Это относится, в частности, к образованию Саратовского губернского исполнительного комитета. В работах отечественных и зарубежных авторов его образование недостаточно четко прослеживается. Не игнорируя уже имеющихся данных, попытаемся рассмотреть процесс образования Саратовского губернского исполнительного комитета и уточним некоторые детали существования этого органа управления.

1 марта в Саратове была получена телеграмма В. В. Родзянко об образовании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы, которому переходили полномочия старого правительства. Первая реакция царских властей на местах выражалась попытками приостановить поступающую информацию. Но слухи о событиях в Петрограде распространялись и подкреплялись публикациями столичных телеграмм местными газетами. Днем губернатор С. Д. Тверской вызвал к себе представителей местных органов самоуправления и сообщил о содержании полученной им телеграммы. Он попросил их повлиять на возможную реакцию населения, добавив, что будет исполнять свой долг и держаться старого правительства. О преданности присяге на верность государю губернатор заявил и на частном совещании гласных городской думы¹. Конечно, можно было чинно произносить речь перед гласными, подобающую губернатору, но нельзя было в такой напряженный момент заставить всех сидеть по домам. Вечером наблюдалось стечение населения к городской управе, где должно было открыться заседание думы с участием общественных организаций. Помещение городской управы оказалось переполненным. Заседание думы проходило в постоянном обмене мнениями. Речь шла о признании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы и создании аналогичного органа в Саратове. Однако выборы в новый орган перенесли на следующий день.

Днем 2 марта образовался общественный комитет в городе, который приступил к консультациям с политическими силами: кадеты А. А. Токарский и С. П. Красников, народные социалисты А. С. Чумачевский и Н. Н. Мясоедов, меньшевик Д. А. Топуридзе². Он начал свои заседания в городской управе, куда приглашались представители общественных организаций, различных ведомств и учрежде-

¹ Саратовский листок. 1917. 2 марта.

² Там же, 3 марта.

ний, губернского и уездного земства и т. д. Усилия комитета дали положительный результат.

Поздним вечером городская дума утвердила представленный состав временного исполнительного комитета. По должности в состав нового органа управления вошли городской глава М. Ф. Волков, председатели губернской и уездной земских управ. Гласных городской думы представляли Б. Х. Медведев, Ю. В. Крупянский, А. Е. Романов, С. П. Красников, М. К. Скачков. Интересы общественных организаций выражали А. А. Токарский, Н. И. Семенов, А. А. Никонов, Г. Андреев, М. П. Овчинников. Совет рабочих депутатов представляли В. П. Милютин, Н. Н. Мясоедов, М. И. Васильев-Южин, И. А. Скворцов, П. Я. Колесников³. Общая численность Саратовского временного (общественного) исполнительного комитета (ОИК) составила 18 человек. В партийном отношении состав ОИК был представлен следующим образом: 7 кадетов, 4 народных социалиста, 2 меньшевика и 2 большевика.

Начало самостоятельной деятельности Саратовского ОИК требует некоторого уточнения. В работе американского историка Д. Рейли говорится, что 5 марта ОИК объявил себя органом власти в губернии. Кадет А. А. Токарский стал его председателем⁴. Первое заседание ОИК прошло 4 марта, а его председателем стал кадет С. П. Красников⁵. Ответственным перед ОИК комиссаром назначили народного социалиста Н. И. Семенова, а полицмейстером по городу – кадета А. А. Минха⁶. Саратовский ОИК предписал всем лицам и учреждениям аппарата управления города и губернии подчиняться его распоряжениям, а также властям, действующим от его имени⁷.

Вопрос о переподчинении губернского аппарата управления в Саратове был важнейшим. 3 марта стало известно об отречении российского самодержца от престола, что стало исходным моментом для ареста представителей царской власти на местах.

По решению ОИК они доставлялись в думу, после чего ОИК был вынужден поставить под свой контроль аппарат губернского управления, это и было сделано, как видно, на первом заседании 4 марта. О своих действиях ОИК доложил Временному правительству. В телеграмме на имя министра внутренних дел сообщалось: «Государственная безопасность потребовала от Комитета ареста губернатора, полицмейстера, всех чинов жандармерии и многих лиц. Все функ-

³ Саратовский листок. 1917. 3 марта.

⁴ См.: Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 74.

⁵ ГАСО, ф. 13, д. 13, оп. 1, л. 84; Саратовский листок. 1917. 5 марта.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 13, д. 13, оп. 1, л. 84; Саратовский листок. 1917. 5 марта..

ции губернатора в руках Комитета... Комиссаром, заведующим губернией, избран Н. И. Семенов...»⁸. Решение ОИК об избрании губернского комиссара не только опережало постановление Временного правительства от 5 марта 1917 года, согласно которому обязанности глав местной администрации возлагались на председателей губернских и уездных земских управ, получивших ранг комиссаров Временного правительства, но и противоречило ему. Во исполнение постановления правительства в должность губернского комиссара был обязан вступить К. Н. Гримм – председатель губернской земской управы. Однако он отказался, что облегчило утверждение кандидатуры Н. И. Семенова в ранге комиссара Временного правительства. Вскоре из столицы пришла телеграмма о назначении «Николая Ивановича Семенова губернским комиссаром правительства»⁹. В сущности, Временное правительство «узаконивало» практику первых дней русской революции, когда общественное мнение поднимало на вершину власти лиц, не связанных с прежними структурами управления на местах.

8 марта в кафедральном соборе Саратова при большом стечении народа состоялось оглашение царских манифестов об отречении от престола. На церемонии присутствовали представители городского духовенства, временного исполнительного комитета, губернского земства и городской думы, окружного суда и прокуратуры, начальник гарнизона¹⁰. Среди членов ОИК первым значился С. П. Красников в качестве «заступающего место председателя временного исполнительного общественного комитета»¹¹. Кадет А. А. Токарский в числе участников церемонии не значился.

Вслед за Саратовом органы местного управления образовывались по всей губернии. Таким образом, политическая карта Саратовской губернии была «усеяна» разными общественными комитетами, вплоть до каждой отдельной волости. 19 марта Временное правительство признало волостные исполнительные комитеты и передало им, до осуществления земской реформы, права и обязанности волостного управления. В результате стало ощущаться отсутствие общего координирующего органа в губернии.

С 26 по 29 марта 1917 г. в Саратове проходил губернский съезд представителей городских и уездных исполнительных комитетов, на котором присутствовало свыше 120 человек¹². Саратовский ОИК на-

⁸ Саратовский листок. 1917. 5 марта.

⁹ Там же, 9 марта.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Саратовский. листок. 1917. 28 марта.

меревался пополнить свои ряды представителями от всех уездов и тем самым распространить власть нового органа управления на всю территорию губернии.

Съезд согласился с тем, что «исполнительные комитеты являются временными организациями, полномочия которых должны окончиться, как только местные самоуправления будут избраны на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»¹³. Съезд признал необходимым образование губернского исполнительного комитета. В его состав должны были войти по одному представителю от городского и уездного исполнительных комитетов и по два представителя от объединенных исполнительных комитетов. Кворум органа определялся 1/3 его состава. Для улучшения работы комитета из его состава выделялся рабочий президиум в количестве 9 человек¹⁴. Председателем губернского исполнительного комитета был избран кадет А. А. Токарский, а его заместителем стал меньшевик Д. А. Топуридзе.

Относительно полномочий исполнительных комитетов всех уровней следует иметь в виду, что они отвечали духу правительственной декларации от 3 марта. В ней подтверждался принцип преемственности власти. Прежние органы самоуправления на местах – думы и земства сохранялись, но их предстояло серьезно реформировать. Правительство брало на себя обязательство провести «выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹⁵.

Как видно, общественные исполнительные комитеты возникли как временные органы власти. Первоначально они создавались в городах, а затем – в сельской местности. В их состав входили самые различные социальные и политические силы. Временное правительство рассматривало их как возможные в будущем органы общественного самоуправления¹⁶. Они символизировали собой гражданское единство, возникшее в первые дни революции. Высшим проявлением его и явилось образование Саратовского губернского исполнительного комитета. Новый орган управления провозгласил себя «высшим органом местной власти»¹⁷. Проводником политики Временного правительства на местах становился губернский комиссар и подчиненные ему уездные комиссары.

Дальнейшая судьба губернского исполнительного комитета зависела от хода осуществления реформ городского и земского само-

¹³ Там же. 13 апр.

¹⁴ Там же.

¹⁵ История России, 1917–1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 13.

¹⁶ См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 480.

¹⁷ Саратовские губернские ведомости. 1917. 13 апр.

управления. Выборы в органы местного самоуправления обеспечили успех социалистам, что заставляло либералов как можно крепче держаться за губернский исполнительный комитет. За ним было как бы «закреплено» право избирать губернского комиссара. Однако 25 июля обязанности губернского комиссара были возложены на меньшевика Д. А. Топуридзе. Попытки кадетов оспорить данное решение недостаточностью кворума успеха не принесли. Тогда А. А. Токарский, признав, что дни губернского исполнительного комитета окончились, сложил с себя обязанности его председателя¹⁸. Повторное же заседание членов губернского исполнительного комитета с необходимым кворумом оставило свое решение без изменения¹⁹. Временный статус Д. А. Топуридзе просуществовал более месяца, пока 6 сентября он не был утвержден правительством в своей должности²⁰.

За это время губернский исполнительный комитет превратился в аморфный орган. Новый председатель не избирался, его обязанности должен был выполнять Д. А. Топуридзе в ранге оставшегося заместителя. Работа губернского исполнительного комитета фактически прекратилась.

После корниловского выступления состояние власти в центре резко ухудшилось, так как правительственная коалиция распалась. Кадеты дискредитировали себя выходом из второго состава коалиционного правительства. В то же время влияние большевиков в Советах усиливалось. Лозунг «Вся власть Советам!» приобретал все более широкое звучание на пространствах России. Возросла реальная угроза установления диктатуры слева. Большевики и эсеры увидели спасительный выход только в проведении Всероссийского демократического совещания. В создавшейся ситуации губернский исполнительный комитет вновь напомнил о себе. 9 сентября он избрал своим представителем на совещание эсера А. Е. Васильева²¹. Большевики выразили свое удивление, считая губернский исполнительный комитет «давно уже умершим»²².

Месяц спустя тяжелый недуг постиг бывшего председателя губернского исполнительного комитета А. А. Токарского. Операция, проведенная профессором С. И. Спасокукоцким, не помогла известному общественному деятелю избавиться от продолжительной болезни²³. Не приходя в сознание, больной скончался. Лидер саратовских каде-

¹⁸ Саратовский листок. 1917. 5 авг.

¹⁹ Там же. 5 авг.

²⁰ См.: Саратовские губернские ведомости. 1917. 13 сент.

²¹ Там же. 16 сент.

²² Социал-демократ. 1917. 14 сент.

²³ Саратовский листок. 1917. 13 сент.

тов был похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище²⁴. Саратовский «Социал-демократ» поместил небольшую заметку на смерть А. А. Токарского. Большевики не скрывали в ней того, что он принадлежал к враждебной для них партии. При этом они подчеркивали, что «он был интеллигентом в лучшем смысле этого слова, человеком безукоризненной не только личной, но и общественной честности»²⁵.

О единении общественных сил уже не могло быть и речи. Саратовский губернский исполнительный комитет утратил полномочия временного регионального органа власти.

²⁴ Там же. 15 окт., 17 окт.

²⁵ Социал-демократ. 1917. 19 окт.

ИЗ ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ АТКАРСКОГО УЕЗДА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1917–1928)

Административно-территориальное деление в досоветский период предусматривало, главным образом, выполнение государственным аппаратом полицейско-фискальных функций. Советское государство поставило перед собой задачу организации системы административно-территориального устройства страны на научных основах, способствующих развитию социалистической экономики. В основу построения такой системы был положен принцип экономического районирования, который предполагал формирование административно-территориальных единиц с учетом природных, хозяйственных ресурсов и перспектив их развития; соблюдение требований национальной политики и приближение государственного аппарата к населению в целях улучшения руководства и укрепления государственной власти.

В первые годы советской власти вносились некоторые изменения в существующую досоветскую систему административно-территориального устройства страны. Из старых губерний выделялись новые, образовывались новые уезды, волости, национальные республики, автономные области, округа, перемещались уездные и волостные центры, в населенных пунктах создавались советские органы государственной власти.

Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 27 января 1918 г. разрешал местным Советам изменять границы и создавать новые административные единицы из частей губерний, уездов и волостей¹.

В Аткарском уезде, по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписей 1917 г., числилось сорок шесть волостей². По постановлениям Аткарского уездного исполнительного комитета и волостных Советов уезда в течение 1918 г. были образованы двадцать четыре новых волости³. Новые волости выделялись из существующих.

Из Богородской волости выделились Верхне-Березовская и Морецкая волости, из Варыпаевской – Марфинская, из Коленской –

¹ СУ. 1918. № 21. Ст. 318.

² Таблицы статистических сведений по Саратовской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписей 1917 года. Саратов, 1919. Л. 2–10.

³ ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 85, л. 22–24.

Бедняковская, из Копенской (Больше-Копенской)⁴ – Атаевская, из Краишевской – Грязнухинская и Журавская, из Невежкинской – Мало-Князевская, из Переездинской – Мерлино-Воскресенская, из Рельнской (Больше-Рельнской) – Старо-Ивановская, из Салтыковской – Безобразовская и Монастырская, из Сластушинской – Земляно-Хуторская, из Софьинской – Ключевская (Бело-Ключевская), из Таловской – Орловская, из Чадаевской – Симоновская, из Широко-Уступской – Анастасьинская, Ахтубинская, Славновская и Упоровская, из частей Больше-Екатериновской, Даниловской и Сластушинской – Лопуховская 2-я. Медведицкая волость была разделена на три волости: Гречино-Лукскую, Медведицко-Крестово-Буеракскую и Песковатскую.

В каждой новой волости создавались волостные советы и их исполнительные комитеты.

Осуществление национальной политики государства нашло свое выражение в образовании автономной области на базе немецких колоний, расположенных на территории Саратовской и Самарской губерний. Трудовая Коммуна области немцев Поволжья была образована в соответствии с декретом СНК от 19 октября 1918 года⁵. Территориальный состав и административное деление области устанавливались постановлением смешанной комиссии по оформлению территории от 5–8 марта 1919 года⁶. От Аткарского уезда в состав Трудовой Коммуны области немцев Поволжья передавались Гречино-Лукская, Медведицко-Крестово-Буеракская и Песковатская волости, которые вошли в Голо-Карамышский уезд области.

Увеличение количества и дробление волостей, многие из которых состояли только из одного населенного пункта, привели к разрастанию волостного административного аппарата и создали необходимость сокращения числа волостей.

Одним из первых регламентирующих документов, вносящим порядок в процесс изменения административно-территориального деления страны, был декрет СНК от 15 июля 1919 года⁷. По этому декрету сокращение числа волостей предполагалось проводить путем слияния мелких волостей в одну. Волость могла быть организована с количеством населения не менее 10 000 человек.

7 апреля 1920 г. при президиуме Саратовского губернского исполнительного комитета была образована административная

⁴ В скобках дано другое название волости.

⁵ СУ. 1918. № 79. Ст. 831.

⁶ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 128, л. 23–24.

⁷ СУ. 1919. № 36. Ст. 356.

комиссия⁸. Основной задачей комиссии была разработка проектов планов районирования губернии.

В целях выполнения декрета СНК от 15 июля 1919 г. по сокращению числа волостей Саратовской губернской административной комиссией и Аткарским уездным исполнительным комитетом были изданы постановления от 30 октября, 5 ноября 1919 г. и 30 октября 1920 г., которые определили состав волостей к ликвидации. Подлежащие упразднению волости включались в состав тех волостей, из которых они были выделены, за исключением Морецкой волости⁹. Одновременно с новыми волостями были упразднены Судачьинская, которая вошла в состав Матышевской волости, и Еланская Русская, которая вошла в состав Еланской Малороссийской волости (Еланской).

11 ноября 1922 г. Мерлино-Воскресенская волость была восстановлена в новом составе из частей Больше-Екатериновской, Переездинской и Сластушинской волостей по постановлению президиума Аткарского уездного исполнительного комитета¹⁰.

По постановлению Саратовской губернской административной комиссии от 1 февраля 1921 г. была временно упразднена Крайшевская волость в связи с криминальной обстановкой на ее территории¹¹. Ее населенные пункты были распределены между Богородской, Матышевской и Терсинской волостями.

В 1921 г. территория Аткарского уезда сократилась за счет передачи вновь образованному Еланскому уезду десяти волостей: Александровской, Богородской, Волковской, Еланской, Лиходеевской, Матышевской, Морецкой, Терновской, Терсинской, Хвощинской¹².

В дальнейшем сокращение количества волостей в губернии осуществлялось за счет их укрупнения. Укрупненные волости в уезде были образованы в соответствии с декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 12 ноября 1923 г.¹³ и планом губернской административной комиссии по районированию Аткарского уезда¹⁴. Упраздненные волости распределились между оставшимися волостями в следующем порядке: Даниловская и Киселево-Чемизовская волости вошли в состав *Аткарской волости*; Больше-Ольшанская, Дивовская, Салтыковская, Таловская, Шкловская и деревня Малая Турковка Колокольцовской волости - в состав

⁸ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 470, л. 16.

⁹ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 48, л. 132, 141; д. 348, л. 13-14; д. 667, л. 26-55.

¹⁰ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 551, л. 28.

¹¹ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 348, л. 18; д. 548, л. 9; д. 667, л. 26-36.

¹² СУ. 1921, № 51, Ст. 288.

¹³ Там же. 1923, № 86, Ст. 838.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-517, оп. 1, д. 34, л. 24.

Баландинской волости; Березовская и Мерлино-Воскресенская без деревни Евфросимовка (Афросимовка), села Мерлино-Воскресенское, деревни Свищевка, деревни Эткара – в состав *Больше-Екатериновской волости*; Широко-Карамышская без села Ключи, Неужинская и Колокольцовская без деревни Малая Турковка – в состав *Больше-Копенской волости*; Широко-Уступская – в состав *Галаховской волости*; Софьинская – в состав *Коленской волости*; Варыпаевская и Сосновская – в состав *Кологривовской волости*; Дурасовская (бывшая Шереметьевская)¹⁵, Ковыловская, Лопуховская, Рельнская, Урицкая (бывшая Голицынская)¹⁶, Чадаевская и село Ключи Широко-Карамышской волости – в состав *Лысогорской волости*; деревня Евфросимовка (Афросимовка), село Мерлино-Воскресенское, деревня Свищевка и деревня Эткара Мерлино-Воскресенской волости и Переездинская – в состав *Сластушинской волости*. Больше-Дмитриевская волость Аткарского уезда включалась в состав Рыбушанской волости Саратовского уезда.

Проведенная работа по укрупнению волостей не решила всех задач экономического районирования и совершенствования административно-территориального деления. Изучение и разработка наиболее оптимальных вариантов административно-территориальных единиц были продолжены. При формировании административных единиц предполагалось учитывать прежде всего хозяйственную самостоятельность определенных территорий. Первым крупным делением территории страны намечалась область, обнимающая довольно большой район с сильным торговым и промышленным центром. Затем назывались округа и районы. Опыт районирования на Урале и Северном Кавказе оправдал себя.

Постановлениями ВЦИК от 23 июля 1928 г. и Нижне-Волжского организационного комитета от 12 июля 1928 г. устанавливался состав округов, районов и их центров по Нижне-Волжскому краю¹⁷. Территория Аткарского уезда распределилась между Балашовским (центр – город Балашов), Камышинским (центр – город Камышин) и Саратовским (центр – город Саратов) округами. *Аткарская волость* вошла в состав *Аткарского района* (центр – город Аткарск) Саратовского округа; *Баландинская волость* без Голицынского и Михайловского сельсоветов – в состав *Баландинского района* (центр

¹⁵ Переименована 14 мая 1921 г. с перемещением центра волости в село Дурасовка (ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 348, л. 26).

¹⁶ Переименована 21 ноября 1918 г. с переименованием центра волости села Голицино в Урицкое (ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 48, л. 2).

¹⁷ СУ. 1928. № 96. Ст. 618; Бюл. Нижне-Волжского организационного комитета (еженедельное официальное изд.). 1928. № 1. 9 авг.; ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 2701, л. 40.

– село Баланда) Саратовского округа, Голицынский и Михайловский сельсоветы – в состав *Самойловского района* (центр село Самойловка) Балашовского округа; *Больше-Екатериновская волость* без Араповского, Крутоярского, Юматовского и Якобьевского сельсоветов – в состав *Аткарского района* Саратовского округа, Араповский, Крутоярский и Юматовский сельсоветы – в состав *Екатериновского района* (центр – поселок при железнодорожной станции Екатериновка) Саратовского округа, Якобьевский сельсовет – в состав *Петровского района* (центр – город Петровск) Саратовского округа; *Больше-Копенская волость* без Алисовского, Колокольцовского, Мало-Князевского, Николаевского и Ново-Александровского сельсоветов – в состав *Лысогорского района* (центр – село Лысье Горы), Колокольцовский, Мало-Князевский, Николаевский и Ново-Александровский сельсоветы – в состав *Баландинского района* Саратовского округа, Алисовский сельсовет – в состав *Руднянского района* (центр – село Рудня) Камышинского округа; сельсоветы *Галаховской волости*: Андреевский, Белгазинский, Бирюковский, Галаховский, Киево-Николаевский, Николаевский, Упоровский и Шадчинский – в состав *Екатериновского района*, Воеводчинский, Вяжлинский, Гайворонский и Руднянский – в состав *Аткарского района*, Анастасьинский, Богатовский, Криво-Березинский, Никольский, Радущинский, Славновский, Шалинский и Широко-Уступский – в состав *Баландинского района* Саратовского округа; *Кологривовская волость* без Вязовского, Карамышского, Кологривовского, Ново-Никольского и Слепцовского сельсоветов – в состав *Аткарского района*, Вязовский, Карамышский, Кологривовский, Ново-Никольский и Слепцовский сельсоветы – в состав *Татищевского района* (центр село Татищево) Саратовского округа; сельсоветы *Коленской волости*: Александровский, Бедняковский, Биркаловский, Мало-Меликский, Находский и Перфило-Астафьевский – в состав *Баландинского района*, Алексеево-Борский, Бизяевский, Коленский, Кондратьевский, Котовский, Орловский и Осиновский – в состав *Екатериновского района* Саратовского округа, Баландинкинский, Братский, Ново-Дмитриевский и Софьинский – в состав *Аркадакского района* (центр – село Аркадак) Балашовского округа; *Лысогорская волость* без Александровского, Алексеевского, Белгазинского, Вольновского, Дурасовского, Куликовского, Лопуховского, Озерского, Симоновского, Чернышевского и Яблочного сельсоветов – в состав *Лысогорского района*, Александровский, Алексеевский, Симоновский и Яблочный сельсоветы – в состав *Баландинского района*, Белгазинский, Вольновский, Дурасовский, Лопуховский и Чернышевский сельсоветы – в состав *Аткарского района*, Куликов-

ский и Озерский сельсоветы – в состав *Татищевского района* Саратовского округа; *Сластушинская волость* без *Земляно-Хуторского* и *Синельниковского* сельсоветов – в состав *Екатериновского района*, *Земляно-Хуторской* и *Синельниковский* сельсоветы – в состав *Аткарского района* Саратовского округа.

Таким образом, в первое десятилетие советской власти в результате поиска наиболее оптимального варианта была проведена кардинальная реформа административно-территориального устройства Аткарского уезда, что явилось крупным организационно-политическим событием в жизни обширного региона. Сохранившееся до настоящего времени практически в неизменном виде районное деление свидетельствует о его целесообразности, отвечающей экономическим условиям и потребностям функционирования низового аппарата власти.

САРАТОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА:
СОСТАВ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ
(конец XIX–начало XX века)*

Деятельность саратовского городского самоуправления в пореформенный период в отличие от местного земства¹ не получила достаточного освещения в краеведческой и научной литературе вплоть до последнего времени. Например, в коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894)» лишь вскользь упоминается о преобладании в Саратовской городской думе крупной буржуазии применительно к 1872 году². В томе 2, части 3 «Очерков истории Саратовского Поволжья (1894–1917)» отсутствует даже подобного рода информация о думе³. Между тем городское самоуправление играло не последнюю роль в жизни Саратова.

К концу XIX в. Саратов благодаря динамичному развитию превратился в один из крупнейших городов Российской империи. По данным Всероссийской переписи 1897 г., он вошел в десятку самых крупных городов страны, а в границах собственно России по численности населения уступал лишь столичным городам – Москве и Петербургу⁴. К этому времени из принадлежащей Саратову территории почти в 2000 десятин было заселено около 1500 десятин. К 1 июля 1910 г. в городе насчитывалось 23 465 домов, в том числе сдаваемых в аренду 7083, малоценных – 2639⁵.

Динамика роста численности городского населения не может не производить впечатления. За 40 пореформенных лет население Саратова более чем удвоилось⁶. По данным губернского статистического комитета, за 10-летие с 1889 по 1899 гг. число горожан увеличилось на 15%, а за последующее 10-летие – на 57%, т.е. за 20 лет рост населения составил 80%⁷. Если в 1897 г. в Саратове проживало

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890. Саратов, 1991; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 139–171.

² Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 185.

³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). С. 119–138.

⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 1405, л. 23–38 об.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 39–39 об.

⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). С. 104.

⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 81 об–82.

137 147 человек⁸, то к 1909 г. в нем насчитывалось уже 215 201 человек (с войсками)⁹.

Причины бурного развития города во многом объясняется его выгодным транспортно-географическим положением, что способствовало усилению торгово-промышленной роли Саратова. Определенное значение для роста городского населения имели миграционные процессы. К началу XX века сформировались потоки сезонных рабочих, которые, насчитывая до 400–500 тыс. человек, дважды в год прокатывались через Саратов и губернию¹⁰. При засухах и неурожаях в Саратов стекались крестьяне в поисках заработка, часть их впоследствии оседала в городе. Как показала перепись 1897 г., до 49,5% саратовцев составляли крестьяне, при этом лишь 40% горожан были местными уроженцами¹¹.

Сословный состав горожан был достаточно пестрым. По данным губернского статистического комитета, на 1 января 1909 г. в Саратове проживало 212 162 человека, в том числе дворян 6280 (2,9%), купцов 2963 (1,4%), мещан 63 924 (29,7%), цеховых ремесленников 23 023 (10,7%), крестьян 73 941 (34,4%), отставных нижних чинов 14 613 (6,8%), поселян-собственников (бывших колонистов) 8393 (3,9%), казаков 2997 (1,4%), разночинцев 2793 (1,3%)¹².

Не менее разнообразной была конфессиональная принадлежность саратовцев, хотя в целом доминировали православные. В городе проживали единоверцы (3,2%), раскольники (5,6%), католики (2,7%), лютеране (2,4%), мусульмане (1,2%), иудеи (0,5%) и т. д.¹³.

Развитие городов в XIX в. и особенно в пореформенный период обозначило ряд проблем, которые, как стало ясно правительству, невозможно было решить чисто бюрократическими средствами, без привлечения населения. В 1870 г. было принято Городовое положение, в соответствии с которым в городах империи вводилось самоуправление, состоявшее из городской думы с распорядительными функциями и городской управы с исполнительными функциями. Возглавлял работу этих учреждений городской голова. В ведении городского самоуправления оказались разнообразные вопросы, связанные с функционированием городского хозяйства и удовлетворением различных нужд населения (здравоохранение, образование, транспорт, дороги, водоснабжение, торговля, промышленность и т. д.)

К выборам допускались только налогоплательщики мужского по-

⁸ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 16.

⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 55 об.

¹⁰ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 16.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 55 об.

¹³ Там же.

ла не моложе 25 лет. Прямых избирательных прав при этом были лишены женщины, евреи, прокурорские работники, полицейские, священнослужители-христиане, а также лица, отрешенные от должности, состоящие под следствием или гласным надзором, исключенные из священнослужителей, различных обществ, дворянских собраний, содержатели и сидельцы винных лавок. Но свой голос они могли передоверить кому-либо при условии, что доверенное лицо должно было иметь не более 2-х голосов.

Все избиратели делились на три съезда в зависимости от размера налога. В совокупности на избирателей каждого съезда приходилось по 1/3 всех выплачиваемых налогов. Съезды в равной пропорции избирали гласных сроком на 4 года. Недемократичность подобной схемы выборов помимо всего прочего заключалась в том, что немногочисленные крупные налогоплательщики, а отчасти и средние, получили возможность отстаивать в думе и проводить через нее преимущественно свои интересы, которые, как показала практика, они не привыкли отождествлять с интересами города. Последнее обстоятельство явно не подтвердило правительственный тезис о том, что представители крупного капитала будут столь же рачительно относиться к городскому хозяйству, как до того они относились к собственному имуществу.

В Саратове в 1883 г. избирателей 1-го разряда насчитывалось 73 человека, 2-го разряда – 453, 3-го разряда – 5614¹⁴. Благодаря большей активности, большему весу, связям в Саратовскую думу попадали преимущественно представители I–II разрядов.

Небезынтересна характеристика, данная саратовским губернатором А. А. Зубовым городскому самоуправлению в ответ на запрос МВД в 1883 г. По мнению губернатора, разбивка избирателей на разряды имела целью устранить преобладание «менее платящего большинства над более платящим»¹⁵. Предполагалось, что последние имеют больший образовательный статус и значительные способности в распоряжении общественными делами. Представление о том, что основу бюджета составят сборы и повинности владельцев недвижимых имуществ, оказалось, однако, ошибочным. В Саратове, по утверждению А. А. Зубова, из 600 тыс. руб. бюджета лишь 37,6 тыс. руб. приходится на сборы с недвижимой собственности и 15 тыс. руб. – на сборы с торговых документов. «Таким образом, – констатировал губернатор, – избиратели из владельцев недвижимой собственности пользуются избирательными правами на основе конечных взносов в городскую кассу, ревниво оберегая себя от вся-

¹⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 940, л. 5.

¹⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 3831, л. 71.

кого возвышения оценочного сбора»¹⁶.

На практике, замечал А. А. Зубов, эти сборы и повинности падают косвенным образом на другие слои населения. Например, рост повинностей на жилые строения неизбежно влечет за собой повышение платы за аренду квартир, сборы и повинности с промышленных и торговых заведений закладываются в стоимость товаров.

Разбивка на разряды в итоге имела своим следствием «неравномерность и несправедливость распределения участия жителей в городском представительстве и управлении»¹⁷. По расчетам губернатора, лишь 20% потенциальных избирателей получили право голоса. В целом же на выборах доминировали представители «торгово-промышленного класса», что, по оценке начальника губернии, привело «к усиленному и несправедливому преобладанию состоятельного, но необразованного по преимуществу меньшинства над вышеобразованным населением»¹⁸. В итоге состав дум и управ в городах губернии не соответствовал в должной мере своему назначению. Так, по утверждению Зубова, «городские общественные банки превратились в кассы взаимного одолжения влиятельных горожан и если эти банки ликвидировать, то редкие бы из них устояли. Жалобы на злоупотребления банков до сего времени были бесцельными. Их рассматривала дума, то есть гласные, состоящие обыкновенно крупными должниками банка, которые при этом часто сами ограничивались переписыванием своих собственных векселей вместо срочной по ним уплаты»¹⁹.

Для повышения эффективности городского самоуправления саратовский губернатор предложил расширить круг избирателей за счет арендаторов жилых помещений. По его мнению, необходимо было ввести сбор с определенного минимума квартирной платы. Участие плательщиков сбора в выборах позволило бы думе говорить от лица всего города, привело бы к исчезновению корпоративного характера в «направлении самих общественных собраний, недостаточности инициативы в делах улучшения местного благоустройства»²⁰.

Правительство избрало другой путь. 11 июня 1892 г. было издано новое Городовое положение, которое заменило налоговый ценз для избирателей имущественным. Применительно к Саратову избирательные права получили те жители губернского центра, которые имели недвижимое имущество стоимостью не менее 1500 рублей. В

¹⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 71 об–72.

¹⁷ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 3831, л. 74.

¹⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 78.

¹⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 23.

²⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 81.

число избирателей были включены и владельцы торгово-промышленных заведений города, имеющие гильдейские свидетельства. Правительство получило право не утверждать городских голов. Последние вместе с членами управ объявлялись состоящими на государственной службе, что ставило их в зависимость от правительственных чиновников.

Благодаря Городовому положению 1892 г. число избирателей в Саратове уменьшилось в 5,5 раза – с 7435 до 1129 человек²¹. К 1909 г. число избирателей составило уже 2561 человек, однако недоимщики из их рядов – до 27% – были лишены права голоса²². Таким образом, выборный орган лишь с серьезной натяжкой можно именовать «представительным».

Формальная сторона выборов представляет определенный интерес. За четыре месяца до выборов устанавливался их срок. Подготовленные списки избирателей подлежали публикации, после чего избиратели в течение двухнедельного срока могли вносить в городскую управу «свои возражения против неправильности или неполноты списка»²³. Саратовцам надлежало избирать 80 гласных. В течение двух недель до выборов составлялся список желающих баллотироваться в гласные, который вывешивался на здании думы и рассылался избирателям. В день выборов избиратели собирались в здании думы. Городской голова зачитывал им статьи Городового положения об их правах и уголовной ответственности за возможные нарушения в ходе выборов. Так, за нарушение правил о выборах городской голова подвергался штрафу до 50 руб., другие виновные – до 30 руб. или аресту от 3 до 7 дней.

Попытка саратовского губернатора создать два избирательных участка в 1892 г. для удобства избирателей натолкнулась на нежелание городской управы Саратова²⁴. Однако к 1909 г. Саратовская городская управа все-таки внесла некоторые усовершенствования в процедуру выборов, используя опыт городского самоуправления Москвы и Петербурга. Вход в зал для голосования стал осуществляться по особым билетам, на которые при входе накладывался штампель, при этом делалась запись в особом месте. В зале избиратели вносились в особый алфавитный список. Опоздавшие к 12 часам дня к выборам уже не допускались.

Ящики для голосования делились на две части: белую и черную. Для каждого кандидата в гласные выставлялся ящик. Шары для голо-

²¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 940, л. 5,13.

²² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 53.

²³ Там же, д. 1328, л. 3.

²⁴ Там же.

сования выдавались избирателям по билетам. При выборах в течение нескольких дней подряд двери и окна зала обязательно опечатывались полицмейстером, как накануне выборов, так и в конце каждого дня. Подсчет шаров фиксировался в выборном листе. При недоборе гласных назначались дополнительные дни для голосования.

Городской голова и члены управы принимали присягу следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что принимаемые на себя обязанности буду исполнять по чистой совести и чести, без пристрастия и собственные корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы: если же я иначе поступаю, то, как нерадивый о благе общественном, в коем мое собственное заключается, подвергаю себя нареканию собратией и в будущей жизни – ответу перед Богом и страшным судом Его. В заключение сей моей клятвы целую Слово и Крест Спасителя моего Аминь.

... года ... (месяца) ... дня, по сему присяжному листу присягал на должность ... (имярек)²⁵

К присяге приводил священник...»²⁶.

Характерной особенностью выборов в Саратовскую городскую думу являлась их затянутость. В 1893 г. выборы проводились 19–20 января и 3–4 февраля²⁷, в 1897 г. – 3 дня²⁸, в 1901 г. – 5 дней²⁹. В 1908 г. саратовские избиратели были разделены на 2 участка: от 1-го участка надлежало избрать 39 гласных, от 2-го – 41 гласного. Выборы носили в чем-то драматический характер. Так, на 1-м участке 26 апреля из 50 баллотировавшихся 26 были избраны в гласные. Затем из 7 изъявивших желание избрали всего одного. 27 апреля все 17 кандидатов были забаллотированы. 9 мая из 36 кандидатов избрали 3-х, затем из 10 никто не прошел. На 2-м участке выборы растянулись на 4 дня. 3 мая были избраны 12 гласных. 4 мая 3 кандидата потерпели поражение, остальные отказались выдвигать свои кандидатуры. 9 мая из 36 претендентов на звание гласного победу одержали лишь трое, затем из 10 очередных соискателей никто не смог получить должную поддержку. Наконец, 14 мая из 10 кандидатов в думу прошли трое, во втором голосовании из 23 – четверо, в третьем из 10 – двое и затем еще четыре из 4-х. В результате в думу было избрано всего 59 гласных вместо по-

²⁵ Отмеченные отточием места дописывалась от руки.

²⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3320, л. 82. (Орфография документа сохранена. – А. В.).

²⁷ Там же, д. 1787, л. 117–119, 160–161, 173–174 об.

²⁸ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 1.

²⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 58–75.

ложенных по заказу 80 человек³⁰.

Своей низкой избирательной активностью горожане мало чем отличались от земских избирателей. Так, в первые 2 дня выборов 1893 г. в них приняли участие чуть более 25% городских избирателей. Сословный состав пришедших на выборы выглядел следующим образом: купцов – 104 (42%), мещан – 59 (23,4%), крестьян – 18 (7,3%), почетных граждан – 9 (3,6%), дворян и разночинцев – по 7 (по 3%), цеховых ремесленников и поселян-собственников – по 4 (по 1,6%) и т. д.³¹ В 1901 г. в выборах участвовало от 25% до 35% избирателей³². Это было характерно и для выборов 1909 г.³³ К сожалению, данные о сословном составе пришедших на выборы избирателей отсутствуют.

Благодаря наличию формулярных списков удалось выявить разнообразные данные о составе гласных Саратовской городской думы. Сведения о сословной принадлежности гласных в 1895 и 1909 гг. представлены в табл. 1. Так, в 1895 г. 52% гласных составляли купцы, 16,5% – дворяне, 12,5% – разночинцы. Об образовательном уровне гласных свидетельствуют данные табл. 2. В 1895 г. 42% гласных имели домашнее образование, 15% неполное среднее и среднее, 19% – высшее. 48 человек уже имели опыт работы в думе, в том числе 25 купцов. Подавляющее большинство гласных были местными уроженцами (31 человек) или проживали в городе более 20 лет³⁴. Таким образом, среднестатистический гласный Саратовской думы 1890-х гг. – это преимущественно купцы старше 50 лет с домашним или начальным образованием, определенным опытом работы в городском самоуправлении.

Таблица 1

Сословная принадлежность гласных думы, %	1895	1909
Купцы	52	35,5
Дворяне	16,5	3,4
Мещане	7,6	6,7
Разночинцы (врачи, учителя, присяжные Поверенные)	12,5	35,5
Крестьяне	–	1,7
Почетные граждане	7,6	13,5

³⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2733, л. 3–7, 15–16; д. 2734, л. 7–11 об.

³¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1025, л. 13–20.

³² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 81, 83, 85, 88, 90, 94.

³³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2733, д. 2, 6, 15; д. 2734, л. 2 об, 7, 8 об.

³⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

Таблица 2

Образовательный уровень гласных думы, %	1895	1909
Домашнее образование	42	30,5
Начальное	–	11,8
Неполное среднее и среднее	15	25,5
Высшее	19	32,2

Несколько иначе выглядит состав думы в 1909 г. Среди гласных купцов насчитывалось 21 (35,5%, т.е. на 16,5 % меньше, чем в 1895 г.), столько же разночинцев (врачей, учителей, присяжных поверенных и т. д. – на 23 % больше), почетных граждан – 8 (на 5,9 % больше, чем в 1895 г.), мещан – 4 (на 0,9% меньше), дворян и помещиков – по 2 (на 13,1 % меньше), крестьян – 1 (в 1895 г. не было ни одного). Изменился и образовательный уровень гласных. 18 из них (30,5%) имели домашнее образование, 7 (11,8%) – начальное, 15 (25,5%) – неполное среднее или среднее и 19 (32,2%) – высшее³⁵. Как правило, носителем высшего образования была цензовая интеллигенция. Любопытно, что 9 ее представителей были избраны впервые в гласные в период первой российской революции³⁶.

Состав членов городской управы в определенной степени был отражением состава думы. В 1895 г. городская управа состояла из 6 членов, среди которых было 4 купца, в том числе городской голова, 1 потомственный дворянин и 1 мещанин. 2 члена управы имели домашнее образование, 2 – среднее, 1 – высшее, об одном сведений нет³⁷. В 1910 г. в управе насчитывалось 7 человек, в том числе 2 купца, 2 разночинца, 2 мещанина и 1 почетный гражданин. 1 из них получил домашнее образование, 1 – начальное, 4 – неполное среднее, среднее или среднее специальное и 1 – высшее³⁸.

Об имущественном положении как гласных, так и членов управы судить затруднительно, так как для участия в выборах избирателям достаточно было заявить имущественный ценз не ниже 1500 руб., не показывая при этом свое имущество. Например, в 1895 г. большинство гласных заявили по одному дому, 10 – по два дома, 3 – по три дома, 1 – дом и пристань. 3 – по одному дому и предприятию, 2 – по магазину, 4 – по предприятию, зачастую не указывая их стоимость³⁹. Среди гласных на 1909–1912 гг. двое имели по 3 дома, пятеро – по 2 дома и один – дом и предприятие. Стоимость имущества 33-х глас-

³⁵ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁶ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁷ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

³⁸ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁹ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

ных оценивалось в 5 тыс. руб. и выше⁴⁰. Несомненно одно, что это были далеко не рядовые горожане, а представители определенных групп цензового городского населения. Так, в 1909 г. колоритными представителями местной торгово-промышленной буржуазии в городской думе являлись Э. Э. Борель (клан «сарпинковых» и «мукомольных королей»), И. И. Рейнеке (конкурирующий с Борелями клан), П. М. Репин – крупный судовладелец, А. И. Шумилин и т. д.

Исполнение обязанностей гласного было бесплатным. Служба в горуправе приравнивалась к государственной. Городской голова получал 5000 руб. и 100 руб. на представительские расходы, заступающий место городского головы – 2500 руб. и 500 руб. на расходы, члены управы – по 2000 руб. и 400 руб. на расходы⁴¹. За статус государственных служащих надлежало расплачиваться. После утверждения в должности в течение 3-х месяцев из жалованья членов управы вычиталась ежемесячно 1/3 оклада в пользу казны⁴².

Зачастую гласные занимали выборные должности, нередко оплачиваемые в других учреждениях, обществах. Так, в 1895 г. 5 гласных одновременно были мировыми судьями, получая от 1500 руб. до 2200 руб., двое были членами общества взаимного кредита с окладом в 2400 руб., двое были торговыми депутатами, получая до 500 руб. в год, и т. д.

Несколько иным было положение со служащими городского самоуправления. К сожалению, сведения о них носят неполный характер. По данным управы на 1905 г., ей подчинялось 31 структурное подразделение, в том числе 18 отделений (медико-санитарное, городского благоустройства, городских предприятий, земельно-лесное, народного образования, налоговое и т. д.), городские амбулатории, больницы, роддом, богадельни и прочие учреждения⁴³. Функции отделений, столов и бюро в основном соответствовали их названию. Так, канцелярия управы занималась перепиской по выборам, ведала всей распорядительной частью на управы; земельно-лесное отделение ведало оброчными статьями по земельно-лесному хозяйству и рыбными ловлями; оценочное отделение занималось оценкой городских недвижимых имуществ. В отдельных случаях функции были достаточно многообразными. Например, отделение городских предприятий ведало скотобойней, мясным и скотопригонными рынками, кирпичным заводом, ассенизационным обозом, свалками, городским ломбардом, аукционной камерой, городским

⁴⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 114–154.

⁴¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2263, л. 10.

⁴² Там же, ф. 4, оп. 2, д. 860, л. 31.

⁴³ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 229, л. 48–66 об.

общественным банком и ветеринарией. Функциональное распределение не всегда поддается объяснению. Так, в обязанности отделения городского благоустройства наряду с прочими входили постройка и ремонт гидротехнических сооружений. В то же время существовало водопроводное отделение, которое наряду с водопроводом занималось канализацией.

В 1910 г. насчитывалось уже 22 отделения, бюро и стола. В них было занято 162 служащих⁴⁴. По более полным данным, в декабре 1911 г. на службе у городского самоуправления состояло 365 человек. Кроме того, 10 рабочих насчитывалось в городской мастерской, и от 8 до 133 человек (в зависимости от месяца и объема работы) были заняты на кирпичном заводе⁴⁵. Эти данные совершенно не учитывают учителей, между тем к июню 1910 г. на службе у города было 189 человек, в том числе 144 женщины⁴⁶. В сословном отношении подавляющее большинство служащих принадлежало к податным сословиям. На содержании города находилась и пожарная команда.

Материальное положение служащих зависело от должности. Так, врачи получали в год от 600 руб. до 1020 руб. Должность делопроизводителей в отделениях имела большее значение для «отцов» города, иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что их годовой оклад равнялся 1000 руб. В целом стройная система соответствия размеров оклада должности, как это было принято в земских учреждениях губернии, отсутствовала. В частности, земства практиковали трехразовые прибавки, в 30–60 руб. к окладу своих служащих через каждые 5 лет. Как призналась городская управа в ответ на один из запросов, периодических прибавок к жалованью не существует. Вместо них применялась система личных прибавок.

На середине социальной лестницы по уровню содержания находились учителя и средний социальный персонал – фельдшеры и фельдшерицы, сестры милосердия, оклады которых колебались от 360 до 650 рублей. На нижней ступени той же лестницы оказались сторожа, получавшие от 60 до 144 руб. в год, или от 5 до 12 руб. в месяц. Казалось бы, при низких ценах на продукты питания этого вполне достаточно для сносного проживания, однако следует учитывать расходы на семью, на квартиру, если таковой нет, и т. д. Например, в 1910 г. средняя стоимость небольшой квартиры в Саратове определялась в 10–15 руб. в месяц. После смерти одного из сторожей его семья из жены и 5 детей осталась без средств к существованию⁴⁷.

⁴⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 123–331.

⁴⁵ Там же, л. 257–323, 329–331.

⁴⁶ Там же, л. 50.

⁴⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 350, 404.

Сознавая недостаточность жалованья, управа в 1910-е г. ввела практику ежегодной выдачи по $1/2$ оклада всем служащим к Рождеству и на Пасху. Кроме того, служащие имели возможность купить с городского склада дрова по отпускной цене. Так, сотрудники с окладом до 25 руб. в месяц могли купить $1/2$ пятерика дров, с окладом от 25 до 50 руб. – $3/4$ пятерика, с окладом от 50 до 100 руб. – 1 пятерик и окладом свыше 100 руб. – 2 пятерика⁴⁸. Некоторые служащие получали от управы стипендии для обучения своих детей в высших учебных заведениях⁴⁹. Однако последняя мера не получила сколько-нибудь широкого распространения.

Таким образом, благодаря искусственно закрепленной Городовым положением 1892 г. системе выборов в Саратовском городском самоуправлении могла принимать участие лишь незначительная часть местного населения. В целом среди гласных длительное время доминировали представители купечества, однако благодаря обозначившейся со времени первой российской революции тенденции они вынуждены были потесниться и поделиться первым местом с представителями цензовой интеллигенции. Заметно изменился и образовательный уровень гласных – от 34% со средним и высшим образованием в 1895 г. до 57,7% в 1909 г.

Среди служащих преобладали выходцы из податных сословий. Самые многочисленные группы, как правило, недостаточно оплачиваемых составляли учителя, фельдшерский персонал и другие категории служащих. По своему экономическому положению и происхождению служащие самоуправления представляли трудовую или мелкобуржуазную интеллигенцию.

⁴⁸ Там же, д. 2854, л. 440.

⁴⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 442.

ЗАСТУПАЮЩИЕ МЕСТО (ЗАМЕСТИТЕЛИ) ГОРОДСКОГО
ГОЛОВЫ г. САРАТОВА НАЧАЛА XX века*

Структура и состав органов городского общественного управления Российской империи законодательно определялись Городовыми положениями 16 июня 1870 г. и 11 июня 1892 г., а также последующими дополнениями и продолжениями. По законодательству исполнительный орган городского самоуправления – управа имела следующих руководящих должностных лиц: городской голова (для всех управ и городских дум), товарищ городского головы, фактически его заместитель на правах члена управы (только в Санкт-Петербурге, Одессе и Риге), а также помощник городского головы, должность которого была предусмотрена для незначительных уездных и безуездных городов.

В губернских же городах городская дума избирала одного из членов управы в заступающие место городского головы, чьи статус и функции были определены в основном статьями 93 – 126 Городового положения 1892 г., а также последующими дополнениями. Эта должность была штатной и для Саратовского городского самоуправления.

Заступающий место (фактически заместитель, как и товарищ городского головы) замещал городского голову в случаях его болезни или отсутствия на службе по другим уважительным причинам. Как и голова, он имел широкое и разнообразное поле деятельности в городе и управе, осуществляя в ней «общий надзор за правильным течением всех дел», руководя и подведомственными управе городскими учреждениями.

Должности руководителей городского самоуправления, в том числе заступающего место, замещались по выбору городской думой. Государственная значимость первого и второго лиц в управлении губернских городов видна из порядка утверждения их после выборов в должностях: как городской голова, так и заступающий место утверждались в должностях лично министром внутренних дел. В случае же избрания на должность заступающего место городского головы двух или более лиц, в должности утверждалось одно лицо, а остальные могли быть зачислены кандидатами на эту должность с утверждением министром внутренних дел или губернатором. Голова, его товарищ, заступающий место, помощник, а также члены

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00165а/в.

управы по законодательству 1892 г. считались состоящими на государственной службе, и на них распространялись правила согласно Уставу о службе по определению от правительства (1892 г., 11 июня, статья 106; статьи 722–724 Устава о службе, издания 1896 г.), включая классы по чинопроизводству (по Табели о рангах) и разряды по шитью на мундире.

Содержание выборному руководству городского самоуправления, другим его должностным лицам, включая членов управы, производилось в размерах, определявшихся городской думой до производства выборов.

Срок выборной службы заступающего место, как и городского головы и других членов управы, был четырехлетний. В случае же выбытия из занимаемой должности городского головы до окончания его выборного срока (только в последний, четвертый год его службы) в его должность автоматически вступал заступающий место городского головы. Увольнение от службы руководства городским общественным управлением, а фактически государственных служащих, чиновников по выбору, до истечения ими выборного срока производилось по их личному ходатайству (заявлению) властью, утверждавшей их назначение на должность.

Высокое служебное положение руководства городского самоуправления не должно было давать ему льгот и лазеек для личного обогащения: городскому голове, его товарищу, заступающему место, помощнику головы и другим должностным лицам законодательно запрещалось участвовать в приобретении имущества (современная «приватизация»), продажа которых была возложена на них по службе.

Таким образом, из краткой законодательной характеристики видно, насколько ответственной и значимой была должность второго лица городского самоуправления губернского города. Поэтому и кандидатуры на эту должность подбирались городской думой очень тщательно, с учетом профессиональных, общественных и личных нравственных качеств кандидата. Как показала практика работы Саратовского городского самоуправления, ошибок в выборе людей на эту хлопотную должность не было, а наиболее интересными личностями, много полезного сделавшими для дореволюционного Саратова, были заступающие место городского головы В. И. Алмазов и А. А. Яковлев.

Василий Иванович Алмазов

Вторым лицом в Саратовском городском самоуправлении в период с 1906 по 1910 гг. был гласный Саратовской городской думы, за-

ступающий место саратовского городского головы надворный советник Василий Иванович Алмазов. Принадлежал он к тому типу новых людей в России, путевку в жизнь которым открыли результаты проведения Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Происходивший из мещан, ставший уездным лекарем, земским врачом, он в своем неустанном общественном труде, приведшем его на пост заместителя саратовского городского головы, является наглядным жизненным антиподом известному чеховскому герою – доктору Старцеву из рассказа «Ионыч».

В. И. Алмазов родился 5 марта 1857 г., родового имени не имел, человек сугубо штатский, на протяжении всей своей жизни «в походах против неприятеля и в сражениях не был». Как человек законопослушный, наказаниям и высказываниям, связанным с ограничениями в преимуществах по службе, не подвергался.

Начало профессиональной деятельности В. И. Алмазова было связано с окончанием им курса в Казанском университете по медицинскому факультету со степенью лекаря, в чем ему и было выдано удостоверение – свидетельство от 6 сентября 1881 г. за № 1790. Через 10 дней он получил другое свидетельство – удостоверение того же университета (№ 1134), из которого явствует, что после надлежащих испытаний В. И. Алмазов получил звание уездного врача. Может быть, так и суждено было остаться ему земским врачом, если бы не одно обстоятельство. По ходатайству Новоузенской земской управы министром внутренних дел В. И. Алмазов был утвержден врачом Новоузенского уезда Самарской губернии с правом государственной службы по чиновному производству с 16 июня 1881 г. Служил В. И. Алмазов, видимо, добросовестно, так как указом правительствующего Сената от 29 января 1890 г. (№ 26) он был произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством от 16 июня 1881 г., а указом Сената от 19 декабря 1890 г. за выслугу лет последовало производство в коллежские асессоры со старшинством с 16 июня 1884 г.

Не оставило своим вниманием В. И. Алмазова и военное ведомство. Самарским уездным по воинской повинности присутствием согласно 63 статьи Устава о воинской повинности, он, как имеющий степень лекаря, был зачислен при призыве 1882 г. в запас армии (свидетельство за № 3031 от 23 ноября 1884 г.); Высочайшим приказом о гражданских чинах военного ведомства от 25 августа 1885 г. (№ 38) В. И. Алмазов был зачислен в запас чиновников военно-медицинского ведомства.

В 80-е гг. и до 1893 г. (время его ухода в отставку) В. И. Алмазов успешно продолжал карьеру земского врача, довольно быстро и вы-

соко продвигался в чинах. Указом правительствующего Сената от 22 декабря 1892 г. (№ 185) В. И. Алмазов за выслугу лет был произведен в надворные советники со старшинством с 16 июня 1888 г.

В 1892–1893 гг. наблюдается резкий поворот в служебной карьере и положении В. И. Алмазова: согласно прошению он, увольняется министром внутренних дел от службы (13 марта 1893 г.) и переезжает на жительство в Саратов. С 3 марта 1893 г. по 1 ноября 1895 г., как видно из его формуляра, В. И. Алмазов состоял на службе в обществе Рязано-Уральской железной дороги, занимая должность врача при Управлении РУЖД и заместителя начальника врачебной службы¹.

Однако в последующие годы (1898–1902) в справочных изданиях по Саратовской губернии отмечено продолжение казенной врачебной службы, частной врачебной практики на дому, участия В. И. Алмазова в разносторонней врачебной деятельности, следствием чего стала его широкая известность среди населения Саратова.

В. И. Алмазов служил врачом 10 (позже 12) участков и заместителем начальника врачебной службы в Саратовском отделении Казанского округа Министерства путей сообщения РУЖД. Эта служба находилась по ул. Александровской (ныне М. Горького) и Малой Сергиевской (ныне Мичурина) в доме Масленникова. Среди врачей, практикующих в Саратове, значится железнодорожный врач Василий Иванович Алмазов. В 1898–1900 гг. он вел частную домашнюю практику в снимаемой им с женой квартире в доме Е.И. Пшеничного по ул. Приютской, 22, кв. 2, близ Армянской (ныне Комсомольская – Волжская). В справочниках по Саратову указаны даже часы приема – с 8 до 10 утра и номер телефона квартиры – 30, что было в конце века большой редкостью. Видимо, на рубеже веков финансовые дела В. И. Алмазова шли в гору, так как в 1901–1902 гг. он практикует уже в собственном доме, где жил с женой, по адресу: Большая Казачья № 8, близ Александровской (Горького),.

В. И. Алмазов состоял в престижном обществе Саратовских санитарных врачей, находившемся под покровительством принца А. П. Ольденбургского, был казначеем, а в 1902 г. стал президентом общества.

В. И. Алмазов был известен и как преподаватель. Он преподавал анатомию и терапию в школе фельдшерниц, находившейся в ведении возглавляемого им общества Саратовских санитарных врачей. Школа располагалась на Первомайской улице (Чернышевского), между Приютской (Комсомольская) и Полицейской (Октябрьская). В 1900 г. В. И. Алмазов стал секретарем комитета попечительства об этой школе. Одновременно он является товарищем (заместителем)

¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1–31.

председателя Саратовского отделения Санкт-Петербургского врачебного общества взаимопомощи. Как видим, его профессиональные и общественные связи были весьма обширны².

В начале XX века В. И. Алмазов был настолько хорошо известен в кругах саратовской общественности, что 10 июня 1905 г. городским избирательным собранием был избран гласным Саратовской городской думы на четырехлетие—1905–1908 гг. Начался новый, заключительный этап его карьеры, озаменованный разносторонней деятельностью в сфере общественного самоуправления Саратова. 21 сентября 1905 г. В. И. Алмазов Саратовской городской думой был избран членом городской управы на четырехлетие 1905 – 1908 гг. и утвержден в этой должности саратовским губернатором 8 октября 1906 г. (№ 486). Его активная работа на новом месте была по достоинству оценена гласными: он был избран на срок полномочий думы, т. е. до 1909 г., заступающим место городского головы г. Саратова. Утвердил его в этой должности «за Министра внутренних дел – Начальник главного управления по делам местного хозяйства». Это произошло 12 мая 1907 г.

Отзвуком прежней службы врача для В. И. Алмазова было пребывание в запасе как чиновника военно-медицинского ведомства, куда он был зачислен еще 25 августа 1885 г. Окончательно же распрощаться с этим ведомством ему довелось только в 1906 г., когда Высочайшим приказом о гражданских чинах военного ведомства от 28 мая (№ 24) В. И. Алмазов был уволен из запаса в отставку³.

В. И. Алмазов проявил себя как человек высоко и разносторонне эрудированный, наделенный организаторскими и аналитическими способностями, глубоко и серьезно входящий в новую для него сферу деятельности. Судить об этом позволяет важный в истории Саратовского городского самоуправления документ, непосредственно связанный с новой службой В. И. Алмазова. Это текст доклада городской думе, сделанный членом управы В. И. Алмазовым в апреле 1907 г. Речь шла об устройстве в Саратове, по образцу крупнейших западноевропейских городов, городской канализации. Докладчик отметил, что вопрос о введении канализации в Саратове был впервые возбужден Саратовским санитарным обществом еще в 1876 г., когда старейшим членом думы архитектором города А. М. Салько был представлен приблизительный расчет стоимости ее сооружения, выгодного для населения такого способа удаления нечистот как

² Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. С. 158, 197–198, 314; Адрес-календарь Саратовской губернии 1902 г. Саратов, 1901. С. 133, 116, 148, 149, 157.

³ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д.2601, л. 1–30; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год. Саратов, 1907. С. 87, 103.

с санитарной, так и экономической стороны. По словам В. И. Алмазова, городская дума стала заниматься этим вопросом с 2 октября 1892 г., когда был заслушан доклад управы о предложении Берлинской фирмы «Нарун и Петч» по устройству канализации. Уже тогда гласные признавали, что такая необходимость для Саратова назрела. В. И. Алмазов подчеркнул, «... что этот насущный вопрос городской санитарии все же дошел до того пункта, когда можно сказать – пора и можно вводить канализацию в Саратове».

Хотя для нового дела придется городскому самоуправлению и домохозяевам пойти на значительные расходы (1580000 руб. от города и ежегодно по 135 000 руб. от домовладельцев района первой очереди канализации), строить канализацию необходимо, так как это сократит смертность в Саратове на 1600 человек ежегодно. Именно этот веский аргумент и привел врач и член управы В. И. Алмазов в заключительной фразе доклада: «Жизнь не поддается оценке в рублях, но г-да гласные, каждый из Вас не откажется признать, что самое ценное в жизни – это сама жизнь, и что перед возможностью сохранить 1600 жизней ежегодно не покажутся чрезмерными никакие экономические жертвы»⁴.

Вопросы городской санитарии, поднятые В. И. Алмазовым в докладе, адресованном гласным думы, непосредственно относились к кругу его служебных обязанностей. А в управе как заступающий место городского головы, он заведовал медико-санитарной частью, народным призрением, городскими скотобойнями, мясными и скотопригонными рынками, микроскопической станцией, ассенизационным обозом, очисткой площадей и местами свалок нечистот. Одновременно по долгу службы В. И. Алмазов председательствовал в воинском присутствии, вел текущую переписку по секретарскому отделению⁵.

Прошел положенный срок полномочий думы, и 14 мая 1909 г. Саратовское городское избирательное собрание вновь избрало В. И. Алмазова гласным городской думы на новое четырехлетие, а 16 сентября того же года городской думой он был избран на новый срок ее полномочий членом городской управы. Утверждение В. И. Алмазова в этой должности саратовским губернатором последовало 30 сентября 1909 г. (№ 2625).

Городская дума, как и прежде, вновь избрала В. И. Алмазова на срок своих полномочий на должность заступающего место городско-

⁴ Известия Саратовской городской Думы № 1. Апрель 1907 г. Отдел VI. Доклады управы и комиссий. С. 115–145.

⁵ Весь город Саратов. Адрес-календарь-указатель на 1910 г. / Сост. и ред. П. Кочергин. Год 2-й. Саратов, 1910. С. 170.

го головы. Утверждение последовало от начальника главного управления Министерства внутренних дел 29 декабря 1909 г.

На В. И. Алмазова снова навалилась масса текущей и экстренной работы. В период с ноября 1909 г. до середины 1910 г. он, кроме основной работы, участвовал по выбору думы в работе постоянной училищной комиссии при управе.

Напряженная работа отрицательно повлияла на состояние здоровья В. И. Алмазова, и 3 июня 1910 г. он был вынужден написать заявление на имя городского головы, в котором просил уволить его от службы как члена городской управы и заступающего место городского головы «по расстроенному здоровью» с 15 июня 1910 г.

11 июля 1910 г. увольнение состоялось (предложение саратовского губернатора № 1621), однако В. И. Алмазов не отошел окончательно от нужд и забот Саратовского городского общественного самоуправления. В период лета 1910–осени 1911 гг. он был избран думой членом ряда постоянных и временных комиссий при управе: памяти Л. Н. Толстого, по подготовке празднования 50-летия освобождения крестьян, по увековечению памяти Петра Аркадьевича Столыпина, канализационной комиссии и комиссии по выяснению новых источников доходов городской управы.

Осенью 1913 г. В. И. Алмазову была поручена ответственная и серьезная миссия: представлять Саратовское городское общественное управление на наконец-то состоявшемся съезде представителей городского самоуправления России. В журнале Саратовской городской думы от 27 сентября 1913 г., пункт № 2, отмечено: «Заслушан отчет В. И. Алмазова о съезде городских деятелей в Киеве, на который он был командирован от Думы в качестве представителя. Отчет при аплодисментах гласных принят думой к сведению».

Последнее упоминание о В. И. Алмазове в справочной литературе относятся к 1916 г. Врач, надворный советник, В. И. Алмазов продолжал оставаться гласным Саратовской городской думы, куда он был избран на четырехлетие с 1913–1916 гг., но никаких общественных дел и должностей уже не имел⁶.

О личной жизни В. И. Алмазова сохранилось немного сведений. Известно, что он женился на дочери дворянина Юлии Ивановне Шестаковой. Его жена, женский доктор Ю. И. Алмазова служила в Покровской воскресной школе (Александровская ул., дом Покровской церкви). У Алмазовых 14 октября 1884 г. родилась дочь Надежда, обучавшаяся в 1909 г. на Высших женских курсах. Семья была

⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1–31; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. Саратов, 1916. С. 61; Весь Саратов. Справочник-календарь на 1916 г. Саратов.: С. 78 – 79.

православная. За время своей разносторонней трудовой деятельности В. И. Алмазов нажил дом в Саратове, находившийся на Большой Казачьей ул., № 8, с оценкой в 2140 руб. и земельный участок в 12 десятин в Саратовском уезде⁷. Одноэтажный дом В. И. Алмазова сохранился до настоящего времени.

На дочери Алмазова женился и жил в его доме А.Н. Бакулев, студент Саратовского университета(1911–1914), в 1914–1917 гг. он находился на русско-германском фронте в качестве «зауряд-врача», а в 1918–1922 гг. – в Красной Армии. А. Н. Бакулев работал в клинике С. И. Спасокукотского в Саратове 1922–1926, а с 1926 г. – у него же в Москве. Впоследствии Герой Социалистического труда, академик АН СССР⁸.

Александр Александрович Яковлев

Непросто сложилась судьба Александра Александровича Яковлева, коллежского советника, заступающего место саратовского городского головы, почетного мирового судьи Саратовского городского округа.

В течение 6 лет (1911–1917) он занимал эту хлопотливую и ответственную должность, причем дважды: в 1913 – 1914 и в 1917 гг.; ему, при вакансии саратовского городского головы, суждено было самому возглавлять Саратовское городское общественное управление.

А. А. Яковлев родился 4 сентября 1864 г., вероисповедания был православного и происходил из потомственных дворян Саратовской губернии, но, видимо, обедневших, так как родового имени не унаследовал. Всю жизнь А. А. Яковлев неустанно трудился, и в его служебном пути прослеживаются очень разные сферы деятельности, завершившиеся службой по Саратовскому городскому общественному управлению.

По окончании полного курса наук в Санкт-Петербургском университете со степенью кандидата естественных наук, А. А. Яковлев поступил на военную службу. Приказом по 2-й Гвардейской пехотной дивизии от 24 декабря 1888 г. за № 105 он был зачислен рядовым на правах вольноопределяющего 1 разряда. Продвижения следовали довольно быстро. 28 мая 1889 г. А. А. Яковлев был произведен в ефрейторы, а 27 июня того же года – в младшие унтер-офицеры. Но вскоре армейская карьера подошла к концу. На проведенном 5 августа 1889 г. в штабе 23-й пехотной дивизии на экзамене А. А. Яковлев был признан достойным производства в прапорщики запаса армей-

⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1 – 31; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. С. 293; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. С. 180.

⁸ Сведения любезно предоставлены доцентом СГУ Е. К. Максимовым.

ского полка и был произведен 9 августа 1889 г. Спустя две недели, 24 августа 1889 г., он был уволен в запас, а Высочайшим приказом от 27 сентября 1889 г. был произведен в прапорщики запаса армейской пехоты. Так завершилась первая, военная страница его разносторонней служебной карьеры.

Следующий период, связанный с казенной службой, начался после небольшого перерыва, с 20 апреля 1890 г., когда А. А. Яковлев приказом главного контролера Тамбово-Саратовской и Баскунчакской железных дорог был определен на должность счетного чиновника означенного контролера. Как и прежде, здесь последовало скорое, но недолговременное повышение по службе, первый чин. Указом правительствующего Сената по департаменту герольдии от 2 января 1891 г. за № 3 А. А. Яковлев был утвержден в чине коллежского секретаря. Вскоре приказом главного контролера Козлово-Саратовской и Баскунчакской железной дорог от 30 января 1891 г. за № 153 он был назначен помощником контролера. Но и эта сфера деятельности, несмотря на открывавшиеся перспективы, не привлекла А. А. Яковлева. Согласно его прошению, приказом главного контролера той же дороги от 1 ноября 1891 г. он был уволен в отставку.

В последующее десятилетие конца XIX–XX вв. А. А. Яковлев состоял на чиновничьей службе в качестве младшего питейного контролера 1 округа Саратовского акцизного управления (назначен на должность приказом управляющего акцизными сборами от 9 января 1901 г., а уже от 11 января 1902 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам). В начале 90-х гг. начинается новый этап его служебной биографии, связанной с общественной деятельностью, в конечном итоге завершившийся работой в сфере Саратовского городского самоуправления. 27 октября 1891 г. А. А. Яковлев уездным земским собранием был избран в члены Саратовской уездной земской управы, в этой должности был утвержден саратовским губернатором 31 октября 1891 г., правда, ненадолго, и уже 2 марта 1892 г. был уволен от службы согласно своему прошению.

С 1902 по 1909 гг. в жизни и службе А. А. Яковлева наступил новый этап – судебная деятельность дала продвижение в чинах, первые награды и упрочившееся общественное признание. Видимо, к этому времени связи с земством, возникшие в предшествующее десятилетие, не только не пресеклись, но упрочились, так как 13 октября 1902 г. Саратовским очередным уездным земским собранием А. А. Яковлев был избран в участковые мировые судьи Саратовского городского округа, где и служил в дальнейшем. Указом правительствующего Сената от 20 мая 1903 г. за № 4271 он был утвержден в

должности участкового мирового судьи Саратовского городского округа, а очередными уездными земскими собраниями переизбран на эту должность на последующее трехлетие – с 23 ноября 1905 г. и с 6 октября 1908 г. В этой должности он был утвержден указами правительствующего Сената соответственно от 24 октября 1906 г. (№ 12061) и 16 сентября 1909 г. (№ 86007). Заслуги А. А. Яковлева на судебном поприще были отмечены производством его Высочайшими приказами по гражданскому ведомству: сначала в титулярные советники со старшинством с 30 января 1903 г. (от апреля 1905 г. № 21), а затем за выслугу лет и в коллежские асессоры со старшинством с 30 января 1906 г. (от 12 сентября 1907 г. № 60). Первой наградой А. А. Яковлева был орден Св. Станислава II-й степени, пожалованный ему 1 января 1908 г.

Служба в качестве мирового судьи Саратовского городского округа упрочила авторитет и усилила известность А. А. Яковлева как общественного деятеля в Саратове, и 12 октября 1909 г. городская дума избирает его членом городской управы на срок полномочий думы. Начинается новый период его жизни. Теперь уже непосредственно связанный с Саратовским городским общественным управлением, А. А. Яковлев покидает судебную стезю (указом правительствующего Сената от 28 октября 1909 г. за № 10743 он был, согласно прошению, уволен от должности участкового мирового судьи). Предложением саратовского губернатора от 6 ноября 1909 г. (№ 2992) он был утвержден в должности члена городской управы.

В должность члена управы А. А. Яковлев вступил по принятию присяги 10 ноября 1909 г. Через несколько месяцев, 10 марта 1910 г., А. А. Яковлев городской думой был избран на срок полномочий членом Саратовского городского по воинской повинности присутствия, а 3 сентября 1910 г. дума избрала его на срок своих полномочий еще и распорядителем воскресной школы при 5-м мужском городском училище⁹.

В 1910 г. коллежский асессор А. А. Яковлев был представителем от земства в уездной землеустроительной комиссии Саратовского уезда (Константиновская, 53, дом Кишкина), а также гласным уездного земского собрания Саратовского уезда¹⁰.

Активная работа в управе, расширяющаяся сфера общественных поручений упрочили и без того высокий авторитет А. А. Яковлева.

⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1–72; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. Саратов, 1901. С. 102; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. Саратов, 1907. С. 90; Саратов в кармане: Путеводитель. Саратов, 1910. С. 125.

¹⁰ Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. Саратов, 1910. С. 96, 160–161.

Поэтому 9 июня 1911 г. Саратовской городской думой он был избран на срок ее полномочий заступающим место городского головы. Утвердил его в этой ответственной должности по предложению саратовского губернатора зам. министра внутренних дел, начальник Главного управления по делам местного хозяйства 4 июля 1911 г. (№ 1877). Вскоре добавились и новые обязанности: предложением попечителя Казанского учебного округа от 19 ноября 1912 г. (№ 28076) А. А. Яковлев был утвержден в должности почетного смотрителя Саратовского 4-го высшего начального училища на трехлетие с 19 ноября 1912 г.

Так, с 9 июня 1911 по 4 августа 1917 г. прослеживается заключительный этап деятельности А. А. Яковлева в Саратовском городском общественном управлении в качестве как заступающего место саратовского городского головы, так и самого городского головы.

В журнале Саратовской городской управы запротоколировано, что на заседании управы 14 января 1913 г. слушался вопрос о том, что городской голова В.А. Коробков с 29 декабря 1912 г. сложил с себя обязанности городского головы, получив новое назначение. Поэтому на основании статьи 125 Городового положения «...в должность головы вступил заступающий его место член управы А. А. Яковлев». Городская управа постановила: «Производить с 1 января 1913 г. выдачу содержания исполняющему дела Городского головы А. А. Яковлеву в размере, присвоенном должности Городского головы». Подписали: «П. Воронин, К. Болотников, Д. Карнаухов, Я. Воробьев». В формуляре А. А. Яковлева отмечено, что он 29 декабря 1912 г. вступил в исполнение обязанности городского головы с правом на получение содержания, присвоенному городскому голове с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г., т.е. на целый год.

Городской думой (9 января 1913г.) он был избран как исполняющий дела городского головы депутатом от Саратова на празднование 300-летия Дома Романовых 1 февраля 1913 г. То, что А. А. Яковлев фактически являлся в это время городским головой Саратова, подтверждает выписка из журнала очередного собрания городской думы, состоявшегося 9 января 1913 г. (пункт 4). Городская дума постановила: «...просить з.м. Городского головы А. А. Яковлева, за оставлением службы Городского головы В.А. Коробкова, являющегося в настоящее время Городским головой Саратова, быть депутатом от г. Саратова на праздновании 300-летия Дома Романовых и поручить Управе своевременно послать об этом извещение г-ну Губернатору» (канцелярия Саратовской городской думы 31 января 1913 г. № 5). Это участие в юбилейных торжествах было отмечено соответствующим образом 31 марта 1913 г. А. А. Яковлеву было сообщено,

что на основании Высочайшего повеления 18 февраля 1913 г. ему был пожалован нагрудный знак, утвержденный для лиц, приносящих личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летнего царствования дома Романовых в дни юбилейных торжеств.

Через год (14 января 1914 г.) А. А. Яковлев вновь был избран городской думой членом городской управы и утвержден в этой должности губернатором 24 января 1914 г. Саратовской городской думой 5 марта 1914 г. А. А. Яковлев был вновь избран на срок ее полномочий заступающим место городского головы. Утвержден в этой должности 2 апреля 1914 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству А. А. Яковлев был произведен в чин коллежского советника (24 января 1914 г.).

Дальнейшие вехи служебной деятельности А. А. Яковлева в сфере Саратовского городского самоуправления прослеживаются лишь фрагментарно. Однако известно, что 12 февраля 1915 г. за труды по отличному выполнению мобилизации 1914 г. ему последовала Высочайше учрежденная светло-бронзовая медаль на ленте Белого Орла для ношения на груди¹¹.

В 1916 г., когда во главе Саратовского городского общественного управления находился новый городской голова врач Михаил Федорович Волков, заступающим место городского головы был коллежский советник Александр Александрович Яковлев¹².

Последнее известное упоминание о службе А. А. Яковлева относится к 1917 г. Краткая запись в его формуляре гласит: «...За бывшего Городского головы М.Ф. Волкова исполнял обязанности Городского головы с 28 апреля по 4 августа 1917 г.»

Немного сведений о А. А. Яковлеве сохранилось в журнале Саратовской городской управы. На заседании 24 мая 1917 г. члена управы слушали: «городской голова М.Ф. Волков с 28 апреля сего года сложил с себя обязанности городского головы. На основании 125 статьи городского положения в должность головы вступил заступающий его место А. А. Яковлев. Согласно 560 статье Устава о службе и решении Сената (Указ 12 августа 1899 г. № 8155 и 28 ноября 1906 г. № 13027 и др.) заступающий место городского головы, вступив в должность вследствие выбытия головы в последний год выборного срока, пользуется правом на получение содержания в присвоенном Городскому голове окладе. Постановили: производить с 28 апреля 1917 г. выдачу содержания заступающему место городского головы А. А. Яковлеву в размере, присвоенном должности Город-

¹¹ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1–72.

¹² Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. Саратов, 1916. С. 63; Весь Саратов: Справочник-календарь на 1916. С. 79.

ского головы. Подписали члены: Исупов, Никольский, Белотгинский».

Таким образом, А. А. Яковлев был предпоследним саратовским городским головой царского режима. Всю жизнь он много трудился в разных сферах служебной деятельности. Удивительное дело: человек почти не имел отдыха. Из формуляра известно, что А. А. Яковлев был в отпуске лишь в 1891 г., а в 1914 г., прервав отпуск, по случаю мобилизации, явился вскоре на службу. Был в отставке с награждением чином, но в это время работал не на государственной службе (с 1 ноября 1891 г. по 11 января 1901 г., с 11 января по 13 октября 1902 г. и с 28 октября 1909 г. по 25 сентября 1910 г.). За время службы он нажил одно дворовое место в Саратове с постройками, оцениваемое в 4290 рублей. Проживал с семьей по адресу: угол улиц Бахметьевской (ныне Б. Хмельницкого) и Вольской в собственном доме. В 1901 г. он жил по Московской улице, в доме Мордвинкина.

Был женат (30 августа 1888 г.) на дворянке девице Екатерине Ардалионовне Токарской, 1865 г. рождения. Имел сына Георгия, родившегося в 1889 г. Семья его была православного вероисповедания¹³.

¹³ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1 – 79.

САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РКП (б) НА ПУТИ
ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НЭПУ
(1921–1923)

Весной 1921 г. на X съезде партии большевиков была провозглашена смена курса экономической политики Советского государства. После принятия съездом решения о замене продразверстки продналогом многие старые и опытные члены партии остались в недоумении. Несогласие с нэпом многих делегатов съезда передалось членам местных партийных организаций, и Саратовская губерния не была в этом отношении исключением. Действительно, как следует из источников, среди саратовских коммунистов наряду с явной поддержкой нового курса выявилось и глубокое принципиальное несогласие с ним ¹.

Много толков среди членов партии вызвали и декреты, последовавшие после закрытия X съезда. Работники губпродкома восприняли декрет о замене разверстки налогом как какую-то шутку, полагая, что налог введен временно для успокоения крестьян, недовольных продовольственной политикой советской власти. Поэтому они ожидали, что весной, когда крестьяне успокоятся, будет опять введена разверстка ².

Разноречивые суждения рождались среди партийных масс губернии и после опубликования декрета о вольной торговле продуктами питания. По поводу этого декрета партийные работники высказывались так: «Свобода торговли и мелкой промышленности ... ведет к росту капитализма внутри страны. Этот рост означает увеличение экономического значения и силы частнособственнического хозяйства ... Увеличение экономической мощи капитализма в советской деревне ведет к его политическим победам. Хрупкая политическая оболочка диктатуры пролетариата в России не выдержит под ней буржуазной стихии и треснет по всем швам. Новая экономическая политика создает себе соответствующие политические формы» ³. Поэтому нередко члены партии видели в нэпе не только экономическую уступку, но и политическую, особенно широко такое толкова-

¹ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 12, л. 27, д. 299, л. 49-а об., д. 316, л. 40; *Стрельцова А. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период 1921–1925 (по материалам Саратовской губернской партийной организации) // Учен. зап. Сарат. пед. ин-та. 1959. Вып. 33. С. 15.

² ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 5, л. 31.

³ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №8. С. 10.

ние нэпа было распространено среди крестьян-коммунистов. Вследствие этого запущенный в марте 1921 г. механизм нэпа стал пробуксовывать. Действительно, как явствует из материалов XI губернской партконференции (декабрь 1921 г.), новая экономическая политика не дала к тому времени желаемых результатов.

Конечно, нельзя сказать, что никаких усилий по внедрению элементов новой экономической политики не предпринималось. Скорее, наоборот, в этом направлении проводилась весьма масштабная работа. На XI губернской партконференции отмечалось, что к декабрю 1921 г. губкомом было выполнено 90% всех практических мероприятий по внедрению элементов нэпа. Однако их результативность оказалась практически нулевой, поскольку эта работа, по словам одного из делегатов конференции, «...не пронизывала мозги членов партийной организации, они не уяснили смысла этого ... переходного периода...»⁴.

Не понимая нового курса экономической политики, члены РКП (б) были не способны развеять слухи среди крестьянства об отсутствии различий разверстки и налога, зачастую сами содействовали их распространению. Ошибочно истолковывая нэп и не понимая его исторического места, некоторые коммунисты страдали «перегибанием» палки в новом курсе⁵. Как сообщалось в двухнедельном информбюллетене (15 января-1 февраля 1922 г.) полномочному представителю ВЧК в Поволжье, «непонимание самими членами РКП нового курса экономической политики, нетактичное их поведение, свойственное 1918–1919 годам, усугубляет отношение к ним крестьян, последствием чего являются ... восстания...»⁶

Недовольство партработников и рядовых коммунистов введением нэпа, извращенное понимание его сущности вынудили ЦК РКП (б) обратить особое внимание на вопросы повышения идейно-политического уровня коммунистов в условиях новой экономической политики. На необходимости решения этого вопроса заострил свое внимание еще X съезд партии, признав крайне желательной организацию систематических курсов по теории, истории и практике марксизма⁷. Но более основательно, широко эта проблема обсуждалась на X Всероссийской партконференции, созванной в мае 1921 г. В. И. Ленин обосновывал ее созыв тем, что «... на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громад-

⁴ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 8, лл. 18 в, 19.

⁵ Там же. Д. 299, л. 49-а об., д. 831, л. 24, ф. 5692, оп. 1, д. 7, л. 25.

⁶ Там же. Д. 815, л. 11 об.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 360.

ной степени не разъясненной, частью даже непонятной»⁸. В итоговой резолюции «Об экономической политике» конференция перед всеми советскими и партийными работниками поставила задачу полного усвоения и точного проведения нэпа. Нэп, говорилось в резолюции, партия признает установленным на долгий, рядом лет измеряемый период времени и требует от всех проведения с безусловной тщательностью и добросовестностью⁹. В развитие этого решения, X Саратовская губернская партконференция (8–10 июня 1921 г.) постановила считать основным содержанием партийной работы ближайшего времени понимание, усвоение и проведение в жизнь новой экономической политики¹⁰.

Двигаясь в заданном решениями обоих партконференций направлении, саратовские власти решили провести в ряде уездов специальные шестинедельники по разъяснению содержания нового экономического курса. В основу кампании было положено изучение работы В. И. Ленина «О продналоге», для чего ее подробный конспект был напечатан в саратовских газетах¹¹. Однако не везде эта работа оказалась результативной. Если члены Саратовской городской организации РКП (б), как считалось, уяснили смысл нэпа, то для членов многих укомов программа шестинедельника оказалась слишком сложной для понимания. Например, в Петровском уезде члены укома смогли усвоить лишь некоторые термины и понятия, употребляя их чисто механически. А в Саратовском уезде аналогичный шестинедельник провалился из-за неподготовленности его организаторов. Поэтому, вняв совету делегата от Петровского уезда о том, что разъяснение понятия нэпа нельзя отрывать от общей ликвидации политической безграмотности членов партии, 2-й пленум Саратовского губкома (июнь 1921 г.) поручил губкому «... немедленно разработать план, метод и способ политического ... развития членов партии»¹².

Выполняя поставленную перед ним задачу, Саратовский губком пришел к выводу, что таким методом и способом политического развития партийных масс является создание специальной инфраструктуры, т. е. открытие политкурсов, партшкол, марксистских кружков и других учреждений, имеющих своей целью ликвидацию

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 299.

⁹ КПСС в резолюциях... С. 420.

¹⁰ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства 1921–1925: Документы и материалы. Саратов, 1960. С. 33.

¹¹ Саратовские Известия. 1921. 14.07. Л. 1; Стрельцова А. И. Борьба Коммунистической партии... С. 15.

¹² ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 61 об., 63 об., 81; Саратовские Известия. 1921. 19.11. Л. 2.

политической безграмотности членов партии. В необходимости такого шага губком убедили результаты проверки знаний саратовскими коммунистами нового законодательства советской власти, которые оказались весьма плачевными. В Балашовском уезде, например, проверка выявила, что среди членов укома и кандидатов в члены РКП (б) 50% слабо разбирались в политике ¹³.

В ноябре 1921 г. в ряде уездов стали открываться районные советские партийные школы, возобновляться вечерние курсы политграмоты, например, в Балашовском уезде. В губернском центре были организованы 2 губпартшколы и 4 уездные партшколы, где к марту 1922 г. обучалось около 415 человек ¹⁴. В задачи таких школ входило, главным образом, ликвидация политической неграмотности среди членов РКП (б), расширение и углубление политкругозора и знаний старых членов партии, подготовка новых партийных, советских и профессиональных работников. При районных партшколах были открыты партклубы с кружками и студиями. Партийные клубы были организованы на предприятиях и в профорганах некоторых уездных городов. Партклубы, отмечалось XVII горпартконференцией РКП (б) (март 1922 г.), приносят громадную пользу, там собираются товарищи, дискутируются вопросы, устраиваются беседы ¹⁵. Кроме того, в марте 1922 г. начала действовать лекторская группа, где обучалось около двадцати человек. Она заменила собой существовавшие марксистские кружки. Как отмечалось в отчете о работе группы, за четыре с лишним месяца своего существования она оказала большое влияние на повышение умственного уровня слушателей, способствовала развитию у них зачатков самостоятельного марксистского мышления ¹⁶. И, наконец, в мае и июне 1922 г. в уездах наряду с партшколами открылись особые курсы политграмоты для кандидатов в члены РКП (б), курсы по ликвидации политической безграмотности по более крупным рабочим ячейкам и фабрично-заводским предприятиям. Для посещавших эти курсы делались доклады на различные темы, вплоть до такой, как «Нэп и коммунистическая этика». В целом всеми видами марксистско-ленинского образования в губернии было охвачено более 5 тыс. человек ¹⁷.

¹³ ЦДНИСО, д. 801, л. 88, ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 6.

¹⁴ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 7; ф. 27, оп. 2 д. 795, л. 70; РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 660, л. 45.

¹⁵ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №10. С. 13; ЦДНИСО, ф. 19, оп. 1, д. 269, л. 94; ф. 27, оп. 2; д. 10, л. 32; д. 814, л. 39; д. 818, л. 7.

¹⁶ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 795, л. 70; Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. № 21. С. 48.

¹⁷ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 814, л. 39; ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 7; *Стрельцова А. И.* Партийная организация Саратовской губернии в борьбе за проведение полити-

Причиной искаженного понимания сущности новой экономической политики было не только плохое знание членами саратовских парторганизаций нового законодательства советской власти, но и бессистемное распределение поступающих в уезды газет и декретов советской власти по волостям и деревням. Большинство печатной продукции оседало в уездных городах у ответственных работников и в советских учреждениях. Поэтому многие деревенские ячейки РКП (б) просто не имели полного представления о происходящих в стране и губернии переменах экономического курса. Так было в Аткарском, Камышинском, Балашовском и Саратовском уездах ¹⁸. Чтобы изменить существующее положение, в конце апреля 1921 г. Саратовский губком предложил всем уездам направить большую часть литературы в деревню, организовать правильную расклейку газет по волостям и деревням, а также чтение газет в клубах. Кроме того, в конце июня того же года Саратовский губисполком распорядился издать ряд простых общедоступных листовок и популярную брошюру с разъяснением значения новой экономической политики ¹⁹. Судя по материалам XII губернской партконференции (март 1922 г.), в итоге этой разноплановой деятельности советских и партийных органов губернии действительно произошло повышение уровня политического развития членов партии, особенно партийных ячеек в городе Саратове. Если раньше, как видно из вышеизложенного, многие члены партии считали нэп принципиальной ошибкой, то теперь, отмечалось в протоколе партконференции, «... общее мнение нашей партии уже пришло к заключению, что ... НЭП ... само по себе представляет сплетение ... ошибок, в деталях конечно, но, во всяком случае, не в принципе» ²⁰.

Отметив оживление партийной работы, партконференция постановила и далее способствовать улучшению состояния парторганизации путем дальнейшего укрепления губернской и районных партшкол, кружков, вечерних курсов ²¹. О реализации этого постановления можно судить на основании анализа состояния Саратовской парторганизации, сделанного на страницах «Вестника Саратовского губкома РКП» в январе 1923 г.: «В отношении политпросвещения партии дело обстоит хорошо. У нас уже имеется до 140 кружков ... и число их продолжает расти ... Удовлетворительно рабо-

ки партии в деревне в восстановительный период (1921–1925): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 154.

¹⁸ См.: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 316, л. 133; д. 48, л. 67; ф. 10, оп. 1; д. 433, л. 130; ф. 104, оп. 1, д. 248, л. 16.

¹⁹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 710, л. 191; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 48, л. 67.

²⁰ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 795, л. 47, 70–71.

²¹ Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №19. С. 57–58.

тают губернская и районные партшколы»²². Аналогичная ситуация складывалась и в некоторых уездных комитетах партии: в Аткарском уезде партшколу посещало в среднем 75% членов партии, в Балашовском курсы посетило до 300 коммунистов²³.

Однако не во всех уездах ситуация была столь благополучной. Например, в Дергачевском уезде только 30% членов хорошо разбирались в нюансах проводимой в стране политики, менее информированными о смысле произошедших в стране перемен были члены укома в Еланском уезде. Сущность нового курса экономической политики была слабо усвоена и членами волостных комитетов РКП (б), в частности, в Коленской волости Аткарского уезда²⁴. Объясняется это тем, что работа по политпросвещению членов партии проводилась в основном в городах. В деревне же эта работа практически не проводилась, ограничиваясь приездом ответственных лиц для проведения той или иной кампании. Лишь с конца 1922 г. стало реально ощущаться «... развитие и углубление политпросветительской работы в деревне»²⁵.

С переходом к нэпу все структуры парторганизации губернии, как и всей страны в целом, были охвачены процессом массового выхода из партии. Так, в Хвалынском уезде из РКП (б) вышло около 100 человек, еще больше в Аткарском уезде – до 600 человек. О серьезности этого явления можно судить по тому факту, что 1/3 членов губкома РКП (б) была занята разрешением этого вопроса²⁶. Но наряду с избавлением партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, партия лишалась большого количества по-настоящему преданных ей крестьян-коммунистов, а это, отмечал 2-й пленум губкома РКП (б) (июнь 1921 г.), есть потеря единственного средства для партии, посредством которого она организует и связывает крестьянские массы с рабочим классом²⁷. Поэтому массовый выход из партии встревожил руководство РКП (б). В конце мая 1921 г. саратовские коммунисты получили из Москвы телеграмму за подписью ответственного секретаря ЦК РКП (б) В. М. Молотова, где рекомендовалось очень внимательно изучать случаи выхода из партии, обращать особое внимание на социальное положение, участие в войне,

²² Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 51.

²³ Там же. С. 60–61.

²⁴ Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 61–62; ЦДНИСО, ф. 1838, оп. 1, д. 23, л. 13.

²⁵ ЦДНИСО, ф. 10, оп. 1, д. 432, л. 89, 93.

²⁶ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 15, 58; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №9. С. 1.

²⁷ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 38.

партийный стаж выходящих ²⁸. Необходимость изучения причин добровольного выхода из партии признала и X губернская партийная конференция в постановлении о реализации решений X съезда РКП (б)²⁹.

Руководствуясь как телеграммой центра, так и решением губпартконференции, саратовские власти пришли к выводу, что случаев выхода из партии по идеологическим соображениям, «за несогласие с нэпом» гораздо меньше, чем случаев выхода из-за чрезвычайно тяжелого материального положения коммунистов. Сохранившиеся в архиве документы парторганизаций подтверждают это. Случаи выхода из партии «из-за несогласия с нэпом» фиксируются лишь в Новоузенском и Балашовском уездах, случаи же выхода из-за тяжелых материальных условий жизни коммунистов фиксируется в Кузнецком, Саратовском, Хвалынском, Дергачевском, Сердобском уездах и в самом губернском центре ³⁰. Спасаясь от голодной смерти, многие жители этих уездов, в том числе члены партии, стремились заняться каким-нибудь кустарным промыслом, обзавестись своим подсобным хозяйством или вовсе покинуть губернию ³¹. Многие коммунисты, выходя из партии и желая повысить свое благосостояние, вступали в брак с дочерьми частных предпринимателей, торговцев, получая, таким образом, материальную поддержку. На этот шаг их толкало руководство губкома, неспособное обеспечить им прожиточный минимум. Коммунисты-крестьяне рассуждали так: «... раз те, кто не вступает в партию, могут есть блины, да еще и с маслом, а партия блинов не дает, значит надо уходить» ³². В городе же во многих предприятиях и учреждениях (а коммунисты почти все работали там) обыденным явлением была задержка выплаты жалованья и пайка³³. Однако далеко не все коммунисты, чтобы повысить свое материальное благосостояние, стремились выйти из партии, многие использовали свое служебное положение в целях самоснабжения. Это явление в официальных документах того времени именовалось процессом «обрастания собственностью», кото-

²⁸ ЦДНИСО, д. 40, л. 10-а.

²⁹ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства 1921–1925. С. 37.

³⁰ См.: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 12, л. 27 об.; д. 48, л. 2; д. 801, л. 45; д. 815, л. 34 об.; д. 817, л. 109; ф. 10, оп. 1; д. 433, л. 14; ф. 104, оп. 1, д. 248, л. 16; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №11. С. 10-11.

³¹ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 799, л. 147; д. 324, л. 34; д. 48, л. 2; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №11. С. 10-11.

³² Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №18. С. 31; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 27.

³³ Там же. 1922. №18. С. 31.

рый шел параллельно с выходом из партии. Так, в Вольске члены партии обзавелись собственностью на многие десятки тысяч рублей, а в Хвалынске один коммунист приобрел «... за 250 миллионов дом, за 200 миллионов мотор и еще дощаник ...»³⁴ В общем, даже среди членов губкома к октябрю 1922 г. только 19 человек не имело собственности³⁵.

Для «оздоровления» партийной организации губернскими властями был разработан специальный план. В докладе губкома на X губпартконференции говорилось, что реализация этого плана привела к созданию экспедиционных отрядов, усилиями которых организации некоторых уездов были приведены в порядок. Дело дошло до того, что губком распорядился «... ввести дисциплину диктаторскими приемами ...», т. е. не давать разрешения на выход ³⁶. Саратовский губком в марте 1922 г. поручил собственному агитационному отделу издать по уездкам циркулярное письмо с рекомендацией беспощадной борьбы с тягой коммунистов к «обрастанию» собственностью. О серьезности намерений губернских партийных руководителей можно судить, в частности, по факту исключения из рядов РКП (б) целой волостной организации в Вольском уезде ³⁷. Но выбранный губкомом путь репрессий оказался малоэффективным: выход из партии и приобретение собственности продолжались ³⁸. Поэтому чтобы искоренить эти явления или хотя бы уменьшить их масштабы, необходимо было пойти на улучшение материального благосостояния членов партии. По этому поводу в статье «Очередные задачи РКП» в одном из номеров «Вестника Саратовского губкома РКП» отмечалось: «Так как быт определяет мышление, то для коммунистического мышления коммунистов необходимо усилить коммунизацию их быта» ³⁹. В середине марта 1922 г. во все волостные комитеты РКП (б) были разосланы циркуляры, предписывающие организовать внутри своей организации широкую взаимопомощь каждому члену РКП (б) в экономическом, материальном и хозяйственном плане ⁴⁰.

Первоначально движение в этом направлении для губернских властей было очень затруднено, поскольку оказать какую-либо материальную помощь, особенно рядовым членам партии, инвалидам, губком РКП (б) не имел реальной возможности. Поэтому ему прихо-

³⁴ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 17.

³⁵ Там же. Д. 799, л. 102.

³⁶ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №8. С. 3; №9. С. 1.

³⁷ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 30, д. 804, л. 70 об.

³⁸ Там же. Д. 811, л. 25. д. 816, л. 130.

³⁹ Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №17.. С. 3.

⁴⁰ ЦДНИСО, ф. 5680, оп. 1, д. 16, л. 10–10 об.; ф. 5692, оп. 1, д. 7, л. 112–112 об.

дилось делать исключения из правил, разрешая таким категориям членов партии выезд в другие регионы страны; освобождая многих рядовых членов от многих партобязанностей и предоставляя им, таким образом, возможность самим содержать себя и свои семьи ⁴¹. В более привилегированном положении находились пострадавшие от «бандитизма» политработники, их семьи. Для оказания им помощи ВЦИКом было выделено 3 млрд рублей. Из этой суммы в ответ на просьбу Саратовского губкома в ноябре 1921 г. в распоряжение Саратовского губисполкома было ассигновано 500 млн. рублей. Определенная помощь саратовским коммунистам была оказана и общим отделом ЦК РКП (б), который за 7 месяцев (с 21 марта по 1 октября 1921 г.) распределил среди сотрудников губкома, КСМ и райкомов свыше 5 тыс. пайков госснабжения и денежных пособий на сумму свыше 85 тыс. рублей ⁴².

Переломный момент в деле материального обеспечения членов партии наступил с возникновением в Саратовской губернии, по постановлению XII Всероссийской партконференции (август 1922 г.), губернского и уездных комитетов помощи нуждающимся членам РКП (б). Согласно положению о фонде и организации этих комитетов, источником пополнения фонда взаимопомощи были, во-первых, специальные обложения (с членских взносов, например), а, во-вторых, из добровольных отчислений членов партии, учреждений и организаций. Фонд состоял из денежной и натуральной части⁴³.

Но помощь оказывалась далеко не всем нуждающимся. В постановлении XII Всероссийской партконференции было записано: «Конференция считает, что категория членов партии, которым может быть оказана помощь ... должна быть ограничена и обнимать: а) товарищей, впавших в острую нужду (больных, подвергавшихся частным переброскам и мобилизациям и т.п.); б) семьям погибших в гражданскую войну и на партийном посту товарищей» ⁴⁴. Но даже этим членам партии нередко приходилось доказывать президиуму ячейки или волкому (в уездах), что положение их было действительно катастрофическим. Такой порядок оказания помощи могли лишь частично решить проблему повышения материального благосостояния. Действительно, усилиями губкомиссии взаимопомощи к концу 1922 г. удовлетворено было лишь около 500 человек, преимущественно членов городских организаций. Поэтому материальное положение членов деревенских ячеек РКП (б) оставляло желать

⁴¹ ЦДНИСО, ф. 88, оп. 1, д. 220, л. 21, 22

⁴² Там же, ф. 27, оп. 2, д. 45, л. 52; РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 660, л. 70.

⁴³ КПСС в резолюциях ... С. 594–595; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 831, л. 17; ф. 136, оп. 1, д. 121, л. 1–2.

⁴⁴ Там же, с. 595.

лучшего, являясь причиной выходов из волкомов беднейших крестьян-коммунистов⁴⁵.

Тяжелое материальное положение заставляло деревенских коммунистов и нарушать коммунистическую этику, «обрастать» собственностью. Архивные материалы фиксируют множество фактов такого «обрастания» на протяжении всего 1923 г.⁴⁶ Причем делалось это скрытно, например, приобретение в собственность домов, сдача домов в аренду или участие в торговле происходило через посредство родственников или жены⁴⁷. Масштабы, как тогда говорили, «хозяйственного обрастания» вызвали даже озабоченность центра, откуда в мае 1923 г. пришла телеграмма за подписью В. М. Молотова. В ней ЦК советовал местным организациям вести систематическую борьбу с этим явлением как путем расширения и углубления воспитательной работы среди партийных масс и особенно в деревне, так и посредством раздачи склонным к «хозяйственному обрастанию» коммунистам индивидуальных поручений, переброски с одной работы на другую. Прибегать к решительным мерам (исключение из рядов РКП (б)) ЦК предписывал только по отношению к тем коммунистам, на которых эти меры не действовали⁴⁸.

Оказание материальной помощи членам РКП (б) и членам их семей не ограничивалось деятельностью лишь одних комиссий взаимопомощи. Этой цели было подчинено и функционирование созданных в 1921 г. комиссий по оказанию помощи голодающим коммунистам. Большое количество потерявших работу в ходе сокращения промышленного производства и попавших в затруднительное положение членов партии усилиями орготдела губкома РКП (б) было послано на фабрики и заводы, в ряды Красной Армии, милицию. Это способствовало тому, что с февраля 1922 г. безработица среди коммунистов почти исчезла⁴⁹.

Благодаря широкому спектру предпринятых мер успехи были все-таки достигнуты. Успехи эти – результат не столько совокупных усилий советских и партийных органов губернии в области улучшения материального состояния членов партии и осведомленности в вопросах партийно-государственного строительства, сколько улучшения экономического состояния губернии: хорошего урожая 1922 г., роста посевных площадей, первых успехов в борьбе с последствиями голода. Судя по материалам отчета о политико-

⁴⁵ ЦДНИСО, ф. 200, оп. 1, д. 508, л. 13; ф. 10, оп. 1, д. 432, л. 87; ф. 448, оп. 1, д. 42, л. 7.

⁴⁶ Там же, ф. 27, оп. 3, д. 23, л. 18; д. 143, л. 91; д. 147, л. 11 об., 82; д. 180, л. 39.

⁴⁷ Там же, ф. 138, оп. 1, д. 161, л. 124.

⁴⁸ Там же, ф. 27, оп. 3, д. 32, л. 30, д. 105, л. 37.

⁴⁹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 383, л. 11; ф. 27, оп. 2, д. 799, л. 12.

экономическом состоянии Новоузенского уезда за июнь-июль 1922 года, в среднем девять из десяти членов укома стали лучше разбираться в сущности нэпа, что отразилось на сокращении до 10% числа добровольных выходов из партии. В ряде уездов губернии запущенный механизм нэпа постепенно начал давать первые ощутимые результаты. Так в краткой сводке о политическом состоянии Камышинского уезда за август 1922 г. сообщалось, что «в деревне влияние НЭП начинает сказываться довольно ощутимо»⁵⁰. В октябре 1922 г. на XIII губпартконференции было отмечено оживление партийной работы и увеличение тяги рабочих в партию⁵¹. Материалы об усиленной тяге в РКП (б) крестьянства и рабочих масс содержатся также и в первом номере журнала «Вестник Саратовского губкома РКП» за 1923 г. В феврале 1923 г. XIV Саратовская губпартконференция РКП (б) отмечала, что выход из партии «...неустойчивых элементов пополняется с избытком свежими силами. Тяга в партию среди рабочих велика»⁵². Все это свидетельствует о постепенном преодолении саратовской организацией РКП (б) кризиса, порожденного сменой экономического курса в стране, хотя негативные явления еще наблюдались в отдельных уездных организациях. Получив одобрение и признание со стороны партийных и советских работников губернии, новый курс экономической политики Советского государства получил своеобразную путевку в жизнь.

⁵⁰ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 816, л. 93 об., 124.

⁵¹ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 797, л. 10, 32.

⁵² Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 64, 66.

ПЕРЕВЫБОРЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ
В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
(1929–1930)

По Конституции СССР 1924 г. верховным органом государственной власти в стране формально был Всесоюзный съезд Советов, формировавшийся путем многоступенчатых выборов. Высшими органами управления в территориальных образованиях являлись съезды Советов разных уровней и их исполкомы, в селах и городах – сельские и городские Советы. Перевыборы депутатов проводились один раз в год открытым голосованием на избирательных собраниях, организуемых по предприятиям и учреждениям. Неработающие и не входящие в профсоюзы граждане голосовали там же или по особым участкам; в селах все происходило при сельсоветах. Кандидаты и их списки могли выдвигаться общественными, партийными организациями или отдельными гражданами.

Лишь выборы 1926 г. были признаны Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) «первой после окончания гражданской войны ... широкой и открытой избирательной компанией»¹. Открытость была относительной: по действующей Конституции права избирать оказались лишенными сотни тысяч «нетрудовых, эксплуататорских и классово чуждых элементов». Участие же в выборах основных социальных групп действительно с каждым годом росло благодаря усиленному вниманию к этому партийно-государственных органов.

В октябре 1928 г. созывается Всесоюзное совещание по вопросам улучшения руководства переборами Советов 1929 г. Подготовкой к отчетной кампании в Нижне-Волжском крае занялись уже через месяц. В январе 1929 г. в Саратове между предприятиями учредили соревнование на проведение лучших выборов в городе и сельской местности². Наряду с массовой посылкой рабочих бригад в деревню по линии партии стали привлекать студентов вузов и техникумов, дополняя это митингами – «перекличками» между предприятиями и селами. Но довольно пассивное участие профсоюзных и других общественных организаций привело к срыву некоторых отчетных собраний, повсюду отмечалась плохая подготовка докладчиков. За повседневными делами те или иные ячейки ВЛКСМ могли проигнорировать данные мероприятия, другие подверглись обвинениям в

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 36.

² ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 23, л. 2.

примиренчестве к «кулацко-нэпмановским махинациям»³. Призыв крайкома ВЛКСМ явиться ячейкам на собрания для обоснованной критики недостатков в деятельности Советов и внесение предложений, услышан был не всеми⁴.

Узнать из первых рук о проделанной советской властью работе стремились далеко не все избиратели в округах: на собрания бедноты, самой активной части населения, могла явиться только треть от списочного состава. Делались попытки особо учесть охват агитации таких групп населения, как молодежь, женщины, безработные. Но уровень ведения статистики в отдельных случаях не позволял выяснить с точностью даже количество бедняков, ставших депутатами. Данный же показатель был основной.

В городах края явка рабочих на отчетные собрания составила около 70%, служащих – 60%, «неорганизованного» населения – 45%; в деревне общая явка не поднималась выше 40% и т.д.⁵. Горожане настойчиво требовали устранить очереди в магазинах, жаловались на снабжение недоброкачественными продуктами, на стеснительные жилищные условия и т.п. Широкий общественный резонанс получило уголовное дело, заведенное на бывшего председателя Саратовского горсовета Акимова, уличенного в растрате бюджетных денег. Жаркие дискуссии разгорелись вокруг намечавшегося закрытия церквей, – большинство саратовцев высказалось против этого. Имела место попытка безработных и домохозяек в одном из районов Саратова добиться выдвижения своего списка кандидатов помимо списка от партийной организации как «не гарантирующего защиту их интересов»⁶. На собрании безработных железнодорожников звучали сходные настроения: «Члены партии занимают ответственные посты и приобретают домики, скоро они будут такими же дворянами, которые были раньше. Нет у нас справедливости, и не будет»⁷.

В деревне середняки нередко попадали в изоляцию в результате официального курса на «обеднячивание» сельсоветов, с заседания которых воинственная беднота изгоняла всех неудобных. Часто поднимавшийся вопрос о необходимости создания Всероссийского крестьянского союза переплетался с требованием уравнивать положение крестьян и рабочих. Отчеты составлялись на скорую руку прежде всего председателями сельсоветов, в то время как другие члены от малчивались. Наказы и крестьян, и рабочих игнорировали полити-

³ Известия Нижневолжского крайкома ВЛКСМ. 1929. № 1. С. 3.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 93, л. 58 об.

⁶ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 112, л. 3.

⁷ Там же. Д. 82, л. 60 об.

ческие установки и носили узко хозяйственную направленность. Активность сельской интеллигенции можно охарактеризовать как низкую. Имелись единичные случаи, подобные произошедшему в с. Турки Балашовского округа. Там во время праздничной демонстрации выступили несколько бывших эсеров со своими знаменами и лозунгами⁸.

При лишении избирательных прав участковые комиссии неправомерно заносили в черные списки середняков, успевших проявить нелояльность к власти. Сводили личные счета и с бедняками. По сравнению с 1928 г. «лишенцев» в Саратове (по не уточненным данным) стало больше на 1,5–2 тыс. человек (до 11 тыс.), в Балашове и Хвалынске – на 12 %, Вольске – на 7 %⁹.

Со стороны кулачества, других враждебно настроенных групп развернулось противодействие начинаниям власти. Органы ОГПУ и прокуратуры регистрировали значительное количество преступлений «террористического» характера, направленных против советских активистов. Часть сотрудников избиркомов подавала в отставку из-за опасений пострадать от рук недоброжелателей. Такие шаги коммунистов рассматривались как дезертирство. Не обходилось без курьезов, когда партийные и комсомольские организации выступали на выборах в Советы самостоятельно, с различными кандидатурами. Для представителей номенклатуры, в том числе из составов президиумов крайкомитетов профсоюзов, процесс упрощался – по партийной линии им бронировали места в горсоветах. Персональный список согласовывался с партиячками, райкомом, орграспределом окружного комитета ВКПб¹⁰.

Об итогах выборов много говорит пример Балашовского округа, где в новых Советах оказалось бедняков – 53 %, середняков – 30 %, батраков – 6 %, рабочих – 2,5 %¹¹. Удельный вес рабочих и батраков в Советах страны поднялся в целом с 5 % до 8,7 %, бедноты с 34 до 46%¹². Из 74 млн 53 тыс. человек, имевших право голоса в СССР, в выборах 1929 г. участвовало 47 млн 75 тыс. человек¹³.

Президиум ЦИК СССР, подводя предварительные итоги избирательной кампании в марте 1929 года, отметил такие достижения, как рост активности граждан и усиление руководящей роли рабочего класса. Но имеющиеся недочеты требовалось устранить, осуществив

⁸ ЦДНИСО, д. 77, л. 52.

⁹ Там же, л. 7.

¹⁰ Там же, д. 99, л. 5.

¹¹ Там же, д. 77, л. 11.

¹² *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 104.

¹³ Рабочий класс в управлении государством. М., 1968. С. 68.

проверку, а по сути, пересмотр, выборов там, где в Советах «недостаточно отразилось представительство... середняков, бедняков, батраков»¹⁴. Наметившийся курс на ускоренную коллективизацию ставил сельсоветы в центр внимания, и ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) выдвинул лозунг: «Советы лицом к колхозному движению!»¹⁵. 31 января 1930 г. рассылается циркуляр, который указывал провести досрочные перевыборы в сель- и райсоветы, если их члены не справлялись с задачами по коллективизации.

К этому времени началась плановая предвыборная кампания в Нижне-Волжском крае, которой предшествовала «смотри-проверка» работы Советов. Выяснилось, что они весьма плохо руководили хозяйственной, культурной и общественной жизнью села, являясь в лучшем случае чисто административными органами, механически выполняющими директивы вышестоящих инстанций. Заседания проводили редко, фактически активность проявляли только председатели и секретари.

Для руководства предыдущей перевыборной кампанией горизбиркомом Саратова создавались комиссии при краевых отделах профсоюзов и выделялись уполномоченные на предприятия. Теперь горсовет посчитал более целесообразным установить руководство напрямую через избиркомы, которых по городу организовали 180. Выборы 1930 г. планировалось провести в несколько этапов: отчетная кампания с 29 января по 14 февраля, отчеты бюро секций на их пленумах наметили на 29 января, далее следовали отчеты президиума горсовета и депутатов. Сам процесс голосования продолжался две недели (с 15 по 28 февраля)¹⁶.

Наказы избирателей по-прежнему не включали в себя плана конкретных мероприятий по осуществлению «линии партии и правительства», горсовет провел отчетность формально. По городам на собраниях «чуждые элементы» прения по докладам старались свести к вопросам продовольственных затруднений, объясняя их как закономерный итог проводимой партией политики. Поползновения, как отметили инструкторы крайкома ВКПб, получили «должный отпор со стороны рабочего класса»¹⁷. Горизбирком Саратова доверил (в нарушение законодательства) лишение избирательных прав участковым комиссиям, что значительно увеличило количество «лишенцев». Практиковалось выселение указанной категории граждан из квартир, отбирали талоны на продовольственный паек,

¹⁴ Собрание законов СССР. 1929. Март. № 19.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях ...Т. 5. С. 8–37.

¹⁶ Поволжская Правда. 1930. 28 янв. № 22.

¹⁷ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 176, л. 61.

отказывали в медицинской и другой помощи, исключали детей из школ и т.п.

Пытаясь учесть прошлогодние ошибки, фракция ВКП(б) в крайисполкоме в феврале 1930 г. распорядилась обеспечить в районах решающее влияние на выборах бедноты в блоке с середняком¹⁸. Сельизбиркомы, работая без должного плана, обеспечить необходимые результаты смогли не везде. На следующий месяц бюро крайкома ВКП(б) дало директиву о немедленных перевыборах сельсоветов с недостаточным представительством в их составе середняков¹⁹.

Вообще, выборы 1930 г. остались мало замеченными, совпав с началом раскулачивания российской деревни. Тем не менее нарушения избирательного законодательства фиксировались. Это становится ясно из постановлений Президиума ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР, вышедших в апреле 1930 года. Окружным исполкомам Советов давалось указание образовать сроком на 2 месяца специальные комиссии для проверки жалоб, поступивших во время выборов²⁰.

Без учета итогов работы комиссий перевыборы в Нижне-Волжском крае дали следующий результат (по 8 округам, кроме АССРНП): крестьян в Советах – 82 %, батраков и с/х рабочих – 8,7 %, сельской интеллигенции – 2 %, служащих – 4,3 %²¹. В горсовете Саратова рабочих оказалось две трети от общего количества депутатов, бывших рабочих – 13,5 %, служащих – 12,9%; в горсовете г. Вольска рабочих – 48,3 %, бывших рабочих – 17,9 %, служащих – 18,7 %, крестьян – 2,7 %²².

Таким образом, по своей идее местные Советы трудящихся, как органы народного представительства, сочетали в себе черты государственных и общественных организаций. Но выборы использовались лишь как средство связи с населением для упрочнения политического режима и мобилизации людских ресурсов. Общественные организации, лишенные стимулов для активного участия в выборах, становились все менее дееспособными. Недочеты в своей работе Советы не спешили устранять, от мнения граждан старались отмахнуться, что сказывалось на престиже этих органов управления.

В ходе рассмотренных отчетных кампаний избирателям было позволено проявлять инициативы, направленные на поддержание «генеральной линии» партии, и указывать на отдельные недостат-

¹⁸ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 176, л. 46.

¹⁹ Там же. Л. 51.

²⁰ СЗ СССР. 1930. Апрель. № 19.

²¹ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 168, л. 26.

²² Там же. Д. 176, л. 58.

ки. Наряду с предварительным обсуждением на общих собраниях и в печати списков кандидатов избиратели дополняли их новыми фамилиями. Однако система открытого голосования не давала возможность выявить истинные предпочтения общественности. Проявлялась тенденция: чем больше людей привлекалось к голосованию, тем формальнее оно проходило.

Е. К. Максимов

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТРОИЦКОМ ВЗВОЗЕ В САРАТОВЕ*

В 1781 г. саратовский комендант И.К. Бошняк получил указ Екатерины II, предлагавшей завести в городе народные школы для обучения российской грамоте, письму и арифметике всех, кто добровольно пожелает в них обучаться. Однако саратовские обыватели заявили, что своих детей они будут обучать, как прежде, нанимая домашних учителей. Видимо, подобные или близкие к ним ответы из других мест побудили императрицу пойти иным путем. 5 августа 1786 г. Екатериной II был утвержден устав для Главных народных училищ, которые должны быть открыты во всех губернских городах России.

22 сентября 1786 г., в день памяти коронации Екатерины II на престол, в 25 крупных городах России были открыты Главные народные училища. Они были четырехклассными. В них обучались русскому языку, чистописанию, математике, гражданской архитектуре, черчению. Много времени отводилось на изучение истории, географии, физики с основами механики, естественной истории. Не забыт был и закон Божий.

Такое училище было открыто и в Саратове на средства приказа общественного призрения с подчинением симбирской дирекции¹. В училище могли поступать дети всех городских сословий, поэтому состав учеников был разнородный. Так, в 1803 г. из 223 учеников 122 были кантонисты. Первоначально саратовское училище совмещало в себе малое и среднее народные училища, что сказывалось и на обучении: предметы преподавались неполностью, без соответ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ См.: *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. II. С. 26.

вия учебному плану, не хватало учителей, отсутствовали пособия и, видимо, ученики. В библиотеке в 1803 г. имелось всего 20 книг, в 1805 г. – 28, в 1812 г. – 40. Директор училища А. И. Шестаков писал, что «об училище ходили нелепые толки, что непросвещенные родители вверяют детей людям разного звания. Другие, отдав детей в училище, желают, чтобы их учили читать и писать по-русски», поэтому таких учеников родители забирали до окончания курса училища. В первые годы существования училище не обладало нравственным авторитетом, чтобы бороться с этими предрассудками².

Главное народное училище не имело собственного здания. Возможно, для него арендовали частный жилой дом или помещения одного из казенных или общественных зданий. В отчете директора училища за 1801 г. отмечалось, что училище размещается в неудобных строениях, двери в комнатах сквозные, что из-за отсутствия отдельного помещения в классах с учениками сидят сторожа и т. д. Такое положение продолжалось более десяти лет³.

В 1799 г. приказом общественного призрения, в ведении которого находилось училище, было начато строительство специального каменного здания.⁴ Автором проекта, видимо, был Христиан Иванович Лоссе (1756–1805), тогдашний губернский архитектор. Это предположение основывается на ряде косвенных фактов, в том числе сравнительном анализе архитектуры здания Главного народного училища и нереализованных проектов здания губернских присутственных мест, разработанных Х. И. Лоссе в 1802 и 1803 гг.

10 июня 1800 г. в 5 часу вечера во дворе дома купца Арскова загорелось в сарае сено. Порывистый, менявший часто направление ветер от дома Арскова на углу улиц Московской и Б. Сергиевской быстро распространил пожар на огромное пространство. Этому способствовала и долгая засуха, ибо деревянные строения сразу окатили огнем. В огненной стихии погибло 24 каменных, 181 деревянный дом, 456 жилых изб и бань, 502 холодные постройки стоимостью 354 325 руб., 174 разных лавок с товарами на сумму 79 450 руб. Ущерб Саратову был нанесен огромный⁵.

На плане, составленном губернским архитектором Х. И. Лоссе, заключающем часть города, уничтоженную пожаром 10 июня 1800 г., и приложенном к донесению царю командира стоявшего в Саратове

² См.: Смирномудренский А. Из истории развития народного образования в г. Саратове // Саратовский край. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 309.

³ Там же.

⁴ Саратовская летопись // Саратовский край. С. 54.

⁵ Гераклитов А. А. Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. // Труды СУАК. 1916. Вып. 33. С. 6–7.

4-го батальона полковника Гартога, видно, что пожар коснулся строившегося здания Главного народного училища⁶. Училищный каменный флигель был почти завершен, но настолько обгорел, что его пришлось восстанавливать и «отделывать вторично». Постройка здания обошлась в 22 341 руб. 46 коп⁷.

В 1801 г. отделочные работы закончились, и здание стало использоваться Главным народным училищем. Через год, с учреждением Министерства народного просвещения, училище со всеми строениями, капиталами, штатами учителей и чиновников перешло в ведомство нового министерства. Однако программа училища оставалась недостаточной для продолжения учебы в университете, где готовили «просвещенное чиновничество». Поэтому уставом учебных заведений главные народные училища преобразовались в гимназии, учебная программа которых была значительно шире и содержательней. В 1820 г. Саратовское училище было реорганизовано в мужскую гимназию, первую в городе.

В связи с передачей Главного народного училища в ведение Министерства народного просвещения архитектором Лоссе в 1802 г. были составлены «Планы с фасадом состоящему в губернском городе Саратове вновь выстроенному казенному... трехэтажному каменному дому для народного училища и жительства учителей»⁸. На листе помещены планы трёх этажей и главный фасад (рис. 1).

Главный фасад училища выходил на тогдашнюю Гостиную площадь и был обработан в классическом стиле. Это было первое здание в таком стиле, сооруженное на площади.

На фасаде семь окон. В центре, на ширину трех свободно поставленных окон, устроен слегка выступающий ризолит, рустованный от основания до карниза крыши. Над ризолитом устроен простого оформления треугольный фронто́н. На первом этаже, на всю ширину ризолита, выложено довольно обширное крыльцо с двумя маршами (справа и слева), ведущими на площадку на уровне второго этажа, где вместо среднего окна сделана дверь – вход в здание. Между маршами лестницы вход в помещение первого этажа. Справа и слева от ризолита по два окна с простыми наличниками. Под окнами выполнены выступающие прямоугольные филенки. Между окнами второго и первого этажей проходит горизонтальная тяга, выделяющая первый этаж как подножие здания – цоколь.

⁶ СМК, ед. хр. 44616.

⁷ Покровский В. М. Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // Труды СУАК. 1902. Вып. 22. С. 6.

⁸ РГИА, ф. 1488, оп. 3, д. 1002, л. 1.

Такое же оформление имел, вероятно, и дворовый фасад, хорошо просматриваемый с Волги. На панорамном рисунке Саратова, выполненном в 1809 г. губернским землемером Федором Решетниковым на нижнем поле плана города, дом училища показан со стороны Волги. На крыше здания четко нарисован фронтон⁹.

На поэтажных планах видно, что на первом этаже шесть помещений, каждое с отдельным выходом и маленьким окном, они предназначались под погреба. Второй этаж повторяет планировку первого. По центру устроены сени с лестницей на второй этаж. По бокам сеней по две квартиры для учителей. Внутриквартирные перегородки тонкие, легкие, видимо, выполнены из дерева с последующей штукатуркой. Третий этаж – учебный. Справа от лестницы большая комната для занятий первого и второго класса, слева – две комнаты с окнами во двор – третий класс; с окнами на площадь – четвертый. За лестницей между классами комната – «кладовня книжная».

В архивном деле вместе с чертежами Х. И. Лоссе имеются чертежи В. И. Суранова¹⁰. Если чертежи Лоссе являются фиксационными и выполнены в 1802 г., то сурановские планы этажей и фасада более поздние, ибо Василий Иванович Суранов (1765–1818) только в 1805 г. был назначен на должность губернского архитектора после смерти Х. И. Лоссе, скончавшегося 4 февраля этого года от продолжительной лихорадочной болезни. Первой работой В. И. Суранова явилось проектирование здания присутственных мест, так как из-за болезни Лоссе не составил смету к своему плану этого строения в Саратове. Можно предположить, что чертежи Главного училища Суранов выполнил после пожара 1811 г., зафиксировав вид восстановленного здания (рис. 2, 1).

Пожар 21 июля 1811 г. начался от топившейся бани. Сильный ветер перекидывал огонь и зажигал дома саженой за сто. Ни широкие улицы, ни площади не защищали от пламени. Лучшая часть города по каменным зданиям, по жительству в ней богатого купечества была совершенно опустошена. От Покровской церкви на берегу Волги огонь стал распространяться вниз и на горы. Дома, каменные и деревянные лавки и ряды, большая часть рыбных лабазов на берегу, строевой лес и многое другое погибло в пожаре. Обгорели церкви, а монастырь на горах сгорел до основания. Весь день, разносимый ветром, бушевал огонь. Народ спасался на судах, лодках, а кто-то погружался в воду или бежал по берегу прочь из города. На Волге погибло 12 судов с лесом и рыбой¹¹.

⁹ РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 21.

¹⁰ Там же. Ф. 1488, оп. 3, д. 1002, л. 2.

¹¹ Саратовские губернские ведомости. 1843. № 34. Прибавление.

Протоиерей Н. Г. Скопин, описывая в своем дневнике этот пожар, отметил: «Убыток неисчислим; одних домов исчезло 1360, лавок, амбаров и лабазов – 360. Люди пришли в крайнее разорение и убыток». Сам Скопин тоже «с прочими лишился дома от пожара»¹².

В соседстве с Главным народным училищем пострадали аптека, Казанская церковь и другие здания. Опалил пожар и здания училища. По сообщению профессора Казанского университета Ф. Эрмана, побывавшего в Саратове в 1815 г., «дом (училища) года три назад, во время пожара лишился своей задней постройки», т.е. имевшегося на училищном дворе каменного одноэтажного жилого флигеля на три комнаты, к которому с юга примыкали деревянные службы: конюшня, каретник, дровяник и пр.

На фиксационном чертеже В. И. Суранова видны незначительные изменения при сравнении с чертежом Х. И. Лоссе: несколько выше стала крыша, уже все окна имеют наличники, крыльцо несколько увеличилось вширь и ввысь.

Профессор Ф. Эрман, по заданию попечителя Казанского учебного округа ревизовавший саратовские учебные заведения, нашел достойным похвалы Главное народное училище, состоящее из четырех классов. Директор и четыре учителя относились к своим обязанностям честно и с успехом. В училище обучалось 120 учеников, большей частью хорошо воспитанных и хорошо обученных. При училище была маленькая библиотека, а из учебных пособий несколько ландкарт¹³.

После преобразования училища в гимназию и размещения ее в купленном в 1817 г. у саратовского губернатора Панчулидзева доме, приспособленном под учебное заведение, в здании Главного народного училища в 1822 г. было открыто уездное училище¹⁴. Вот как описывали учебу в этом заведении: «Посреди класса друг за другом стояло 12 длинных столов. Между ними свободный проход. За каждым столом усаживалось до 14 учеников. По числу столов класс делится на 12 отделений.

Первый стол учил буквы, писал деревянными палочками буквы и цифры на песке, рассыпанном на столе. Второй стол учил склады, состоящие из одной гласной и одной согласной, писал на бумаге гусиными перьями: сначала палочки, потом нечетное число раз букву «а», научившись, писали «б», затем «в» и т. д. Третий стол учил

¹² Дневник протоиерея Н. Г. Скопина // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. 1. С. 432.

¹³ Саратовский край. С. 60–61.

¹⁴ Гераклитов А. А. Саратов: Краткий исторический очерк. Саратов. 1923. 2-е изд. С. 24; Саратовская летопись. С. 63.

склады из трех слогов и т.д. Мальчики, успевающие более, переводились на следующие столы.

В простенках между окон висели черные деревянные доски, размером около квадратного аршина. Таких досок было 12 по числу отделений: они служили для занятий по арифметике или на них висели таблицы для чтения.

Тетради, доски, перья не носились домой, а по окончании класса отбирались и хранились на окнах. За провинности (разговаривающих, вертевшихся) могли оставить без обеда»¹⁵.

Занятия начинались в 9 часов утра с молитвы. Затем ученики подходили к доскам в простенках, становились полукругом, причем руки держали за спиной, и по очереди читали на таблице слова или предложения. А учитель в это время ходил к столам отделений или занимался со старшими учениками. Когда старшие ученики писали, то брали с окон аспидные доски, которые по окончании уроков отбирались. Учение заканчивалось молитвой, и дети уходили на обед. После обеда занятия продолжались. Когда уходили младшие, то ученики, начиная с пятого стола, продолжали занятия по истории Ветхого или Нового завета. На другой день на уроках было повторение рассказа¹⁶.

В 1828–1829 гг., когда было решено открыть в Саратове духовную семинарию, возникло затруднение с подысканием подходящего для нее помещения. Обратили внимание и на дом уездного училища, в котором удобно можно было устроить классы для семинарских занятий. Однако при обследовании прочности здания оказалось, что «каменный двухэтажный на выходах дом, занимаемый уездным училищем, в стенах состоит прочен, по внутреннему же устройству требует довольно много исправлений; находящиеся же при оном каменные и деревянные службы, быв совершенно ветхи и к помещению неудобны...»¹⁷. Поскольку ремонт дома и служб при нем требовали немалой суммы денег, то их покупка не состоялась. Для семинарии приобрели четыре дома Устинова на трех его усадебных местах.

В 1847 г. архитектор Казанского учебного округа Гмелин сделал серию фиксационных чертежей построек саратовского уездного училища (рис. 2, 2). Согласно этим чертежам в архитектурном облике здания училища существенных изменений не произошло¹⁸.

¹⁵ Меркулов В. Краткий исторический очерк саратовской народной школы. Саратов, 1886. С. 20–22.

¹⁶ Там же. С. 22–23.

¹⁷ Покровский В.М. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ РГИА, ф. 733, оп. 96, д. 683.

Саратовский архитектор А. М. Салько в 1875 г. составил «План и фасад каменного двухэтажного дома в предполагаемом к исправлению виде, принадлежащего уездному училищу...» Но эту перестройку осуществить, видимо, не удалось, так как 12 октября 1876 г. в училище произошел пожар, который полностью уничтожил крышу, частично повредил, частично истребил внутреннее устройство. Для временного помещения уездного училища был тогда же снят дом купеческой вдовы Т. М. Смирновой на Московской улице. Позднее уездное училище было преобразовано в 3-классное училище. В 1880 г. местная газета сообщила, что «дом лютеранского общества, в котором в последнее время находилась контрольная палата, теперь арендуется для городского училища»¹⁹. В этом доме на Армянской (ныне Волжской) улице училище находилось до 1917 года.

В августе 1877 г. архитектор Салько составил опись «места со строениями, принадлежащего уездному училищу на Старо-Соборной площади». В этой описи перечислены: каменный двухэтажный с подвалами обгорелый дом, каменный одноэтажный флигель, деревянные службы (каретник, конюшня, хлев, ретирата). К 1880 г. здание бывшего училища было восстановлено после пожара. При ремонтных работах были разобраны парадное крыльцо и фронтоны главного и дворового фасадов.

Здание по-прежнему являлось собственностью казны. Оно было арендовано городской управой для 4-го Казанского мужского училища, которое и разместилось здесь в 1880 году²⁰. Казанское первое приходское училище было основано в 1808 г. по уставу 1804 г. Оно было двухклассным, с небольшой программой обучения, но отвечавшей требованиям общества того времени. С открытием уездного училища Казанское приходское училище стало как бы «приготовительным классом» первого и помещалось в здании его. В 1864 г. приходское училище преобразовывается в трехклассное городское училище и отделяется от уездного, приобретая тем самым самостоятельность²¹. Казанское училище теперь размещается в большом трехэтажном доме на Покровской улице (ныне ул. Лермонтова, 41).

Здание 4-го Казанского городского училища было построено в первой половине XIX в. Первоначально это был двухэтажный дом, выстроенный, вероятно, с использованием типового проекта № 68 из серии «образцовых фасадов» 1809 г. на месте другой частной жилой постройки, поврежденной пожаром 1800 г.

¹⁹ Саратовский листок. 1880. № 131.

²⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 395, л. 157.

²¹ Смирномудренский А. Указ.соч. С. 310.

При сооружении Казанской дамбы через Глебов овраг в 1866 г. брали землю с соседних улиц и дворов. Со двора будущего дома Казанского училища было взято земли до трех саженей в глубину, что позволило под двухэтажный дом подвести нижний этаж и новый фундамент. Земля здесь была насыпная, вероятно, от разбросанного при уничтожении за ненадобностью крепостного вала²². Вот этот трехэтажный дом и заняло позднее Казанское училище. С его уходом в 1880 г. в доме был открыт ночлежный дом № 2,²³ просуществовавший здесь до установления в городе советской власти.

В здании бывшего Главного народного училища учебные заведения находились и в годы советской власти. Последнее из них – начальная школа – было ликвидировано в середине 50-х годов в связи с переходом на всеобщее среднее образование. В освободившемся доме разместился детский сад № 35, существующий здесь и поныне.

Здание Главного народного училища находилось на углу улиц Покровской (ныне Лермонтова) и Троицкого взвоза. Главный фасад был обращен в сторону Гостиной (ныне Музейной) площади. Троицкий взвоз, ведущий от площади на берег Волги, был довольно покатый, поэтому стоявшие здесь дома не все имели выходы и окна из подвалов. Рядом с Главным народным училищем вниз по взвозу находилась аптека.

На плане Саратова с границами пожара 1800 г. аптека показана в числе построек, пострадавших от огня. Но на плане здания аптеки и училища изображены в границах одного участка, отделенного пунктирной линией от остальной территории квартала. Этот участок в конце XVIII в. и позднее принадлежал приказу общественного призрения. Оба учреждения – аптека и училище опекались названным приказом.

19 января 1797 г. в городах были учреждены врачебные управы, чтобы сделать врачебную помощь доступной, особенно для бедных слоев населения. Видимо, с этой целью в Саратове создается аптека, которая уже имеется на плане Саратова 1798 г. среди строений на месте будущей Валовой улицы в первом ее квартале у Волги²⁴. Вероятно, для аптеки было снято частное помещение до постройки собственного здания.

На плане губернского города Саратова 1803 г. показаны рядом Главное народное училище и аптека с лабораторией, находившиеся

²² Духовников Ф. В. К истории топографии Саратова начала нынешнего столетия // Саратовский край. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 138.

²³ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2107; Саратовский край. С. 138.

²⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 21528, ч. III, л. 65.

в ведении приказа общественного призрения²⁵. Можно полагать, что оба здания строились одновременно и автором обеих построек был губернский архитектор Х. И. Лоссе.

Проектные чертежи не сохранились. Имеется фиксационный чертёж с фасадом и планами этажей каменной аптеки, выполненный губернным архитектором В. И. Сурановым и вшитый в дело вместе с чертежами Главного народного училища²⁶. Год составления документа не указан. Скорее всего, сурановские чертежи можно отнести ко времени до пожара 1811 г., после которого оно было перестроено (рис. 3, 1).

На чертеже Суранова показан двухэтажный каменный дом с фронтоном и крыльцом в средней части здания. Окна второго этажа имеют наличники. Под окнами проходит по всему фасаду тяга. Первый этаж представляет подвал, поделенный капитальными стенами на четыре помещения с отдельными выходами и небольшими неглубокими нишами снаружи, имитирующими окна. Второй этаж несколько отличается по планировке от первого. Небольшая комната слева от входа поделена капитальной стеной: первая – маленькая проходная, вторая имеет печь, плиту, возможно, служила лабораторией или кухней. Следующая комната была разделена тонкими перегородками на прихожую и три комнаты. По планировке напоминает жилые покои, возможно, квартиру аптекаря.

В открытой в 1806 г. Александровской больнице, выстроенной на собранные дворянством, купечеством деньги и сумму, пожалованную Государем императором, и переданной в приказ общественного призрения, была устроена аптека. Она снабжалась медицинскими материалами и лекарствами из казенной аптеки приказа общественного призрения. Лекарства, которые не могли приготовить в больничной аптеке, готовились в казенной²⁷.

На составленном в 1809 г. и Высочайше утвержденном 25 июня 1810 г. плане Саратова аптека не показана²⁸. Однако Ф. В. Духовников пишет, что «рядом со зданием народного училища, в доме, который принадлежит семинарии... помещалась «казенная аптека с лабораторией», как видно из плана, Высочайше утвержденного 12 сентября 1812 г.»²⁹ Известно, что после пожара 1811 г. архитектором В. И. Гесте был составлен альтернативный вариант представленно-

²⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 22563, л. 1.

²⁶ РГИА, ф. 1488, оп. 3, д. 1002, л. 2 – 3.

²⁷ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии. // Труды СУАК. 1893. Т. 4, Вып. 2. С. 9.

²⁸ ПС. 1810. №24269.

²⁹ Духовников Ф. В. Указ. соч. С. 116–117.

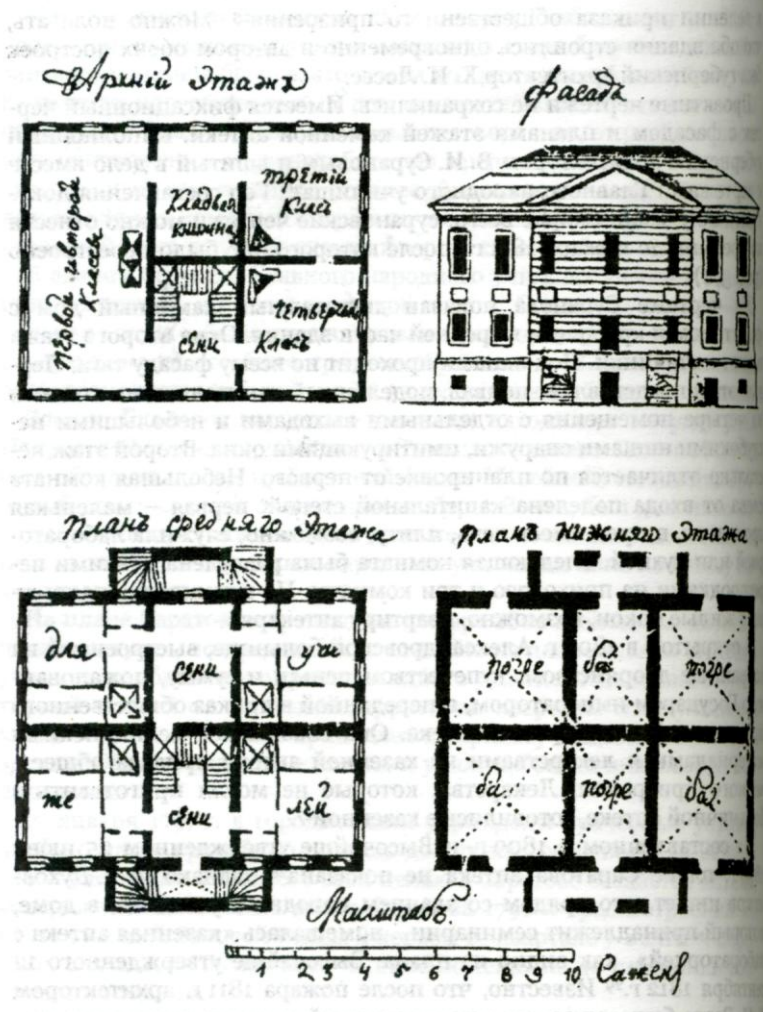

Рис. 1. Главное народное училище. Фиксационные чертежи. 1802 г.

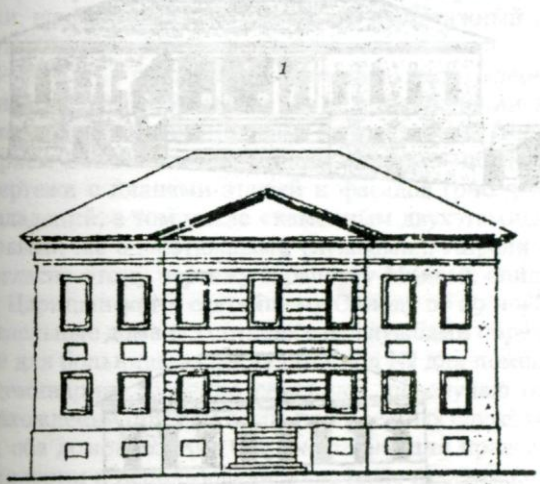
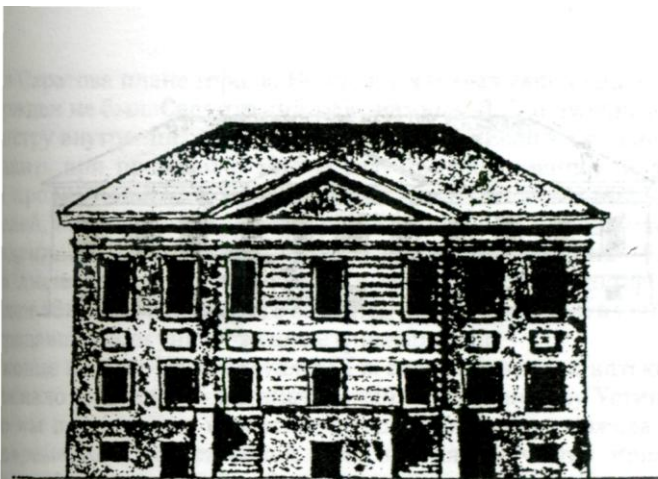
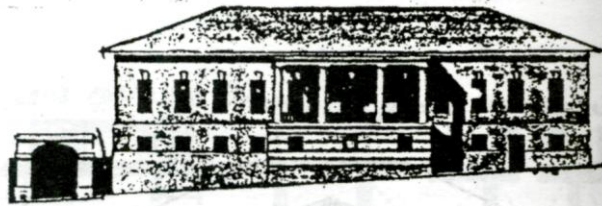

Рис. 2. Главное народное училище. Фиксационные чертежи.

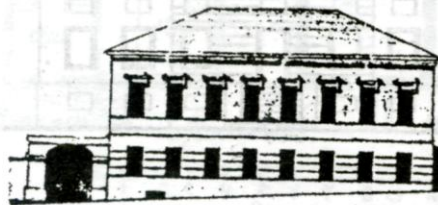
1 – арх. В. И. Суранов. Без даты; 2 – арх. Гмелин. 1847 г.

1

2

3

Рис. 3. Фиксационные чертежи:
1 – аптека. Арх. В. И. Суранов. Без даты; 2 – Семинарская больница.
Арх. Г. В. Петров. 1829 г.; 3 – дом профессоров. Арх Г. В. Петров. 1829 г.

му из Саратова плана города. Но план Гесте был явно неприемлем и утвержден не был. Саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе писал министру внутренних дел О. П. Козодавлеву: «Если не можно город составить при прежнем в 1810-м году подтвержденном плане, то чтоб прожект мой, в коем сохранены все возможные выгоды для жителей, без перемен в Петербурге удостоин был Высочайшего утверждения»³⁰. План 1812 г. являлся повторением плана 1810 г. и имел лишь небольшие изменения и уточнения. При копировании на план 1812 г. могли попасть объекты, существовавшие в 1810 г., но пострадавшие или уничтоженные в пожар 1811 г.

В конце второго десятилетия XIX в. здание казенной аптеки принадлежало статскому советнику Михаилу Адриановичу Устинову, и было им перестроено, вероятнее всего, вскоре после пожара 1811 г. Одновременно с перестройкой этого здания на участке, принадлежавшем Устинову ниже по Троицкому взвозу и граничившем с местом аптеки, им был выстроен каменный двухэтажный дом, автора проекта которого установить не удалось.

В 1828–1829 гг. духовное ведомство вело переговоры с М. А. Устиновым о приобретении его 4 домовладений для открываемой духовной семинарии. В связи с этим губернским архитектором Григорием Васильевичем Петровым (1790 – после 1857) были сделаны чертежи с планами этажей и фасадов (рис. 3, 2) покупаемых домовладений, в том числе «каменным двухэтажным двум домам с таковыми же одноэтажными службами... Апреля 4 дня 1829 года»³¹. Согласно этому чертежу и рапорту Моисея, епископа Саратовского и Царицынского, святейшему Синоду от 29 ноября 1829 г., эти «два отдельные дома г. Устинова с их службами определить первый под № для больницы, а последний под № для помещения профессоров семинарии, особенно семейных, по случаю отдельности одного и нахождения при нем особо построенных служб»³².

В 1830 г. оба домовладения были куплены для православной духовной семинарии и использовались согласно проекта консистории. Здание бывшей аптеки, а теперь семинарской больницы, как видно из чертежа Петрова, имело отличный от первоначального архитектурный облик. Исчезли фронтоны на крыше, парадное крыльцо, тяга между этажами. Окна обогатились замковыми камнями, а в центре фасада на рустованном основании на уровне 2 этажа сооружен четырехколонный портик, отступающий от стены. Между колоннами

³⁰ РГИА, ф. 1285, оп. 8, №511.

³¹ Там же. Ф. 835, оп. 1, д. 861, л. 4.

³² Покровский В. М. Указ. соч. с. 8–9.

устроена балюстрада. Здание стало более интересным, напоминающим «образцовые фасады».

В сохранившейся в фонде Саратовской духовной семинарии опись движимого и недвижимого имущества 1833 г. записано: «каменный двухэтажный больничный дом, состоящий на особом дворе при главном же семинарском доме, мерою в длину на пятнадцать, в ширину на четырех саженьях с аршином, внутри и снаружи оштукатурен и покрыт листовым окрашенным железом. В нем комнат восемь... По наружности два крыльца. В нижнем этаже три входа со сводами»³³.

Любопытно оборудование и имущество больницы, рассчитанной на 12 мест. Кроме икон, медной и глиняной посуды, белья и одежды, кроватей, столов, окрашенных зеленой краской, и шкафов голубого цвета числилось: спринцовка малая, клистирные трубки, стулья фарфоровая с пестиком, деревянное судно и 12 крашеных плевательниц. Видимо, считалось, что такой набор медицинских принадлежностей достаточен для лечения больных семинаристов³⁴.

Второй дом (рис. 3, 3), как свидетельствует опись, «каменный двухэтажный, состоящий на особом дворе, занимаемый профессорами, мерою в длину на девять, в ширину на пяти саженьях и двух аршинах. Внутри и снаружи оштукатурен и покрыт листовым окрашенным железом»³⁵. Интересна обработка уличного фасада. Первый этаж покрыт рустом и отделен от второго тягой. Такая же тяга проходит под окнами второго этажа. Сверху окна имеют сандрики-полочки на кронштейнах. В нижнем этаже кроме двух сеней с лестницами было 4 комнаты, 2 кухни и 1 кладовая. В верхнем этаже имелось двое сеней с лестницами, шесть жилых комнат. Под домом был устроен один вход со сводом.

При доме находилось два флигеля, занимаемых службами³⁶.

Судя по планам 1860-х, 1870 и 1881 гг., характер планировки и застройки этих двух домовладений почти не менялся до конца XIX в., а возможно, и до середины XX столетия. Видимо, в последней четверти XIX века после постройки нового здания духовной семинарии бывшие дома больницы и профессоров перешли в собственность частных лиц и использовались под жилые.

Из трех описанных зданий дом профессоров (Троицкий взвоз, 1), сохранивший свой архитектурный облик без существенных изменений, был снесен в связи с застройкой набережной Волги. Дом, зани-

³³ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 64, л. 10 об.

³⁴ Там же. Л. 28–29.

³⁵ Там же. Л. 12 об.

³⁶ Там же. Л. 12 об.–14 об.

тый казенной аптекой, затем семинарской больницей, а позднее перестроенный под жилье (Троицкий взвоз, 3), сохранился до наших дней. Современный вид этого здания мало напоминает его облик первой половины XIX века: утрачены парадное крыльцо и четырехколонный портик, которые ранее украшали центральную часть главного фасада.

Здание бывшей аптеки – больницы подлежит сохранению не только как архитектурный памятник прошлого, но и как памятник истории медицины и здравоохранения конца XVIII – первой половины XIX в. Фиксационные чертежи Суранова и его ученика Петрова позволяют возобновить как первоначальный облик здания (времена аптеки), так и более поздний (времена больницы семинарии). Целесообразно провести полную реставрацию здания, включая восстановление фасадов, внутренней планировки и интерьеров, с последующим размещением здесь музея, может быть, истории медицины и здравоохранения Саратовского края.

Здание бывшего Главного народного училища (ул. Лермонтова, 36 или Троицкий взвоз, 5) охраняется государством как памятник архитектуры эпохи классицизма. Одновременно оно является памятником истории народного образования, так как в нем начиная с рубежа XVIII–XIX в. и до середины XX столетия размещались различные учебные заведения. Несмотря на утрату ряда важных деталей (фронтон, парадное крыльцо и др.), здание является одним из редких образцов построек с сохранившимися элементами декора конца XVIII века. Необходимо возродить первоначальный вид памятника, провести реставрацию главного и бокового фасадов, восстановить фронтон, крыльцо, дверь, ликвидировать новодельные окна, пристройки. В перспективе целесообразно здание передать находящемуся рядом областному музею краеведения для организации здесь экспозиций по истории культуры и образования в Саратове и местном крае. Обе постройки без ущерба их архитектурному облику могут быть соединены подземным переходом.

НЭП И СОСТОЯНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Первое десятилетие советской власти представляет собой достаточно сложный и противоречивый этап в трансформации культурной сферы нашей страны. Если вначале – в период гражданской войны и военного коммунизма – проблемы культуры в политике большевиков были отнесены на второй план задачами удержания власти, и были предприняты только первые шаги по ликвидации неграмотности, то в 1920-е гг. вопросы приобщения народных масс к культуре встали с особой остротой. К этому времени была сформирована советская система управления культурой, включавшая в себя центральный аппарат Наркомпроса и его структуры на местах.

28 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании в структуре Наркомпроса Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвет) с соответствующими органами на местах. В декабре 1920 г. был создан и Саратовский губполитпросвет¹. В ведении губполитпросвета находились все виды общеобразовательных школ и курсов для взрослых, библиотечное, музейное дело, краеведение, народные дома, дома культуры, клубы, избы-читальни, красные уголки, художественная самодеятельность². Его структура определялась основными задачами социалистических культурных преобразований в стране в целом и в Саратовской губернии в частности, а именно: ликвидации массовой неграмотности населения, формирования советской социалистической интеллигенции, развития социалистической по содержанию культуры, литературы, народного творчества и т.д. Решение этих сложных задач общих для всей страны, имело ряд региональных особенностей, обусловленных уровнем развития производительных сил, социально-классовой и национальной структурой населения, культурным потенциалом региона.

В структуре Саратовского губполитпросвета имелась и библиотечная секция, которая ведала библиотеками и избами-читальнями, являвшимися, как говорилось в резолюции 2-го Саратовского губернского съезда по народному образованию, «опорными пунктами для всей работы в области народного просвещения»⁴. Они же стали центрами идеологической обработки населения, поскольку форми-

¹ ГАСО, ф. Р-847, оп. 1, д. 2, л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 53 об.

⁴ Там же. Л. 54.

рование библиотечных фондов находилось под жестким контролем государственных и партийных органов, политиковоспитательная работа велась «под идеологическим руководством РКП»⁵. В соответствии с декретом Совнаркома «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (ноябрь 1920 г.), библиотеки всех ведомств и организаций объединялись в единую сеть и передавались в ведение Главполитпросвета. Им рассылалась на места современная политическая литература, и часто именно она составляла основу библиотечного фонда. Многие издания были запрещены как «вызывающие сомнения»⁶. Запрет на те или иные издания существовал в первые послереволюционные годы и с укреплением государства не ослабевал, а усиливался. В инструкции Центральной библиотечной комиссии Главполитпросвета «О пересмотре книжного состава библиотек», подписанной Н. К. Крупской, отмечалось, что библиотеки надо «старательно чистить от контрреволюционной и вредной литературы»⁷. На основании этой же инструкции были созданы комиссии по пересмотру каталогов и составу книжного фонда библиотек, куда вошли представители партийных и общественных организаций. Ими было выявлено, что около 75% литературы носит устаревший характер и подлежит изъятию⁸. Саратовская губернская комиссия по «пересмотру книг в библиотеках» была создана в 1923 году⁹. Только в одной Саратовской библиотеке профсоюза Рабис было изъято около 100 книг¹⁰. В список устаревшей и неблагонадежной литературы попали, в частности, «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, «Демократическая республика» Н. А. Рожкова, «Царь и республика» и «Что такое учредительное собрание» В. В. Водовозова, «Всеобщее избирательное право» Ольговича и другие¹¹.

Согласно резолюции 2-го Саратовского губернского съезда по народному образованию (9–16 мая 1921 г.), библиотечное дело централизовалось в руках библиотечной секции. Все библиотеки составляли единую библиотечную сеть¹². Схема библиотечной сети выглядела следующим образом:

⁵ ЦДНИСО, ф. 6107, оп. 1, д. 38, л. 70б.

⁶ Там же. Ф. 27, оп. 3, д. 435, л. 34.

⁷ Носова А. С. Старейшая в России. Саратовской областной универсальной научной библиотеке 170 лет. Саратов, 2001. С. 59.

⁸ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 9. С. 1.

⁹ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 435, л. 63.

¹⁰ Там же. Л. 34.

¹¹ Там же. Л. 34.

¹² ГАСО, ф. Р-847, оп. 1, д. 2, л. 530б.

- центральная библиотека (губернская, уездная), в которую поступали все выходящие книги;
- специальные библиотеки (педагогическая, техническая, и т. д.);
- городские, районные, которые обслуживали передвижными библиотеками клубы, школы, мелкие фабрично-заводские предприятия;
- библиотеки при больших фабриках и заводах, приравненные к районным;
- волостные библиотеки, которые обслуживали свои районы;
- избы-читальни¹³.

На июль 1921 г. в ведении библиотечной секции Саратовского губполитпросвета находилось: по гор. Саратову – 85 библиотек, по губернии – 12 уездных центральных библиотек, 24 городских (по уездам), 37 постоянных местных городских, 78 волостных, 398 сельских библиотек, 46 передвижек, 928 изб-читален¹⁴.

Изменение экономических отношений в связи с переходом к нэпу наложило отпечаток и на культурно-просветительную работу. Согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 15 сентября 1921 г., все учреждения культпросвета, в том числе библиотеки, переводились на местные источники финансирования при сокращении до минимума государственных дотаций. В условиях экономической нестабильности и еще не сформировавшихся губернских и уездных бюджетов положение библиотек стало воистину критическим. Это привело к резкому сокращению количества библиотек, и за довольно короткий временной промежуток. В Саратовской губернии ситуация усугублялась разразившимся голодом и эпидемией холеры. Так, в ноябре 1921 г. из 132 библиотек г. Саратова на содержании губполитпросвета находилось лишь 28. К декабрю 1921 г. их число уменьшается до 20, а к январю 1922 г. на содержании губполитпросвета остается только 17 саратовских библиотек¹⁵. Таким образом, с июля 1921 г. по январь 1922 г. количество библиотек сократилось на 80%.

Значительному сокращению были подвергнуты штаты библиотечных работников: если в июле 1921 г. их насчитывалось 300 человек, то к 15 октября 1921 г. – 175 человек, 1 декабря 1921 г. – 128 человек, 1 января 1922 г. – 86 человек¹⁶, что составило около 73% от общего числа библиотечных работников.

В связи с сокращением количества библиотек и библиотечных работников, претерпели изменения и штаты библиотечной секции Са-

¹³ ГАСО, л. 54.

¹⁴ Там же, л. 16.

¹⁵ Там же, л. 17.

¹⁶ Там же, л. 17.

ратовского губполитпросвета: июль 1921 г. – 28 человек, октябрь 1921 г. – 9 человек, ноябрь 1921 г. – 5 человек, декабрь-январь 1922 г. – 3 человека¹⁷.

В уезде с июля 1921 г. по январь 1922 г. было закрыто 228 библиотек, т.е. 42% от общего их количества¹⁸. Тогда же количество изб-читален сократилось вдвое¹⁹.

Еще одним ударом по библиотекам стало циркулярное письмо Главполитпросвета и Центральной библиотечной комиссии от 7 декабря 1922 г., в котором говорилось о сокращении государственных средств на содержание библиотек, что «вынуждает сильно сократить библиотечную сеть, ликвидировать ряд библиотек, особенно сельских»²⁰. Так, в одном только Саратовском уезде к концу 1923 г. было «произведено сокращение библиотек в 8 волостях»²¹. Ликвидирована Саратовская уездная центральная библиотека, и ее фонды в 15000 книг распределены по уезду²². Из фондов ликвидированных библиотек складывались передвижные библиотеки, так называемые передвижки, и избы-читальни.

В связи с сокращением библиотек усиливается роль передвижек и изб-читален, «вокруг которых должна быть сконцентрирована вся политико-просветительная работа»²³. Если к началу 1923 г. в Балашовском уезде насчитывалось 9 изб-читален, то к концу того же года их стало уже 15. В Вольском уезде количество изб-читален за тот же период увеличивается с 1 до 100²⁴. Избы-читальни стали работать на местном бюджете. Все это приводит к тому, что в период 1923–1925 гг. наблюдается быстрый рост сети изб-читален, о чем свидетельствуют данные по Вольскому, Камышинскому, Новоузенскому, Саратовскому и Сердобскому уездам. В 1923 г. здесь было 166 изб-читален; в январе 1924 г. – уже 393, в 1924/25 бюджетном году – 106 волостных изб-читален, составляющих твердую сеть, и 726 изб-читален мягкой сети, в 1925/26 бюджетном году – 271 избы-читальня твердой сети, 884 изб-читален мягкой сети²⁵.

К концу 1923 г. во многих уездах появляются передвижные библиотеки: в Балашовском уезде – 9, Вольском – 130, Петровском –

¹⁷ ГАСО, л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 54, л. 21.

²¹ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 817, л. 19.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 82.

²⁴ Там же. Д. 430, л. 11.

²⁵ Там же. Оп. 4, д. 340, л. 31.

25²⁶. И если первоначально передвижки организовывались взамен библиотек, существовали самостоятельно и по сути выполняли библиотечные функции, то, согласно резолюции 4-го Поволжского краевого съезда библиотекарей (7 июля 1926 г.), передвижной библиотеке была определена несколько иная роль. Она «должна быть органически связана со стационарной библиотекой и держать курс на малоподготовленного читателя, передавая более развитых в стационарную библиотеку»²⁷. Комплектование книжного фонда передвижек «исходило из процентного соотношения национальностей, посещающих обслуживаемый район»²⁸.

Что касается уездных библиотек, то практически в каждом уезде, за редким исключением, сохранились центральные уездные библиотеки. Часть из них базировалась на средства центра (Камышинская, Новоузенская, Петровская), часть находилась на местном бюджете (Балашовская, Вольская, Сердобская) и часть – финансировалась сразу из двух вышеупомянутых источников (г. Саратов)²⁹. К маю 1924 г. в Саратове действовали лишь центральная губернская библиотека и 9 районных библиотек³⁰; в губернии – 10 центральных уездных библиотек и 117 волостных и сельских³¹.

В последующие годы наблюдается некоторая стабилизация сети массовых библиотек в Саратовской губернии: 1925/26 бюджетный год – центральных библиотек – 10, районных – 21, волостных – 106, передвижек – 683; 1926/27 бюджетный год – центральных – 8, районных – 17, волостных – 106, передвижек – 683³². Но библиотеки по-прежнему ощущают дефицит денежных средств. Практически все библиотеки нуждались в «обновлении книжного состава»³³, не хватало денег на ремонт помещений, на выплату зарплаты обслуживающему персоналу, не хватало самих помещений. Так, библиотека губкома ВКП(б) «представляла собой одну комнату: вместе читальня и библиотека»³⁴. А на содержание укрупненной избычитальни выделялось 158 руб. в год (в сумму включена зарплата и содержание учебного отдела³⁵, данные на 1925 г.).

²⁶ ЦДНИСО, оп. 3, д. 430, л. 14.

²⁷ Там же. Оп. 4, д. 397, л. 12.

²⁸ Там же. Д. 12.

²⁹ Там же. Д. 12.

³⁰ Там же. Ф. 27, оп. 3, д. 837, л. 30б.

³¹ Там же. Л. 4.

³² Там же. Оп. 4, д. 392, л. 38.

³³ Там же. Д. 737, л. 710б.

³⁴ Там же. Оп. 2, д. 1389, л. 1.

³⁵ Там же. Оп. 3, д. 1270, л. 46.

Ситуация практически не менялась до 1928 г. В середине 1928 г. библиотечное дело вступает в новый этап своего развития в связи с началом «культурпохода» по Нижней Волге³⁶.

Итак, историю развития библиотечного дела в Саратовской губернии в первое десятилетие советской власти можно разделить на три этапа: I этап – 1917–1921 гг., когда библиотечное дело развивалось на основе стабильного финансирования из центра, II этап – конец 1921–конец 1924 гг., когда в связи с сокращением государственных ассигнований на культурно-просветительные учреждения в губернии было сокращено значительное количество библиотек, и наконец III этап – 1925–1928 гг., этап установления по губернии более или менее стабильного количества библиотек с устоявшимися фондами. Работа Библиотечной секции контролировалась из центра, так же как и подбор литературы (библиотечные коллекторы). Главполитпросвет, посредством губполитпросвета, стал прямым организатором партийного руководства культурно-просветительными учреждениями, в том числе и библиотечной секцией. Сами библиотеки, как было записано в резолюции I Библиотечного съезда (июль 1924 г.), являлись «орудием выработки коммунистического мировоззрения, очагом воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма»³⁷.

* Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1. 1917–1928 гг. / Сост. Г. А. Малинин, З. Е. Гусакова. Саратов, 1985. С. 4.

† Васильченко В. С. История библиотечного дела в СССР. М., 1958. С. 59.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ САРАТОВА
ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1946–1953)

В годы Великой Отечественной войны российская культура понесла невосполнимые потери. Только на оккупированной территории РСФСР немцы разрушили 208 театров и музеев, тысячи различных учреждений культуры. Число публичных и научных библиотек в России сократилось за военный период с 56,1 тыс. до 55,7 тыс., количество театров уменьшилось с 465 до 384¹. В российской провинции, как и в столице, резко сократилось количество киноустановок, музеев, выпуск научно-популярной, художественной литературы, журналов и газет. Творческие союзы, организации Поволжья недосчитались в своих рядах к концу войны многих талантливых актеров, режиссеров, художников, писателей, поэтов, журналистов, драматургов, композиторов и музыкантов.

По распоряжению Управления по делам искусств при СНК РСФСР (с 1946 г. – республиканского Министерства культуры) тысячи творческих работников были направлены для восстановления народного хозяйства, учреждений культуры в наиболее пострадавшие в военный период российские регионы. Больше других для этой цели были задействованы театральные работники РСФСР. Зачастую организовывалось персональное шефство определенных театральных коллективов над возрождаемыми «социально-культурными объектами». Так, в 1944–1946 гг. Большой театр Союза ССР и Саратовский драматический театр имени К. Маркса шефствовали над Сталинградским драмтеатром, а МХАТ имени Горького курировал в это время ставропольские театры². Для оказания оперативной практической помощи (организационной, режиссерско-постановочной) учреждениям культуры особо пострадавших от германской оккупации западных регионов страны в конце 1945–1947 гг. из крупнейших театральных центров Поволжья, таких, как Саратов, Казань, Куйбышев, было направлено более 240 творческих работников (режиссеров, актеров, театральных художников-оформителей)³.

Возобновление работы ряда театров, создание новых коллективов, нехватка в труппах актеров, режиссеров, постановщиков, художников-оформителей, сложные творческие задачи, стоящие перед ними, вызвали необходимость подготовки квалифици-

¹ Максакова Л. В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 114.

² ГАРФ, ф. 5451, оп. 28, д. 13., л. 112.

³ РГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 117, л. 76об.

рованных театральных кадров. На рубеже военного и мирного времени в РСФСР было организовано более 40 театральных студий, в которых обучалось около 1500 человек. Заработали в полную силу и восстановленное в Саратове театральное училище имени И. А. Слонова, театральные студии при Казанском БДТ, Саратовском, Куйбышевском и других ведущих драмтеатрах Поволжья. Кроме того, при Саратовском драмтеатре им. К. Маркса был основан заочный институт художественно-технического ученичества, готовивший творческих, производственных работников не только для местных, но и для других российских театров⁴.

В 1946 г. художественной интеллигенции казалось, что наконец-то должно произойти нечтодвигающее страну в сторону либерализации, демократизации, ослабления идеологического диктата над духовной, культурной жизнью советского общества. Однако подобные перемены, «идеи неодакабризма» не входили в планы сталинского руководства. Напротив, появилась «жгучая потребность поставить на место целое фронтовое поколение, вышедшее из войны победившим и прозревшим»⁵. Ряд постановлений ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг., в которых подвергались жесткой, бесцеремонной критике различные произведения литературы и искусства, профессиональная, общественная деятельность художественной интеллигенции, коснулся и работы театральных коллективов.

Так, 26 августа 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Главным недостатком репертуара как столичных (МХАТ, Малый театр Союза ССР, Театр имени Вахтангова), так и провинциальных (Свердловский, Саратовский драмтеатры) театров постановление считало то, что режиссеры мало ставят пьес современных советских авторов. Кроме того, пьесы, достаточно распространенные в репертуаре российских театров тех лет, были названы «слабыми и бездейными»: «Вынужденная посадка» Водопьянова и Лаптева, «День рождения», «Чрезвычайный закон» братьев Тур, «Самолет опаздывает на сутки» Рыбака и Савченко, «Новогодняя ночь» Гладкова, «Лодочница» Погодина и др. «Советские люди изображены в них в уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными, с обывательскими вкусами и нравами; пьесы создают неправильное, искаженное представление о советской жизни»⁶, – отмечалось в этом постановлении. Оно мало чем отличалось от

⁴ ГАСО, ф. 2865, оп. 1, д. 2, л. 9.

⁵ Цит. по: Афанасьев А. Сороковые годы // Комсомольская правда. 1988, 15 янв.

⁶ Цит. по: КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Т. 3. С. 489.

бесцеремонного тона и обличительной терминологии предыдущего, самого известного постановления от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Установки постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. нарушили естественное течение театральной жизни столицы и российской провинции во второй половине 40-х гг. Постановление вызвало бурное цветение слабой конъюнктурной драматургии; заставило ряд ведущих российских театров, таких, как МХАТ, Малый театр, Ленинградский имени Ленинского комсомола, Саратовский, Кузбывшевский, Свердловский драмтеатры, полностью отказаться от постановок современной западной драматургии. Творческий интерес к историческим пьесам также порицался. О сатирических произведениях нельзя было и помышлять. Всякая развлекательность казалась чуть ли не подсудной. В 1947–1948 гг. многие театральные залы России просто опустели.

27 сентября 1946 г. в Саратове под руководством секретарей обкома партии прошло совещание администраций различных учреждений культуры, представителей художественной интеллигенции города и области. Совещание было посвящено обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драмтеатров и мерах по его улучшению». Доклад по данному постановлению сделал прибывший из Москвы заместитель Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР А. Белоцерковский, раскритиковавший репертуар саратовских театров: в репертуаре драмтеатра из 17 пьес только 3 оказались современными; а оперный театр имени Н. Г. Чернышевского «совершенно исключил из репертуара оперы советских композиторов, зато обильно уснастил его опереттами». А. Белоцерковский отметил также, что саратовские театры ставили «много безыдейных пьес, в которых советские люди изображаются в уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными»⁷.

Однако естественные творческие процессы в обществе трудно было приостановить, особенно в российской провинции, относительно отдаленность которой от центра, отсутствие мелочной систематической опеки и цензуры все же открывали более широкие возможности для профессиональной деятельности театральной интеллигенции. Так, в 40-е гг. в Саратовском драматическом театре имени К. Маркса работал интересный и сильный творческий коллектив. На сцене театра были поставлены лучшие пьесы русских классиков, советских авторов и произведения западноевропейской драматургии. Более 30 лет в театре проработал выдающийся русский актер и режиссер, народный артист РСФСР И. А. Слонов. Он

⁷ Цит. по: Коммунист. 1946, 28 сент.

создал незабываемые сценические образы Хомутова («Огненный мост» Б. Ромашова), Годуна («Разлом» Б. Лавренева), Кошкина и Шванди («Любовь Яровая» К. Тренева), Береста («Платон Кречет» А. Корнейчука). Яркий самобытный творческий путь прошел народный артист РСФСР С. М. Муратов, сыгравший главные роли в пьесах М. Горького: Сатина («На дне»), Левшина («Враги»), Павла («Мать»), Е. Булычева («Егор Булычев и другие»), Тетерева («Мещане»). За исполнение ролей К. Тетерева, Чугая («Хождение по мукам» А. Толстого) и Гринева («Московский характер» А. Софронова) С. М. Муратову в 1949 г. была присуждена Государственная премия СССР⁸.

34 года отдала театру народная артистка России А. Н. Стрижова, сыгравшая на саратовской сцене более 200 ролей. Особое место в творчестве актрисы занимала драматургия А. Н. Островского. Почти все пьесы великого драматурга, поставленные театром в 1946–1953 гг., шли с ее участием. Со свойственной ей большим мастерством актриса исполняла роль Улиты в пьесе А. Н. Островского «Лес». «Она была великолепна и в роли Анфисы Тихоновны в пьесе «Волки и овцы», – вспоминал известный режиссер Я. А. Рубин. По его мнению, русская сцена ни в столице, ни в провинции не знала столь блистательного исполнения этого образа, равно как и превосходной роли Галчихи в пьесе «Без вины виноватые»⁹.

И в произведениях советской драматургии А. Н. Стрижова создала немало колоритных образов простой русской женщины – сильной, мудрой, волевой, отзывчивой. В пьесе К. М. Симонова «Так и будет» актриса прекрасно сыграла роль майора медицинской службы А. Г. Грег. В этой роли, по воспоминаниям режиссера этого спектакля П. П. Васильева, во внешней характеристике героини она не прятала присущие ей человеческие качества, а отдавала их до конца игровому образу. Интеллигентность, эlegantность, добрый юмор, скрытая влюбленность в героя пьесы (придуманная самой актрисой) и необыкновенное женское обаяние делали Грег-Стрижову привлекательной, очень популярной среди зрительской аудитории¹⁰.

А. Н. Стрижова постоянно участвовала и в концертах, спектаклях для военнослужащих Приволжского Военного округа (ПРИВО), встречалась с рабочими и служащими промышленных предприятий, студентами и профессорско-преподавательским составом университета, помогала творческой молодежи, участникам художественной самодеятельности города и области. Саратовцы знали и

⁸ ГАСО, ф. 1104, оп. 1, д. 119, л. 8.

⁹ Там же. Ф. 3721, оп. 1, д. 27, л. 9–10.

¹⁰ Там же. Л. 18 об.

любили поистине народную артистку России, стремились попасть на спектакли с ее участием или просто встретить на улице, поговорить, взять автограф на память. В начале 50-х гг. А. Н. Стрижову неоднократно приглашали в труппу прославленного столичного Малого театра, но актриса до последних дней жизни осталась верна своему городу, родному театру, благодарному саратовскому зрителю¹¹.

Заметный творческий след в истории Саратовского драматического театра, всего российского провинциального театра послевоенного времени оставило созвездие талантливых актеров и режиссеров: народные артисты РСФСР П. А. Карганов, А. А. Колобаев, Г. И. Сальников, С. И. Бржеский, заслуженные артисты республики Г. Н. Несмелов, В. К. Соболева, А. Г. Василевский, Н. А. Гурская, Д. Ф. Степурина, Б. Ф. Щукин, В. С. Сурикова, Я. И. Янин и др.

Кроме традиционных постановок русской и советской классики, в репертуаре Саратовского драмтеатра находили место и пьесы западных авторов, столь не одобряемые сталинским руководством в послевоенные годы. Так, в 1946 г. в театре состоялась премьера спектакля «Он пришел» по пьесе Джона Б. Пристли «Вы этого не забудете» (постановка режиссера Г. Н. Несмелова). Отца семьи Берлингов превосходно сыграл П. А. Карганов. Обаятельный образ Шейлы в исполнении любимицы саратовской театральной публики Н. А. Гурской напоминал героинь русских классических романов конца XIX века. С одной из самых сложных ролей – инспектора Гуля удачно справился артист А. Г. Григорьев¹².

Саратовский драмтеатр был одним из немногих учреждений культуры СССР и РСФСР, готовившим собственные театральные кадры. Так, в апреле 1946 г. в драматической студии при театре (художественный руководитель студии режиссер П. П. Васильев и ведущий педагог Г. Н. Несмелов) состоялся первый выпуск молодых актеров¹³.

Несмотря на сложные финансовые, бытовые условия работы послевоенного периода, провинциальные театры достаточно быстро подготавливали премьеры крупных оперных спектаклей. Так, Саратовский театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского в январе 1946 г. показал премьеру оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (режиссер-постановщик – заслуженный артист РСФСР Г. В. Серебровский, дирижер спектакля А. М. Гофман). В вокальном исполнении выделялись солисты театра: Л. А. Фомина (Марина), А. И. Тума-

¹¹ Крестов В. Ей рукоплескал Саратов // Коммунист. 1991. 5 янв.

¹² Коммунист. 1946. 6 янв.

¹³ Там же. 19 апр.

нов (Григорий) и К. А. Каренин (В. Шуйский)¹⁴. 31 марта 1946 г. театр дал премьеру оперы Ш. Гуно «Ромео и Джульетта» (постановщик Я. А. Гречнев, дирижер спектакля – заслуженный деятель искусств РСФСР А. О. Сатановский). Основные вокальные партии исполняли: О. П. Калинина (Джульетта), К. К. Трифонов (Ромео), Н. П. Гедевани (Стефано), Н. Н. Богушевская (Гертруда), В. В. Маймескул (Тибальд) и др.¹⁵

В 1947–1952 гг. на сцене нашего театра были поставлены оперы и балеты «Орлиный бунт» А. Пащенко, «Прорыв» С. Потоцкого, «Тихий Дон», «Поднятая целина» И. Дзержинского, «Чапаев» Б. Мокроусова, «В огне» Д. Кабалевского, «В грозный год» Г. Крейтнера, «Олеся» К. Листова, «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» Б. Асафьева, «Красный мак», «Медный всадник Р. Глиэра и др. В театре работали в это время известные в стране дирижеры Н. Шкаровский, А. Гофман, В. Широков, режиссер-постановщик М. Ожогов, народная артистка СССР О. П. Калинина, народные артисты РСФСР Г. Серебровский, В. Дубровина, заслуженные артисты республики М. Гурьянов, В. Урусова, В. Адашевский, Б. Цекиновский и др.¹⁶

Во второй половине 40-х гг. почти во всех областных центрах и автономных национальных республиках Поволжья заработали детские театры: Саратовский, Куйбышевский, Казанский театры юного зрителя (ТЮЗы), Ульяновский и Пензенский театры кукол и др. Одним из ведущих детских театров страны послевоенного времени становится Саратовский ТЮЗ имени Ленинского комсомола. Широкую известность в СССР и за рубежом этот театр во многом получил благодаря профессиональной деятельности своего художественного руководителя и главного режиссера Юрия Петровича Киселева (1914–1996).

По так называемым производственно-финансовым показателям первого послевоенного театрального сезона Саратовский ТЮЗ оказался непревзойденным – по сравнению с театрами столицы и провинции. Он поставил 314 спектаклей вместо 299 запланированных, на которых побывало 162 тыс. зрителей. Сборы от спектаклей составили почти 990 тыс. руб. (в ценах 1946 г.). Кроме того, тюзовцы провели 90 концертов в госпиталях Саратовской, Сталинградской, Астраханской областей; пять шефских спектаклей и 2 спектакля для детей фронтовиков и детдомовцев. Шесть артистических бригад

¹⁴ ГАСО, ф. 1070, оп. 2, д. 46, л. 18.

¹⁵ Коммунист. 1946. 2 апр.

¹⁶ Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 404.

ТЮЗа выступали во время посевных и уборочных сельхозработ в колхозах и совхозах Саратовской области¹⁷.

Высокая устойчивая посещаемость театра как в Саратове, так и во время гастролей в Москве, Ленинграде, других городах объяснялась прежде всего наличием у него большого разнообразного репертуара, новых интересных спектаклей, безукоризненной работой группы режиссеров-постановщиков во главе с Ю. П. Киселевым. Например, 26 апреля 1946 г. Саратовский ТЮЗ показал премьеру спектакля «Сын полка» по пьесе В. Катаева (режиссер В. И. Давыдов, музыка Е. П. Каменогородского). Главные роли исполняли известные в Саратове, Поволжье артисты С. А. Фомина (Ваня Солнцев), М. А. Терещенко (Биденко), В. В. Лещев (Енакиев), Г. С. Дыбов (Ахунбаев), Н. Г. Долганов (Горбунов), Т. М. Авдеева (Воскресенский), Т. М. Чумаков (Ковалев), Л. К. Колесникова (роль немки) и др.¹⁸

В августе 1946 г. ТЮЗ показал в Москве премьеру спектакля «Двенадцать месяцев» С. Я. Маршака (режиссер Ю. П. Киселев). Искушенный московский зритель по достоинству оценил оригинальный режиссерский замысел постановки и прекрасную игру актрис С. А. Фоминой (королева), В. А. Черновой (мачеха), Д. М. Курляндской (дочь) и Т. Ф. Лариной (падчерица)¹⁹.

Крупной творческой удачей театра стала инсценировка в 1947 г. романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» (режиссер Ю. П. Киселев). «Трудно передать то впечатление, которое производил спектакль на зрительский зал. Скажу лишь о том, что мне самому было близко. В числе зрителей был мой отец – старый солдат, прошедший четыре войны, был в оккупации в Великую Отечественную войну, едва не погиб там, мне с большим трудом удалось вывезти его, умирающего, из госпиталя в Калинин. Человек, обожженный всеми войнами нашего века, повидавший много за свою жизнь, не имевший никакого отношения к искусству, – он смотрел эту постановку восемнадцать раз(!). И это не было исключением, мы знали много зрителей, ходивших едва ли не на каждый спектакль «Молодая гвардия», – вспоминал сам Ю. П. Киселев²⁰.

Такова была сила эмоционального воздействия трагических событий недавней войны, отраженных на тюзовской сцене, на саратовских зрителях послевоенных лет. И этому во многом способствовало

¹⁷ ГАСО, ф. 2865, оп. 1, д. 28, л. 2.

¹⁸ Коммунист. 1946. 28 апр.

¹⁹ ГАСО, ф. 2865, оп. 1, д. 28, л. 8.

²⁰ Цит. по: Орленко С. С. Театр моей жизни. Беседы с главным режиссером Саратовского ТЮЗа Ю. П. Киселевым. Саратов, 1994. С. 21.

то, что «Молодая гвардия» действительно исполнялась «молодой гвардией» саратовского театра. Главные роли – О. Кошевого играл семнадцатилетний Алексей Быстряков (позже ведущий актер ТЮЗа), Л. Шевцовой – девятнадцатилетняя Валентина Ермакова (впоследствии народная артистка СССР). И вся группа актеров, занятых в постановке, состояла из ровесников своих героев. По их судьбам также жестоко прошла минувшая война, они ощущали внутренний мир своих героев не только через текст сценария. Не только мастерство и профессионализм, но и глубокая искренность, чувство неотделимости от своих героев придавали спектаклю могучую силу воздействия. Возникло неповторимое слияние судеб героев, актеров и зрителей – то слияние, совершенство, к которому всегда стремились лучшие российские театры. «Молодая гвардия» выдержала несколько постановок и прожила длинную сценическую жизнь в 50–80-е годы²¹.

Саратовский ТЮЗ сам готовил для себя творческие кадры. Выпуски его театральной студии 1947, 1948 гг. дали театру хороших артистов и постановщиков на долгие годы. У истоков театра стояли народные артисты СССР З. А. Спирина и В. А. Ермакова, заслуженные артисты РСФСР С. А. Фомина, З. А. Чернова, П. Д. Ткачев, В. П. Ермолаев, А. И. Щеголев, В. Н. Начинкин, артисты В. Н. Беликова, Д. М. Курляндская, А. Н. Черняева, П. г. Сорокин и др. В 1952 г. Саратовский ТЮЗ был отмечен как один из лучших на всесоюзном смотре детских и юношеских театров, а за постановку спектакля «Алеша Пешков» О. Форш и И. Груздева (режиссер Ю. П. Киселев) театру была присуждена Государственная премия СССР²².

Таким образом, в послевоенный период (1946–1953) в Саратове плодотворно работали видные деятели театра, подготовившие интересные, неординарные постановки драматических, оперных, детских спектаклей и внесшие заметный вклад в развитие отечественного театрального искусства в последующие годы.

²¹ ГАСО, ф. 2865, оп. 1, д. 32, л. 8.

²² Там же. Д. 36, л. 3.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ САРАТОВА В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Шумные идеологические кампании, псевдодискуссии, прямые репрессии, погромная политика по отношению к творческой интеллигенции, борьба с «низкопоклонством» и «космополитизмом» — таковы некоторые из реалий действительности культурной жизни нашей страны второй половины 1940-х — начала 1950-х годов.

И. В. Сталин хорошо понимал силу воздействия на общество массовой культуры, и вполне закономерно, что вопросы литературы и искусства решались на уровне Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП (б), часто при личном участии вождя. Кураторами по вопросам идеологии после войны были А. А. Жданов и Г. М. Маленков, а текущее руководство творческой жизнью монополизировало Управление пропаганды и агитации ЦК (УПА), в которое входили отделы печати, художественной литературы, театров и т. п. — всего двадцать два отдела. Любое произведение пропускалось через многоступенчатый, контролируемый УПА механизм цензуры. Регулярно создавались как рекомендательные, так и «черные» списки произведений литературы и искусства. На основании последних изымали тысячи книг из библиотек, снимали с кинопроката сотни фильмов, меняли музейные экспозиции и репертуары театров¹.

Отправной точкой, с которой началось дальнейшее ужесточение контроля над областями духовной сферы, стала литература. Историки практически единодушны в вопросе, когда началась атака на литературу. По общему мнению, это датируется 14 августом 1946 года, именно в этот день было принято постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», оказавшее колоссальное воздействие на дальнейшие события. Это постановление во многом связано с клановой борьбой между Г. М. Маленковым и А. А. Ждановым, много лет проработавшим в Ленинграде. Поэтому Г. М. Маленковым объектом критики были выбраны ленинградские журналы и авторы, а оргвыводы были сделаны по Ленинградскому горкому партии, что, естественно, бросало тень на А. А. Жданова, несмотря на активное участие последнего в погромной кампании (Жданов лично прибыл на встречу ленинградских писателей и выступил там с разгромной речью). Главными обвиняемыми стали М. Зощенко и А. Ахматова. Зощенко обвиняли в очернительстве действительности, «изображении советских порядков и советских людей в уродли-

¹ История России. Новейшее время. 1945–1999. М., 2000. С. 56.

во-карикатурной форме... представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми»² на страницах рассказа для детей «Приключения обезьяны», Ахматову за «буржуазное эстетство и декадентство, безыдейность поэзии, нанесении вреда делу воспитания молодежи»³. В результате журнал «Ленинград» был закрыт, у «Звезды» сменилось руководство. Ни Зощенко, ни Ахматову не посадили, но обоих исключили из Союза советских писателей, что фактически означало невозможность публикации в своей стране.

Принятие 14 августа 1946 г. постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград» послужило своеобразным сигналом для работников, управляющих сферой культуры в различных регионах «нашей необъятной». Однако правительственные постановления – это далеко не всегда реальная действительность и поэтому нам представляется оправданным сконцентрировать внимание в данной статье на тех процессах, которые происходили в литературной жизни на местах, в частности в городе Саратове. Данная проблематика в историческом краеведении пока еще мало изучена, ощущается недостаток литературы, источников, введенных в научный оборот.

Уже 23 августа 1946 г. Саратовский областной отдел культурно-просветительной работы принял план практических мероприятий по реализации постановления ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Согласно этому плану были даны указания о проведении районных семинаров с работниками культурно-просветительных учреждений по обсуждению решения ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. Указывалось на необходимость составить и написать методическое письмо о работе с художественной литературой, в свете этого документа. Рекомендовалось провести трехдневный семинар с инспекторами районных отделов культпросветработы и обсудить на нем практические мероприятия в работе культурно-просветительных учреждений.⁴

Бюро обкома ВКП (б), рассмотрев работу Саратовского отделения Союза советских писателей (СОССП), вынесло решение, где в частности говорилось: о предложении коренным образом перестроить работу отделения, приняв к руководству постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», рекомендовать обсуждать произведения саратовских писателей, обязать Саратовский горком ВКП (б) и отдел пропаганды и агитации обкома ВКП (б) организовать систематическую работу с писателями по повышению их идейно-поли-

² Хрестоматия по Отечественной истории. 1946-1995. М., 1996. С. 440-441.

³ Там же. С. 441.

⁴ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 4920, л. 233.

тического уровня⁵. Главным в этом документе было то, что основой дальнейшей работы СОССП становилось постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а это означало, что с этого времени свое прочное место должна занять «критика с большевистских позиций», которая будет звучать (с поправкой на местные условия) примерно так: «писатели города Саратова недостаточно активно работают над созданием новых произведений ... Бюро Саратовского отделения Союза советских писателей неудовлетворительно руководит писателями и мало заботится о повышении их идейно-политического уровня и творческой активности»⁶.

Наряду с этим называются и конкретные имена и произведения.

Из выписки протокола заседания бюро обкома ВКП (б) и Областного издательства читаем: «Серьезной ошибкой СОССП явился выпуск альманаха «Литературный Саратов» № 7, в котором опубликованы безыдейный, идеологически вредный рассказ А. Матвиенко «Печник», рисующий советских людей примитивными, малокультурными, пустыми, без внутренней логики и смысла, стихи М. Кантовского, некоторые другие малоценные произведения»⁷.

Далее, как по разработанному сценарию, шло широкое обсуждение в печати, на активах, собраниях, где делались оргвыводы, происходило признание творческих промахов, недостатков. Из доклада отчетно-выборного собрания писателей Саратова за 1947 год: «... в работе отделения и в творчестве отдельных товарищей мы не избежали существенных ошибок. Особенно это относится к альманаху № 7, который и в печати и на собрании был справедливо подвергнут суровой критике. Эти ошибки стали особенно заметными после решения ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ошибки этих журналов были свойственны и нам»⁸.

После решения ЦК ВКП (б) усилилась критика и самобичевание внутри самого СОССПа. На «существенные недостатки и ошибки» было указано Чепурину и Неводову⁹. В поверхностном подходе к раскрытию темы обвинялся г. Боровиков за свою повесть «Сквозь огонь», поэтому из общего набора альманаха «Литературный Саратов» № 9 ее следовало исключить. Автору же было рекомендовано «представить повесть на новый просмотр, после ее исправления и переработки многих мест рукописи»¹⁰. В отзыве на сборник стихов Б.

⁵ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4714, л. 87.

⁶ Там же. Л. 87.

⁷ Там же. Л. 86.

⁸ Там же. Оп. 2, д. 252, л. 159.

⁹ Там же. Ф. 594, оп. 2, д. 252, Л. 165.

¹⁰ Там же. Ф. 594, оп. 2, д. 694, л. 127–130.

Озерного «Огни на стрежнях» говорилось, что «в настоящем виде его издавать нельзя. Многие стихи и некоторые поэмы оторваны от жизни, безыдейны... Автор почти не показывает труд в дни первой послевоенной пятилетки, не пишет о людях колхозных полей и заводов, не откликается стихами на исторические постановления партии и правительства о борьбе с засухой, о развитии животноводства и т. д.»¹¹. Таким образом следует полагать, что в СОССП свои прочные позиции заняла перестраховка, которая в свою очередь повлияла на то, что Саратовское книжное издательство не рисковало издавать произведения саратовских авторов, а если и публиковало, то здесь не обходилось без внимания со стороны лиц вышестоящих. Вот, например, отрывок из выступления редактора газеты «Саратовский водник» В. Киселева на собрании СОССП от 15 апреля 1950 г.: «...за длительный промежуток времени не было выпущено в свет ни одной сколько-нибудь значительной книги. Литература, выпущенная в Саратове, в основном альманахах Союза советских писателей, отображает вчерашний день нашей области. В альманахе не было напечатано ни одного произведения молодого писателя. Вся деятельность местного отделения сосредотачивается вокруг нескольких старых писателей...»¹².

У местных писателей не оставалось возможности для свободы творчества, вполне закономерно, что большинство произведений несет печать идеологического и жанрового догматизма и, как правило, невысокого художественного уровня, зато идейно правильные, однако и они не были застрахованы от волны критики. В докладной записке в Саратовский обком читаем: «Проза саратовских писателей посвящена разработке актуальных тем, но часто оказывается, что разработаны эти темы поверхностно»¹³. Далее указывается на книгу Г. Боровикова «Крутояр», где он якобы нарисовал не типичную советскую деревню. Не забывали и о поэтах: «...наши поэты любят писать о Волге, сборник «На родном берегу» достаточно подтверждает это, но в стихах Б. Озерного, В. Тимохина вы напрасно будете искать Волгу трудовой героиней, строительную, социалистическую. Волга для них место отдыха., прогулки, причина восхищения или грусти»¹⁴. Следовало же ориентироваться на показ «новых высоких качеств советских людей, показывать народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, – такова

¹¹ ЦДНИСО, д. 1091, л. 46.

¹² Там же. Д. 1492. л. 103.

¹³ Там же. Л. 107.

¹⁴ Там же. Л. 105.

задача каждого советского писателя», – так говорил в своем докладе на собрании писателей в Ленинграде Жданов¹⁵.

Как свидетельствуют архивные документы, местные литературные идеологи часто завышали критерии и требования, забывая при этом о реальном уровне саратовской литературы в тот период. Надо признать, что он был довольно таки средним даже по меркам советской литературы, во всяком случае фигур масштаба Зощенко, Ахматовой не было, хотя в Саратовской области были талантливые писатели, известные за пределами региона.

Особое место на литературном фронте отводилось рецензированию произведений. Согласно отчету о работе за 1950 г. СОССП, «...литературная критика поставлена плохо. В Саратове рецензированием занимается незначительная группа лиц: Котов, Черников, Покусаев, Дотуауэр. Вопросы литературы редко обсуждаются на страницах газет, а также в альманахе «Литературный Саратов»¹⁶. После выхода в свет постановления «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» в Саратове состоялось собрание писателей-коммунистов, посвященное вышеуказанному постановлению. Собрание «единодушно признавало, что «бациллы космополитизма» проникли и в Саратовскую литературную организацию, и перешло с общих фраз к конкретным персоналиям. Порицанию были подвергнуты критик Л. Жак, которая якобы «проводила в своих статьях, рецензиях и отдельных докладах... антиленинские, эстетско-формалистические взгляды на советскую и классическую литературу», Ю. Лейтес печатала в газете «Коммунист» «бездарные театральные рецензии, охаявая лучшие произведения драматургов, и превозносила порочные»¹⁷. В вину Ю. Лейтес ставилось также «недостойное советского журналиста хулиганское поведение на просмотре спектаклей в театрах», указывалось, что она с пренебрежительным, снобистским видом часто бросала реплики «чепуха», «пошлость» и др.¹⁸.

На собрании говорилось, что «...серьезные политические ошибки допустили в своей работе и творчестве некоторые писатели ... Ю. Чепурин в содружестве с Бояджиевым написал пьесу «После грозы», в которой открыто проповедует буржуазную мораль». В. Тимохин, будучи заведующим отделом культуры газеты «Коммунист», обвинял-

¹⁵ Сокращенная и обобщенная стенограмма т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М., 1946. С. 36.

¹⁶ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 1492, л. 260.

¹⁷ Там же. Д. 1091, л. 34.

ся в либеральном отношении к космополитическим рецензиям Жак и Лейтес. Отмечалось также, что элементы «пассивно созерцательного» отношения к жизни, наряду с уже упоминавшимся поэтом В. Озерным, имеются также в стихах поэта П. Веденеева¹⁹. Однако, представляется, что порою критики не имели оснований для подобных упреков, поскольку никаких следов антисоветчины в произведениях саратовских литераторов не было и в помине, но боязнь быть в чем-то не солидарным с линией верхов заставляла их произносить обличительные речи.

Подводя итог работы СОССП с 1946 по 1950 гг., бюро обкома ВКП (б) констатировало, что СОССП, «...выполняя историческое постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», несколько улучшило свою работу, повысился идейно-художественный уровень ряда изданных произведений и актуальнее стала их тематика. Повести Неводова, Падерина, Соловьева, поэма Богатырева были напечатаны центральными издательствами и опубликованы в литературно-художественных журналах; в саратовских театрах поставлены пьесы местных писателей, например, Смирнова-Ульяновского «Великий демократ», А. Матвеевко «Золотое сердце». Отделение союза организационно укрепились, возрос численный состав. С другой стороны, указывалось на ряд отрицательных моментов, а именно, что идейный и художественный уровень многих произведений писателей значительно отстает от общего уровня развития советской литературы, писателями области еще не создано больших художественных произведений, ярко и полноценно отражающих творческую жизнь советских людей и их героический труд. Некоторые писатели только фотографируют жизнь, не научились еще строго осуществлять принцип партийности в художественном творчестве»²⁰. Исходя из этого, был сделан вывод, что «большинство писателей оторвано от жизни». В результате бюро обкома ВКП (б) вынесло следующее постановление: «Считать главной задачей саратовских писателей неуклонное проведение в жизнь постановлений ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам, всемерно повышать идейный и художественный уровень творчества, создавать высокоидейные произведения, ярко отражающие многообразную,

¹⁹ ЦДНИСО, д. 1082, л. 113.

²⁰ Там же Д. 1091, л. 34.

²¹ Там же Д. 1339, л. 139.

творческую жизнь советских людей... развертывание большевистской критики и самокритики в работе писателей отделения»²¹.

Появление постановления от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», с одной стороны, прервало естественное течение литературной жизни Саратова того времени, а с другой - стало тем фундаментом, на основе которого саратовские партийные структуры выносили большинство решений, касающихся такого пласта культуры, как литература. Местные органы власти зачастую механически заимствовали содержание выступлений А. А. Жданова по вопросам идеологии и литературы, не внося при этом никаких корректив с поправкой на регион.

²¹ ЦДНИСО, л. 142.

СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

А. В. Емельянов

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВОЕННО-ОКРУЖНОЙ РЕФОРМЫ 1874 года В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. свидетельствовало о необходимости реорганизации русской армии. Первым официальным документом, подвергшим критике существовавшую военную систему, явилась записка главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами генерала графа Ф. С. Ридигера, представленная им Александру II через военного министра 4 июня 1855 года¹. В этой записке, состоявшей из пяти пунктов, в первую очередь предлагалось уничтожить чрезмерную централизацию управления российской армией.

Недостатки сверхцентрализованной системы управления войсками особенно явственно выявила крымская кампания 1853–1855 гг. Такая система полностью исключала всякую инициативу воинских начальников непосредственно в войсках. Высшее руководство армии зачастую не успевало за событиями на театре военных действий, а командиры в войсках не имели права действовать самостоятельно, без приказа.

Для того чтобы ликвидировать систему, тормозившую развитие вооруженных сил России, Военное министерство, возглавляемое Д. А. Милютиным, в начале 1862 г. приступило к разработке проекта военно-окружной системы. По этому проекту вся Российская империя разделялась на военные округа, пограничные и внутренние. Войска также разделялись на действующие и запасные².

В начале мая 1862 г. Военным министерством была представлена Александру II записка под названием «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам». В записке

¹ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 97. Столетие Военного министерства. Прилож. к 1-му тому. СПб., 1901. С. 20.

² См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 84; ОР РНБ, ф. Д. А. Милютина, л. 13–14.

указывалось на необходимость разделения государства на 15 военных округов. При этом уточнялось, что разделение должно учитывать многие условия - военные, статистические, этнографические, территориальные, административные, экономические³.

Среди перечисленных в записке военных округов фигурировал и Нижневолжский военный округ с центром в г. Саратове. Однако в дальнейшем, по утверждению проекта устройства военного управления по округам 4 августа 1864 г., вся территория России была разделена на 10 военных округов. Нижневолжский округ объединялся с Верхневолжским, образуя единый Казанский военный округ, в который входили Пермская, Казанская, Вятская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская и Астраханская губернии⁴. Новые созданные военные округа должны были решать огромное количество проблем, связанных с реформированием армии, особенно после указа Александра II от 1 января 1874 г. о введении в России всеобщей воинской повинности. Как осуществлялось проведение военно-окружной реформы, рассмотрим на примере Саратовской губернии.

Все вопросы по созданию новых военных структур Саратовской губернии находились в ведении губернатора статс-секретаря М. Н. Галкина-Враского. Первым шагом губернатора в этом направлении стало выполнение 80-й ст. Устава о воинской повинности, в которой говорилось, что сведения об образованных призывных участках представляются губернаторами в МВД и Военное министерство⁵.

Поэтому в своем рапорте М. Н. Галкин-Враский дает подробный отчет министру внутренних дел о ходе создания призывных участков. Из текста рапорта видно, что в Саратовской губернии было создано 49 призывных участков с общей численностью призываемых 4006 человек⁶. Призывные участки затем были разделены между 10 призывными пунктами, находившимися в крупных городах губернии - Саратове, Камышине, Царицыне, Вольске, Хвалынске, Аткарске, Петровске, Сердобске, Балашове и Кузнецке.

В городах и уездах были образованы присутствия по воинской повинности, которые вели учет количества призываемых, рассматривали жалобы на неправильный призыв, определяли возраст и годность новобранца к несению военной службы. Присутствия по

³ См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С.86; РГВИА, ф. канцелярия Военного министерства, №1 (Л), оп. 1, д. 25447, л.4.

⁴ См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С.94; ПСЗ II, т. 49, № 4157, 4166; Приказы военного министра. Приказ №228 от 10 авг. 1864 г.

⁵ См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1886. Т. 4. С.36.

⁶ ГАСО, ф. 82, оп. 1, д. 3, л. 106.

воинской повинности созывались один раз в месяц. В основном же члены присутствий на своих заседаниях занимались рассмотрением значительного количества жалоб от призывников и их родных, поступивших в период между заседаниями. Так, за 1875 год в Саратовское губернское по воинской повинности присутствие поступило 245 жалоб, т.е. примерно по 20 жалоб каждый месяц⁷.

Присутствия по воинской повинности были разделены на три категории, каждая из которых имела свои функции. Так, уездные и городские присутствия должны были составлять частные призывные списки новобранцев, призывать подлежащих воинской повинности, проводить медицинское освидетельствование призывников. Губернское по воинской повинности присутствие, возглавляемое губернатором, являлось высшей инстанцией в деле отправления воинской повинности в губернии. В его обязанности входило общее по всей губернии наблюдение за правильным ходом призыва, распределение назначенного на губернию числа новобранцев между призывными участками, рассмотрение жалоб призывников на уездные и городские присутствия. Если у губернского по воинской повинности присутствия возникали какие-либо неразрешимые на местном уровне вопросы, то оно должно было связываться с МВД Российской империи. В результате введения всеобщей воинской повинности пришлось перестраивать всю работу присутствий, причем в кратчайшие сроки, так как призыв новобранцев должен был проходить без задержек.

Ранее при призыве рекрут на военную службу сведения о них призывные комиссии брали из ревизских сказок, где были отражены все необходимые сведения о призывнике – фамилия, возраст, семейное положение. С 1874 г. такие сведения необходимо было составлять отдельно о каждом подлежавшем призыву. Ввиду этого Военное министерство и МВД составили общую для всех губерний форму посемейного списка. Такие списки должны были иметь форму посемейного списка. Списки должны были составляться в городах – городскими управами, а в волостях – волостными правлениями. В первую очередь эти посемейные списки должны были составляться на того, кто, будучи внесенным в ревизские сказки, имел льготу по рекрутской повинности.

В правилах по составлению посемейных списков, разосланных по всем губерниям, говорилось: 1 – посемейные списки составляются из ревизских сказок, с показанием новорожденных и всех, прибывших после ревизии, а также с отметками об умерших и прочих убиавших в течение времени от ревизии до ревизии; 2 – для отметки

⁷ ГАСО, ф. 82, оп. 1, д. 18, л. 26–28.

в списках каждое семейство обязано объявлять о прибытии и убыли людей городской управе или волостному правлению; 3 – проверка посемейных списков тех семейств, из которых члены будут подлежать в том году призыву, должна быть окончена за месяц до составления призывных списков; 4 – о всякой перемене в семейном положении призывника должно быть немедленно доложено в присутствии по воинской повинности⁸.

Указанные списки необходимы были в первую очередь для того, чтобы определить, есть ли у призываемого новобранца льготы по семейному положению. По уставу о воинской повинности были установлены три разряда льгот: первый разряд – для единственного способного к труду сына, при неспособных к труду близких родственниках или при неспособности к труду отца; второй разряд – для единственного способного к труду сына, при отце, также способном к труду, и одном или нескольких братьях, к труду неспособных; третий разряд – для лица, непосредственного следующего по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе⁹.

Из-за того, что городским управам приходилось одновременно составлять новые посемейные списки, проверять и исправлять уже составленные рекрутские списки, во многих губерниях России началась путаница с предоставлением льгот по семейному положению. О том, какой размах принимали эти ошибки, можно судить по циркуляру МВД от 18 июля 1874 г., разосланному присутствиям по воинским повинностям во все губернии. В нем говорилось: «...в весьма многих городах Управы сделали так, что из ревизских сказок вычеркнули умерших, а всех родившихся после ревизии 1857 года не показали и эти сведения целиком перенесли в призывные списки. Оттого из помещенных в призывные списки мещан и ремесленников значительное число показаны единственными сыновьями. Присутствия назначили таковым лицам льготу 1 разряда, и так как льготные 1 разряда, по ст. 152 Устава о воинской повинности, привлекаются на службу только в случае особого Высочайшего повеления, то за них отбывают призыв в смешанных призывных участках сельские обыватели»¹⁰. Действительно, после проверки призывных списков в Саратовской губернии в двух уездах – Хвалынском и Петровском 47 человек пользовались льготой 1 разряда, имея младших братьев. Эта ошибка была исправлена, и данных лиц перевели из 1 во 2 разряд льготы¹¹.

⁸ ГАСО, ф. 82, оп. 1, д. 14, л. 1–2.

⁹ См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1886. Т. 4. С. 45.

¹⁰ ГАСО, ф. 82, оп. 1, д. 11, л. 131.

¹¹ Там же. Л. 139–142.

Для того чтобы облегчить работу учреждениям, составлявшим и проверявшим частные семейные списки, МВД разослало присутствиям циркуляр, по которому любому человеку дозволялось заявлять о замеченных пропусках и ошибках в призывных списках вплоть до дня жребьеметания. Причем позволялось всем призванным и посторонним возражать против правильности отметок о назначении льгот. Тот, кто будет уличен в использовании льготы обманным путем, подлежит взысканию по 217 и 220 ст. Устава о воинской повинности. В то же время, если после жребия выяснялось, что у новобранца есть какие-то льготы, то этот вопрос присутствиями решался отрицательно¹².

В обязанности волостных правлений, кроме составления новых семейных списков и проверки старых ревизских сказок, входило еще и прочтение этих списков на сельских сходах, после чего списки вывешивались в волостных правлениях на двухнедельный срок.

В первый год после опубликования приказа о составлении новых посемейных списков саратовский губернатор направлял в уезды двух младших чиновников для особых поручений с тем, чтобы «произвести на местах поверку касательно точного и своевременно выполнения волостными правлениями правил по отношению составления частных призывных списков для первого предстоящего по новому Уставу набора»¹³.

По возвращении младшие чиновники для особых поручений титулярный советник Булыгин и коллежский секретарь Найденов подали на имя губернатора рапорты об итогах проверки волостных правлений. Из этих рапортов видно, что в большинстве волостных правлений частные призывные списки были составлены вовремя, однако в них встречается множество ошибок и неточностей. Наиболее частыми ошибками были: неверное обозначение семейного положения призываемых, искажение возраста; внесение в призывные списки умерших или переехавших в другие волости. В рапортах особое внимание уделялось трудностям по составлению частных призывных списков в немецких волостных правлениях. Нередко списки вообще не составлялись из-за того, что колонисты откупались от воинского призыва¹⁴. Впрочем, ошибки и неточности, по мнению проверявших и самого губернатора, происходили оттого, что это были трудности первого набора по новому Уставу о воинской повинности 1874 года.

¹² ГАСО, ф. 82, оп. 1, д. 2, л. 114.

¹³ Там же, д. 11, л. 166-168.

¹⁴ Там же, ф. 82, оп. 1, д. 11, л. 166-168.

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОГО ГАРНИЗОНА
(1894–1902)

На рубеже XIX–XX вв. Саратовская губерния играла в жизни страны заметную роль, являясь известным хлебным регионом, крупнейшим центром мукомолья в Поволжье, одним из центров винокуренного производства. В военном отношении на рубеже веков Саратовская губерния входила в состав Казанского военного округа¹. Это был самый крупный округ России, который охватывал все губернии Поволжья и Урала, т. е. около четверти территории Европейской России, а также значительную часть нынешнего Казахстана (в то время – Тургайская область).

В 1907–1910 гг. в Саратовском гарнизоне начальником штаба 57-й резервной пехотной бригады служил А. И. Деникин, в будущем видный военачальник, лидер Добровольческой армии в годы Гражданской войны. По его воспоминаниям, Казанский округ был отдаленным, «находился вне внимания высших сфер и всегда несколько отставал от столичного и пограничного округов»².

Армия на рубеже веков играла важную роль в системе государственного управления. Еще в начале XVIII века по указу Петра I были созданы внутренние гарнизонные батальоны, которые вплоть до XX в. являлись резервом для пополнения полевых частей и главной силой для подавления народных протестов и волнений внутри страны.

На территории губернии постоянно были размещены воинские контингенты. В 1894 г. в Саратове была сформирована 60-я пехотная резервная бригада³ в составе четырех резервных батальонов 5-и ротного состава – Лесного, Бобруйского, Балашовского и Хвалынского. В мае 1899 г. к названиям батальонов была присоединена нумерация и они вошли в 57-ю пехотную резервную бригаду⁴. Ее управление размещалось на углу Вольской и Царицынской улиц, в доме Федоровой, 34 (ныне угол Вольской и Первомайской улиц)⁵.

¹ Система военных округов была введена в России в ходе военной реформы 1862–1874 гг. В пределах округа сосредотачивалось высшее местное управление войсками, военными учреждениями и заведениями. К началу XX в. в империи существовало 13 округов.

² Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 198.

³ См.: Анисимов С. Краткая памятка 225-го пехотного резервного Лесного полка. Саратов, 1911. С. 3.

⁴ См.: Анисимов С. Указ. соч. С. 3; Краткая история 188-го пехотного Карсского полка. Саратов, 1912. С. 14.

⁵ См.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. Саратов, 1900. С. 22.

225-й Лесной резервный батальон располагался в старых городских казармах на Московской площади (ныне улица Университетская, 59, здания 4 корпуса СГУ, Художественного училища и поликлиники Министерства обороны). Батальон был сформирован в 1811 г. в Минске, а свое название получил в «память славной победы русских над шведами при деревне Лесной в царствование государя императора Петра I Великого»⁶. В 1892 г. ввиду ухода из Саратова полков 40-й дивизии в Минскую губернию, Лесной батальон был переведен из Минска в Саратов «на усиление гарнизона»⁷.

226-й Бобруйский резервный батальон квартировал на Митрофановской площади в казармах Гудкова (ныне здания Облвоенкомата и касс «Аэрофлота» в Мирном переулке), а с 1900 г. размещался в городских казармах «близ пассажирского вокзала»⁸ (ныне 6-й корпус СГУ). В этом же году батальон был переведен в Царицын, где и оставался до 1910 г.

227-й Балашовский резервный батальон был расположен сначала на Новоузенской улице, между Полезным переулком и Камышинской улицей, в доме Смирнова (ныне Новоузенская улица, между улицами Симбирцева и Рахова)⁹, а с 1900 г. – в новых городских казармах на Московской улице (ныне там размещаются Центральные курсы Министерства обороны)¹⁰. Батальон был сформирован по Высочайшему указу в январе 1811 г. для несения внутренней службы. В течение XIX в. он несколько раз переименовывался и переформировывался, пока в мае 1899 г. не стал 227-м Балашовским пехотным резервным батальоном¹¹.

228-й Хвалынский резервный батальон размещался в городских казармах на Московской площади (ныне Университетская, 59)¹². Он был создан в январе 1878 г. из кадров Ярославского местного батальона, в 1891 г. получил название 298-й Хвалынский батальон, а в мае 1899 г. был перенумерован в 227-й и вошел в состав 57-й резервной пехотной бригады четвертым батальоном¹³.

В 1898–1901 гг. Хвалынским батальоном командовал полковник М. А. Надеин. В Саратове у него был свой дом на Цыганской улице

⁶ См.: Краткая история... С. 14.

⁷ Там же.

⁸ Адрес-календарь... на 1900 год. С. 222; *Валеев В. Х.* Из истории Саратовских церквей. Саратов, 1990. С. 59 - 60.

⁹ См.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 год. Саратов, 1898. С. 326.

¹⁰ См.: Адрес-календарь... на 1900 год. С. 257.

¹¹ См.: Краткая история... С. 15.

¹² См.: Адрес-календарь... на 1900 год. С. 258.

¹³ См. подробнее: Краткая история... С. 15.

(ныне улица Кутякова). Затем Надеин служил в Киевском военном округе, где стал генерал-майором, участвовал в последней русско-японской войне и за храбрость был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и золотым оружием. Позже Митрофан Александрович командовал на Дальнем Востоке 2-й бригадой 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (с 24 февраля по 2 декабря 1904 г.), затем стал начальником правого фланга сухопутного фронта обороны крепости Порт-Артур (со 2 декабря 1904 г.) и командующим 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии¹⁴.

Кроме 57-й пехотной бригады, в Саратове тогда размещалась 6-я артиллерийская резервная бригада, состоявшая из пяти батарей. Управление бригады было расположено на Константиновской улице, в доме Андреевой, 14 (ныне Советская улица, здание не сохранилось)¹⁵. 1-я батарея дислоцировалась на углу Большой Сергиевской и 1-й Садовой улиц, в доме Юренкова, 90 (ныне угол улиц Чернышевского и 2-й Садовой, дом не сохранился); 2-я батарея – на Московской площади, угол Большой Казачьей и Железнодорожной улиц, в доме Богданова, 101 (ныне там расположена школа-интернат №1); 3-я батарея – на Московской улице, в доме Богданова, 103 (не сохранился); 4-я батарея квартировала на углу Ильинской и Петинской улиц, в доме Карташова (ныне угол улиц Чапаева и Рабочей, дом не сохранился); 5-я батарея располагалась на Константиновской улице, 19 (ныне улица Советская, здание не сохранилось)¹⁶.

В Саратове была сформирована также местная бригада, управление которой находилось на Провиантской улице, 16, кв. 2, и конвойная команда, которая размещалась на Панкратьевской улице, 110, в доме Гудковых (ныне улица Мичурина, здание не сохранилось)¹⁷.

Организация постоя воинских формирований была крайне обременительна для города. В числе обязательных расходов, возложенных законом на городские управления, было расквартирование войсковых частей. По закону такой квартирной зависимости уже не существовало: казна ассигновала из государственного казначейства определенные суммы, в соответствии с разрядом, к которому при-

¹⁴ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 186.

¹⁵ См.: Адрес-календарь... на 1898 год. С. 325; Адрес-календарь... на 1900 год. С. 218; Адрес-календарь... на 1902 год. Саратов, 1901. С. 260.

¹⁶ См.: Адрес-календарь... на 1900 год. С. 218–219; Адрес-календарь... на 1902 год. С. 260.

¹⁷ Там же.

числялся город. Саратов имел второй, но тщетно добивался перехода в первый разряд, который давал наивысшие квартирные разряды¹⁸.

В Саратове до 90-х гг. XIX в. имелись лишь «старые» казармы, построенные еще в 1828 г. далеко за городом. Через четверть века казармы расширились и заняли целый квартал. Место вокруг казарм долго было окраиной и только в середине XIX в. началась его застройка. Улица, проложенная вдоль казарм, стала называться Казарменной (с начала 1930-х гг. – Университетской)¹⁹.

Но городских казарм не хватало и город выходил из положения за счет найма частных домов. Это было сопряжено с большими трудностями. С одной стороны, в городе было очень ограниченное количество домов, владельцы которых соглашались сдавать их под воинские части. А с другой стороны, любой из этих домов должна была одобрить комиссия из видных воинских чинов. Случалось, что для войск подходил только один дом из ряда предложенных, и тогда домовладелец диктовал свои условия городу. Плата по найму частных домов постоянно повышалась. Кроме того, было возможно расквартирование солдат по частным домам, но это возбуждало сильный ропот и негодование местного населения²⁰.

Чтобы избежать такого положения, в 80-х гг. XIX в. город купил несколько частных домовладений, пытаясь приспособить их под расквартирование войск. Так, был куплен дом Очкина на Константиновской улице, между Александровской и Вольской улицами (ныне Советская, между улицами М. Горького и Вольской, здание не сохранилось)²¹. К дому прилегала большая свободная территория, выходившая на современные улицы Советскую и Т. Шевченко. В это же время было приобретено и домовладение на углу Ильинской и Аничковской улиц (ныне угол улиц Чапаева и Рабочей, здание не сохранилось).

В числе мастеров и знатоков казарменных дел долгое время видное место занимал помещик-домовладелец и родовитый дворянин, отставной капитан Генерального Штаба Г. К. Деконский. Он специализировался в этом деле с 60-х гг. XIX в. и со ссудой от казны воздвиг на своей земле большой казарменный корпус, выходивший на Ильинскую площадь (ныне в этом здании размещается военный факультет медицинского университета). Казармы были приобретены городом у наследников Деконского в начале 90-х гг. Деконский был самым крупным казарменных дел мастером из числа частных

¹⁸ См.: *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 11–12. С. 136.

¹⁹ См.: *Максимов Е. К.* Имя твоей улицы. Саратов, 1986. С. 59.

²⁰ См.: *Славин И. Я.* Указ. соч. С. 137.

²¹ Там же.

домовладельцев. Были и другие (Богданов, Мейер), но «это была сравнительно с Деконским «мелкая рыбешка», не обладавшая ни его знаниями, ни его опытом, ни его ловкостью и связями, и знакомствами в местных и столичных правительственных сферах»²².

Все эти крупные покупки не могли коренным образом упорядочить расквартирование войск. Городское управление, губернские власти и военное начальство были заинтересованы в более сосредоточенном и концентрированном размещении войск в специально приспособленных зданиях, что давало удобства, которых нельзя было требовать в частном домовладении, и облегчало поддержание порядка и дисциплины.

Наконец, в мае 1896 г., в дни коронации императора Николая II были заложены два корпуса «новых» городских казарм, расположенных по линии Московской улицы, от Казарменной улицы по направлению к пассажирскому вокзалу (ныне здания 6-го корпуса СТУ и Мобилизационных курсов Генерального Штаба). В связи с началом их строительства были посланы телеграммы министрам военному и внутренним дел. К 1898 г. два огромных казарменных корпуса были открыты²³.

Одной из важнейших задач жизни воинских частей мирного времени являлась подготовка рядового состава. В систему боевой подготовки входило воспитание и обучение солдат. Главной проблемой воспитания было утверждение в массах веры в незыблемость существующего общественного порядка и государственного строя. Солдатская памятка гласила: «Умирай за веру православную, за царя-батьюшку, за святую Русь... Будь благочестив, уповай на Бога, молись ему усердно. Слепо повинуйся начальникам, не рассуждай о том, что велено, а исполняй»²⁴.

В задачу обучения входила подготовка войск для ведения боевых действий. Во время военной службы обучение включало несколько этапов. На первом этапе солдат проходил одиночное обучение, в которое входили строевая и физическая подготовка, умение владеть оружием. Обычно эти упражнения отрабатывались в ходе зимних учений, для которых выделялась территория на окраине города.

Второй этап включал совместные действия солдат в составе отделения, взвода, роты и батальона. «Только того бьют, кто боится. Не думай о себе, думай о товарищах, товарищи о тебе подумают. В по-

²² См.: Славин И. Я. Указ. соч. С. 137.

²³ См.: Славин И. Я. Указ. соч. С. 137; Максимов Е. К. Указ. соч. С. 59; Семенин В. Н. От первого воеводы до последнего первого секретаря // Волга. 1997. № 5-6. С. 21.

²⁴ Анисимов С. Указ. соч. С. 6.

ходе своего места не оставляй; остановился на минуту – отстал на 120 шагов. Иди веселее – не раскисай», – учила памятка²⁵. Обычно весной войска гарнизона выезжали на учебные сборы за пределы города, в это время решались задачи профессиональной подготовки по отдельным родам оружия. До начала русско-японской войны такие мероприятия проводились регулярно. Завершалась боевая подготовка отработкой совместных действий нескольких родов оружия на учениях и маневрах²⁶. Их целью являлась отработка действий частей и подразделений.

Так, в 1902 г. 57-я пехотная резервная бригада в составе четырех батальонов с 15 мая находилась в местах своего постоянного квартирования, с 16 по 31 июля стояла лагерем у Саратова, а с 1 по 13 августа – в подвижном сборе между Саратовом и Пензой²⁷. Артиллерийские части с 10 мая по 10 июля находились в специальном артиллерийском сборе у д. Клещевка, близ Саратова (ныне Саратовский район), а затем были разделены: 1-я батарея с 16 по 31 июля стояла у Пензы и с 1 по 13 августа находилась в подвижном сборе между Пензой и Саратовом; 2-я батарея с 16 июля по 13 августа квартировала у Казани; еще две батареи с 16 по 31 июля стояли у Саратова, а с 1 по 13 августа участвовали в подвижном сборе между Саратовом и Пензой²⁸. В занятиях принимали участие и две сотни 1-го Астраханского казачьего полка, которые присутствовали с 16 по 31 июля на общих сборах при Саратове, а с 1 по 13 августа участвовали в подвижном сборе между Саратовом и Пензой вместе с остальными войсками²⁹.

В конце летних сборов обычно проводились маневры. Сначала полковые, затем дивизионные и корпусные. В их задачу входила отработка боевых действий отдельными соединениями. В крупных маневрах принимали участие войска одного или двух округов. В основном такие мероприятия проводились в передовых военных округах – Московском и Петербургском, а также в приграничных. К сожалению, Казанский округ в их число не попадал.

Таким образом, Саратовский гарнизон занимал в жизни губернии определенную нишу, и наиболее сложным вопросом, который стоял на повестке дня на рубеже XIX–XX вв., было расквартирование войск. Военное ведомство требовало у города сосредоточенного

²⁵ Анисимов С. Указ. соч.

²⁶ См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в начале XX века. М., 1973. С. 25–26.

²⁷ ГАСО, ф. 82, оп.1, д. 320, л.1.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

размещения войсковых частей в специально отведенных помещениях, но при этом не спешило выделять средства на их покупку или постройку. Городские власти пытались справиться с проблемой разными путями, изыскивая средства всеми возможными способами. И этот вопрос оставался открытым вплоть до 1911 года, когда, наконец, были заложены новые городские казармы на Соколовой горе и основан Северный военный городок. Но это уже отдельная история.

ВОЛЬСКАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА

Происхождение Вольской военной школы можно отнести к началу XVIII века. Петр I, создавая регулярную армию и военно-морской флот, крайне нуждался в специалистах военного дела. В 1702 г. были созданы школы: бомбардирская, математическая и навигационных наук, куда принимали сыновей «дворянских дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов» в возрасте 12-17 лет. Впервые появились и школы для солдатских сыновей.

Служба в армии и на флоте была тогда пожизненной и, выходя из крепостной зависимости от помещика, рекрут уже навсегда со всем своим потомством переходил к военному ведомству. При переписи 1719 г. сыновья нижних воинских чинов в подушный оклад не включались. В России появилось новое сословие солдатских детей. Это побудило правительство взять на себя, за счет казны, их воспитание. Указом 1721 г. в каждом гарнизонном полку были организованы школы солдатских сыновей на 50 человек, в возрасте от 7 до 15 лет.

При императрице Анне Иоанновне число учеников увеличилось до 4-х тысяч – в «пользу и облегчение государства в рекрутах». Ученики обучались грамоте и арифметике, более способные – артиллерии и фортификации, пению и музыке, письмоводству и слесарному делу, а остальные – столярному, портновскому и сапожному ремеслам, что было необходимо для жизнедеятельности воинских частей. По достижении 15-летнего возраста способных учеников оставляли в школе еще на три года для усовершенствования, остальных распределяли по полкам (рис. 1).

Позднее гарнизонные школы стали принимать на воспитание и сыновей неимущих офицеров. К 1796 г. число воспитанников достигло 12 тыс. человек. 23 февраля 1798 г. указом императора Павла I гарнизонные школы переименовали в военно-сиротские отделения, основанные от имени Императорского военно-сиротского дома в Петербурге. В 1805 г. с реорганизацией военно-сиротских отделений (с 16 400 воспитанников) солдатские дети были впервые названы кантонистами. Название это пришло в Россию из Пруссии, где в XVIII в. кантонистами назывались лица, подлежащие приему на военную службу в каждом округе (кантоне), комплектовавшем свой полк (рис. 2). При Николае I в 1831 г. военно-сиротские отделения переименованы в роты (250 человек), полубатальоны (2 роты по 250 человек) военных кантонистов, сведенных, в свою очередь, в несколько учеб-

ных бригад. Программа образования была ограничена фронтом (строевая подготовка), обучением грамоте и мастерству¹.

В Саратове батальон кантонистов в составе 4 рот размещался по квартирам в домах обывателей, а школа их была в старой усадьбе губернатора, на углу Царицынской и Никольской улиц (ныне Первомайской и Радищева). Дом был старый, деревянный на каменном фундаменте, на дворе были два флигеля, деревянный амбар, конюшня, баня и другие службы². В жестокое николаевское время обращение начальства с кантонистами было крайне суровым. Военно-сиротское отделение оставило по себе память в Саратове тем, что истребило много розог, которыми наказывали кантонистов. По словам саратовского старожилы Кузнецова, который учился в школе кантонистов, поставщик розог еженедельно привозил их два больших воза.

В 1832 г. по ходатайству саратовского губернатора Ф. Л. Перверзева батальон кантонистов был переведен в уездный город Вольск и размещен в двух пустовавших каменных зданиях, принадлежавших казенному должнику купцу В. А. Злобину. Между этими зданиями была деревянная перегородка, приспособленная под столовую³.

Внутренний распорядок жизни в школе был своеобразный. На занятия в классах кантонисты ходили в две смены и через день — с 7 до 11 часов утра и с 2 до 6 часов вечера. Смена, свободная от занятий, работала в мастерских, а в летнее время на огороде. На прогулку кантонистов выводили в зимнее время три раза в неделю, а летом ежедневно. В каникулярное время (с 24 июля по 6 августа) в классах занимались раз в неделю «единственно для повторения наук». Летом кантонистов располагали по деревням, где кроме военных упражнений заставляли заниматься сельскохозяйственными работами. Одежду и обувь изготовляли сами. Через две недели кантонистов водили в баню, а ежедневно их осматривал медик, тем не менее кантонисты почти постоянно страдали от цинги и глазных болезней. Горячую пищу кантонисты получали два раза в день (обед из двух блюд и ужин из одного блюда).

26 июня 1837 г. Вольск посетил наследник цесаревич Александр Николаевич, который, осмотрев помещения батальона, присутствовал на обеде кантонистов и пробовал их пищу. В память об этом в школе долго хранилась деревянная чашка и ложка в витрине с соот-

¹ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 12. С. 355.

² Максимов Е. К. Кадеты // Земское обозрение (Саратов). 1999. 18 нояб.

³ Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 122, 220.

ветствующей надписью⁴. В царствование Александра II в 1859 г. в зданиях школы было открыто Саратовское училище военного ведомства, состоящее из 4-х классов. С отменой крепостного права, с введением всеобщей воинской повинности исчезли и кантонисты прежнего типа.

Еще в 1856 г. малолетние кантонисты были возвращены в их семейства и получили гражданские права. В 1868/69 учебном году училище военного ведомства было преобразовано в Вольскую военную прогимназию, призванную быть воспитательно-исправительным учебным заведением. Прогимназия пополнялась воспитанниками военных гимназий, оказавшимися слабыми в науках или имевшими дурное поведение. Через пять лет было утверждено «Положение», согласно которому в прогимназии должно быть 100 человек. Воспитанники прогимназии были разделены на небольшие группы по 15 человек, в каждой группе по два воспитателя. Первые воспитанники представляли крайне тяжелый в воспитательном плане контингент.

Воспитателям приходилось много бороться с курением, воровством, грубостью, враждебным отношением воспитанников к заведению, к тому же большинство из них было не в силах усвоить даже прогимназическую программу обучения. Из таких воспитанников, как правило, образовывали особые ремесленные классы.

В 1870 г. военный министр генерал Милютин проездом через Вольск посетил военную прогимназию, беседовал с директором, воспитателями и воспитанниками, присутствовал на богослужении. Результатом этих бесед было разрешение увеличить помещение прогимназии и основать храм. На месте кантонистской столовой была устроена церковь и освящен престол в память Воздвижения Креста Господня. Два старых здания были расширены и соединены между собой двухэтажной каменной постройкой, церковь соединена с помещением воспитанников деревянными коридорами. В 1869 г. для прогимназии казна приобрела фруктовый сад в 10 десятин, в следующем году были построены бараки для летнего лагеря. С 19 мая 1886 г. прогимназия стала называться Вольской военной школой⁵.

С 1883 по 1891 г. директором школы был полковник Добшинский. При нем церковь была капитально перестроена (1889 г.) и начата постройка каменного флигеля на 6 квартир для воспитателей. Штат служащих увеличился. Должность инспектора классов с окладом

⁴ Греков В. Ф. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700-1910. М., 1910. С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

Рис. 1. Военные кантонисты учебных
Эскадронов уланских и учебных баталь-
онов поселенных полков.
1821-1825 гг.

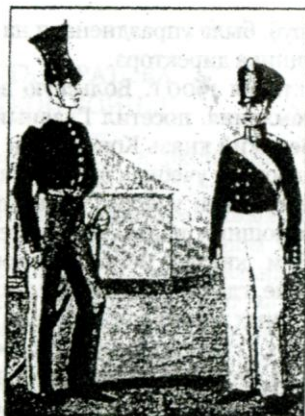

Рис. 2. Воспитанники военных гимназий:
Нижегородской графа Аракчеева, Пет-
ровской-Полтавской, Орловской-Бахти-
на и Сибирской.
30 августа 1876 г.

Рис. 3. Воспитанник 2-го класса Учитель-
ской семинарии военного ведомства,
воспитанник Вольской военной школы,
кадеты 3-го и 2-го Московских Кадетских
корпусов.
1882 г.

2400 руб. была упразднена, и на это содержание были назначены два помощника директора.

6 октября 1900 г. Вольскую военную школу первый раз, с целью ознакомления, посетил Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович. А летом 1901 г. была организована учебная экскурсия 16 воспитанников в Петербург, в которой приняли участие директор школы генерал-майор Сергиевич, его помощник и два воспитателя. Экскурсанты были приглашены Великим князем Константином Константиновичем во дворец в Стрельне, где они жили 9 и 10 июля. Оба события были отмечены на мраморных досках в портретной зале школы в Вольске (рис. 3).

С 1902 г. школа утратила свое значение исключительно исправительно-воспитательного заведения, так как приказом по военному ведомству (№34, 1902 г.) было воспрещено «кадет, подающих мало надежды к исправлению в нравственном отношении, переводить в означенную школу», служащую подготовительным заведением в юнкерские училища.

В том же году с разрешения главы Управления военно-учебных заведений началась перестройка школы: возведен третий этаж на главном здании и правом крыле. Вновь отстроено здание классов (левое крыло), выстроен 3-х этажный флигель на 12 квартир для воспитателей и устроено в помещениях школы паровое отопление. Строительные и ремонтные работы обошлись в 540 тыс. рублей⁶.

Со времени основания школы при всех ее названиях имелось 4 класса, и воспитанники выпускались в войска вольноопределяющимися 2-го разряда, откуда, хорошо аттестованные, могли поступить без экзамена в юнкерские училища. С начала 1903/04 учебного года был основан 5-й класс (приказ по военному ведомству №245, 1903 г.), выпуск из которого производился на тех же основаниях⁷.

Знания теперь оценивались отметками: хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно (ранее по 12-балльной системе). Экзаменов устных не было.

В 1908 г. школа преобразована в Вольский кадетский корпус (приказ по военному ведомству №433, 1908 г.), воспитанники же школы, состоящие в 1-4 классах, были уволены на попечение родителей и опекунов с выдачей им единовременного пособия не свыше 300 рублей.

⁶ Греков В. Ф. Указ соч. С. 141.

⁷ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 7. С. 31.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ САРАТОВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

До революции 1917 г. определяющую роль в экономике Саратовской губернии играло, безусловно, сельское хозяйство. В то же время губерния обладала и определенным промышленным потенциалом. Удельный вес промышленности в хозяйственном балансе региона в предвоенном 1913 г. составлял 35,5%¹. Значительная часть промышленности была сосредоточена в Саратове. По характеру производимой продукции она обслуживала в основном мелкую кустарную промышленность и сельское хозяйство. Вместе с тем в Саратове находилось несколько крупных предприятий металлообрабатывающей промышленности: гвоздильный завод Гантке, механический завод Беринга, заводы, эвакуированные из Риги, товарищества «Жесть», «Титаник» и другие. По переписи 1916 г., в городе насчитывалось 23 металлообрабатывающих и машиностроительных завода, 17 деревообрабатывающих предприятий, 11 маслозаводов, 8 мельниц и многочисленные кирпичные, кожевенные, текстильные, химические и другие предприятия (всего более 150)². Крупным предприятием считались также железнодорожные мастерские. Из общего числа рабочих в 25 тыс. человек на крупных предприятиях было занято до 4,5 тыс. рабочих.

После революции новая власть приступила к целой серии реорганизаций, которые были связаны одной главной целью: объединение деятельности основных отраслей местной промышленности и преобразование ее в государственный сектор экономики.

27 декабря 1917 г. в Саратовской губернии был образован губернский Совет народного хозяйства (губсовнархоз)³. В период с января по март 1918 г. губсовнархоз осуществил ликвидацию объединений Волготоп, Военно-промышленный комитет, в ведении которого находились предприятия оборонного значения, Дровотоп, Кожевенный комитет и ряд других, созданных в Первую мировую войну. Все предприятия, подчинявшиеся этим объединениям, перешли в ведение губсовнархоза.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ ЦУНХУ СССР за 15 лет: Статматериалы по народному хозяйству. М., 1932.

² Рейли Д. Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 25.

³ Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 59.

Первый шаг на пути национализации местной промышленности был сделан саратовскими властями 13 апреля 1918 г., когда вышло постановление о национализации доминирующей отрасли саратовской промышленности – мукомольной. Вслед за этим последовали акты по передаче некоторых других отраслей промышленности в собственность государства. В Саратовской губернии такого рода процессы имели свои особенности. Прежде всего они мало походили на «красногвардейскую атаку на капитал», т. е. на ту модель национализации, которая была характерна для центрально-промышленных губерний. Процессы национализации в Саратове и губернии не отличались высокими темпами, не имели под собой четкой разработанной схемы, во многом носили характер адаптивной реакции на ситуацию. Руководство губсовнархоза стремилось проявить некоторую осторожность и осмотрительность, считалось в известной мере с местными условиями. Конечно, это во многом объяснялось и спецификой саратовской промышленности.

Не привела на первых порах национализация и к достаточному уровню концентрации управления национализированными предприятиями. Так, почти до конца 1918 г. мукомольная промышленность находилась под управлением различных органов: управления национализированных мельниц, горсовнархоза, коммунхоза, горпродкома, и др. Подобная ситуация складывалась и в других отраслях обрабатывающей промышленности города⁴.

К осени 1918 г. саратовским властям удалось навести определенный порядок в промышленности. Брошенные владельцами заводы, а также расхищенные или разрушенные населением в период революционной стихии были отчасти восстановлены. Даже не функционировавшие с начала мировой войны винокуренные заводы стали приводиться в порядок. К работе приступили почти все без исключения заводы, находившиеся в непосредственном ведении губсовнархоза. Не были запущены в ход лишь те заводы, которые подчинялись непосредственно центру, т. е. различным главным и центральным управлениям.

К этому же времени относится начало борьбы местных совнархозов с расширительными тенденциями главков и центров, стремившихся изолировать подчиненные им предприятия, расположенные на территории губернии, от контроля местных органов хозяйственного управления, что отражало процесс развития военно-комму-

⁴ Экономическая жизнь Поволжья. 1920. №1–2. С. 15.

нистических тенденций в экономике Советской республики (так называемый «главизм»)⁵.

В конце ноября 1918 г. был образован специальный губернский орган по управлению мукомольно-крупяными предприятиями - Губмука. Пожалуй, тогда начинают предприниматься первые эффективные шаги по налаживанию планомерной работы этой доминирующей отрасли промышленности губернии. Тем не менее в последующее время сохранялся определенный управленческий параллелизм, так как управление было разделено между двумя ведомствами: Губмукой и Губземоделом⁶. Примерно в это же время было принято решение и о национализации всей маслособойной промышленности в Саратове и губернии и о налаживании ее работы, так как в силу технических причин подавляющая часть маслособойных предприятий простаивала весь 1918 год⁷.

Характеризуя процессы национализации в Саратовской губернии, нельзя не сказать об одной отрасли промышленности, контролю за которой новые местные власти придавали особое значение. Речь идет о полиграфической промышленности.

После Октябрьской революции в Саратове был организован полиграфический отдел Саратовского совета народного хозяйства, а 13 марта 1918 г. на его базе создается комиссариат типографий Саратовского совета. К этому времени собственно государственная полиграфическая промышленность губернии концентрировалась в Саратове и насчитывала 3 типографии: бывшего губернского правления «Саратовского вестника», правления «Саратовского листка» и типографии саратовского губернского земства⁸. Именно эти типографии были национализированы новой властью в первую очередь. Первым «типографским комиссаром» был большевик Н. Е. Ежов, впоследствии умерший на фронте от тифа, вторым - Э. М. Барен, третьим - Я. Т. Серов. 15 марта 1918 г. комиссариат принял в свое ведение типографию Военного комитета. Типография была закрыта, а рабочие были переведены в типографию «Саратовского листка». В это же время губисполкомом была утверждена специальная должность комиссара по делам печати. Первым комиссаром был назначен Алексеев, впоследствии убитый владельцем одной из типографии Рабиновичем.

⁵ Так называлась система управления промышленностью от слова «главк» - главный по управлению над той или иной отраслью - Главмука, Главчай, Главкондитер и т.д.

⁶ Экономическая жизнь Поволжья. 1920. №1-2. С. 15-16.

⁷ Известия Саратовского губпродкома. 1918. № 17. С. 30.

⁸ Пять лет пролетарской борьбы. С. 67.

Основная деятельность органов управления полиграфической промышленности сводилась главным образом к национализации частных полиграфических предприятий, которых насчитывалось в Саратове 48. Этот процесс растянулся фактически на весь 1918 год.⁹ Кроме того, руководством отдела был взят курс на установление монополии в полиграфической промышленности. В начале 1919 г. полиграфотдел при губсовнархозе взял под свою юрисдикцию типографию «Красной газеты», принадлежавшую Саратовскому губкому партии, а также типографию «Известий», находившуюся в ведении губисполкома. Руководство отдела категорически отклонило идею о возможности существования ведомственных типографий, с которой выступили представители отдела народного образования, Союза потребителей обществ экономического института, Литературного издательства отдела искусств¹⁰. После состоявшегося 6 февраля 1919 г. I съезда представителей полиграфической промышленности полиграфотдел становится полноправным руководящим органом губернского масштаба. Большинство полиграфических предприятий представляло собой мелкие, кустарного типа заведения, поэтому основные мероприятия в плане реорганизации полиграфической промышленности города были связаны с их объединением: из 48 предприятий г. Саратова к 1 января 1921 г. было организовано 9. Это давало возможность заметно улучшить снабжение типографий оборудованием и материалом в условиях острого экономического кризиса.

В процессе национализации полиграфической промышленности губернии местным властям пришлось решать еще одну проблему - политическую. Дело в том, что, начиная с Октябрьской революции, саратовские печатники в подавляющем большинстве находились под влиянием меньшевиков. Это влияние сохранялось до весны 1919 г. Весь 1918 год прошел в острой борьбе небольшой группы большевиков-печатников с меньшевистски настроенными рабочими типографий. В руках саратовской меньшевистской организации находился и профсоюз печатников. В феврале 1919 г. местные власти предприняли первую серьезную акцию по нейтрализации меньшевистского влияния в полиграфической промышленности. Тогда весь штат наборщиков и печатников саратовской газеты «Известия» предстал перед судом нового «Союза красных печатников»

⁹ 11 сентября 1918 г. комиссариат был переименован в Управление советскими типографиями, а с 25 декабря того же года был образован полиграфотдел уже при губсовнархозе.

¹⁰ Пять лет пролетарской борьбы. С. 66.

по обвинению во враждебном отношении к советской власти¹¹. Суд вынес решение рассеять штат печатников по разным предприятиям. Новое, на сей раз широкомасштабное мероприятие аналогичного характера было развернуто местными большевиками в период похода Кавказской армии генерала Врангеля на Саратов. К концу 1919 г. сопротивление меньшевиков было окончательно сломлено, и вся полиграфическая промышленность губернии перешла под полный политический контроль саратовской большевистской организации¹².

2 сентября 1918 г., в связи с дальнейшей эскалацией Гражданской войны, ВЦИК принимает известное постановление, которым Советская республика объявлялась военным лагерем. На повестку дня большевистским режимом была поставлена задача мобилизации всех сил и ресурсов республики на нужды обороны. ВЦИК в своем решении от 30 ноября 1918 г. отметил, что постановление от 2 сентября «должно быть ныне проведено в жизнь во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления. Не только в армии и флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен «военный режим»¹³.

С этого времени в саратовской промышленности, как и в экономике в целом, резко активизируются процессы ее ориентации на военные нужды, которые обозначились еще летом 1918 г., когда проявились первые симптомы превращения Саратовской губернии в прифронтовую. Конкретные задачи по переводу саратовской промышленности на военные рельсы были определены на II губернском съезде совнархозов, состоявшемся в середине декабря 1918 г. На съезде также было вынесено решение о ликвидации исполкома, во главе которого оставался только президиум, что отражало процесс становления военно-коммунистических принципов управления экономикой¹⁴.

19 января 1919 г. в Саратове был получен приказ председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, наркома торговли и промышленности Л. Б. Красина об организации при совнархозах отделов военных заготовок. И уже 30 января 1919 г. при Саратовском губсовнархозе такой отдел был создан (Губвоензаг). Во

¹¹ Пять лет пролетарской борьбы. С. 68.

¹² Лишь в начале 1921 г. меньшевикам вновь удалось усилить свое влияние в среде рабочих печатной промышленности.

¹³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 4. С. 93.

¹⁴ Пять лет пролетарской борьбы. С. 61. В состав президиума Саратовского губсовнархоза вошли Алексеев, Косолапов, Плаксин, а также бывшие члены облсовнархоза Головчанский и Юдов.

главе его был поставлен член президиума губсовнархоза А. А. Алексеев. Отдел был наделен полномочиями чрезвычайного органа, директивы которого подлежали неукоснительному исполнению. Именно от этой инстанции все отделы местных совнархозов получали заказы и финансирование.

Прифронтовое положение Саратовской губернии оказало определяющее влияние на характер и основные направления деятельности Губвоензага. Фактически все отделы местных совнархозов и предприятия, которые могли что-либо производить для армии, были привлечены к работе. В течение 1919 г. 85% действовавших промышленных предприятий Саратова работало на военные нужды. Губвоензаг осуществлял снабжение сначала 4-й армии, затем 10-й, а впоследствии армий всех трех фронтов, для которых Саратовская губерния являлась ближайшим фронтовым тылом – Южного, Восточного и Юго-Восточного¹⁵.

Большая нагрузка падала на заводы, где производилось и ремонтировалось оружие. Особое значение в сфере военного производства губернии имели промышленные предприятия Царицына, в первую очередь Царицынский оружейный завод и завод ДЮМО, которые обеспечивали своей продукцией армии Южного фронта (в основном 10-ю армию) в период обороны Царицына 1918–1919 гг. После подхода к городу войск Врангеля по решению эвакуационной комиссии, созданной местной организацией РКП(б) 20 июня 1919 г., начинается демонтаж оборудования, которое вместе с запчастями и металлом было погружено на баржи и отправлено в Саратов. Было вывезено около 140 тыс. пудов станков, оборудования и материалов. На военный лад перестраивалась работа саратовских железнодорожных мастерских, где было налажено производство снарядов.

На первоочередное обеспечение военных нужд переориентируется и обрабатывающая промышленность Саратова. Так, при саратовских бойнях организуется салотопный завод, работавший исключительно для нужд войсковых частей¹⁶. Маслобойные заводы могли обеспечивать местные потребности только после выполнения нарядов на снабжение Красной Армии.

На военные нужды работали также предприятия текстильной и кожевенной промышленности, производившие обмундирование и амуницию для армейских частей. В условиях крайнего дефицита сырья приходилось перешивать старые вещи и реконструировать предметы военной амуниции. Эта задача была возложена на специально созданный в структуре губсовнархоза отдел утилизации, ко-

¹⁵ Пять лет пролетарской борьбы. С. 61.

¹⁶ Известия Саратовского губпродкома. 1918 № 17. С. 12.

торый при содействии Губвоензага и Чусоснабарма¹⁷ развил активную деятельность: обзавелся швейными мастерскими, обозными, механическими, сапожными, столярными и другими. Это направление деятельности отдела получило весьма широкий размах и во многом помогло центральной и местной власти в решении проблемы снабжения армий прилегающих к Саратовской губернии фронтов. Позже, с лета 1919 г., в сфере внимания губсовнархоза оказывается и такой производственный резерв, как мелкая кустарная промышленность. До этого интерес к кустарной промышленности проявлял главным образом Саратовский губпродком, ведавший сферой продовольственных заготовок в губернии. Изделия кустарной промышленности являлись важным фактором товарообмена, позволявшим в условиях нараставшего товарного дефицита и складывавшейся продразверсточной системы продовольственных заготовок сохранить в ее рамках определенный стимул для развития производства. Особое внимание проявлял губпродком к щепной и обозной продукции кустарной промышленности, в которой крестьянство Саратовской губернии испытывало острейшую нужду. К тому же руководство губпродкома учитывало и то обстоятельство, что недостаток инвентаря в крестьянских хозяйствах мог привести к сокращению посевной площади¹⁸.

В июле 1919 г. при Саратовском губсовнархозе был организован специальный «кустарный отдел», главная функция которого сводилась к выявлению и постановке на учет кустарей всех видов кустарной промышленности губернии, объединению их в отдельные группы по видам продукции и привлечению кустарей к государственной работе. Вместе с тем курс губсовнархоза на восстановление кустарной промышленности натолкнулся на недопонимание значения этого производства в условиях войны части саратовских хозяйственников, воспринимавших его прежде всего как частное хозяйство. Как и в крупной промышленности, губсовнархоз поддерживал государственными заказами в первую очередь выгодные в военном отношении кустарные производства. Так, Губтекстиль восстановил вальцовое и пеньковое производства, наиболее перспективные в

¹⁷ Декретом ВЦИК от 9 июля 1919 г. было решено в целях объединения дела снабжения Красной Армии, повышения производительности заводов, работавших на оборону, а также оперативности в распределении предметов снабжения как в тылу, так и на фронте учредить должность чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной Армии и фронта (Чусоснабарм) (см.: Декреты Советской власти. Т. 5. С. 340-341). Во главе этого органа стоял член Реввоенсовета республики А.И. Рыков, который был наделен диктаторскими полномочиями в сфере снабжения армии.

¹⁸ Известия Саратовского губпродкома. 1919. № 12. С. 28.

плане выполнения крупных военных заказов. Понятно, что это не могло не приводить к свертыванию и даже исчезновению тех видов кустарного производства, которые не были непосредственно связаны с военными нуждами.

Широкое развитие получает и практика прямых заготовок сырья у населения для поставленной под государственный контроль кустарной промышленности, работавшей на обслуживание армии (шерсть, кожа, щетина, лен, конопля). Передача в июне 1920 г. всех видов подобных заготовок в ведение губпродкома придала этой деятельности чрезвычайный характер. Губпродком объявил, что все лица, тем или иным образом уклоняющиеся от сдачи сырья, будут предаваться суду революционного трибунала¹⁹.

В 1919 г. промышленность Саратовской губернии в полной мере испытала на себе воздействие развивающихся в экономической жизни Советской республики военно-коммунистических тенденций: был резко ускорен процесс национализации промышленности и окончательно завершена ее централизация. Предприятия, не национализированные в 1918 г., перешли в ведение губсовнархоза. Им были взяты на учет все склады, за исключением военных, со своими материалами и фабрикатами. Саратовскому губсовнархозу удалось решить и проблему контроля за деятельностью предприятий, находившихся в непосредственном ведении республиканских главков и центров. Таким образом, в борьбе саратовских хозяйственников на протяжении почти всего 1918 г. победа осталась за провинциальными органами экономического управления.

Это парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, заметно контрастирующая с генеральным направлением процесса централизации управления промышленностью в общереспубликанском масштабе, объясняется прежде всего прифронтовым характером Саратовской губернии и особым ее положением как тылового района для действующих советских армий Южного и Восточного фронтов.

Яркой приметой времени стали так называемые коммунистические субботники – один из военно-коммунистических методов мобилизации трудовых ресурсов, получивший широкую пропагандистскую огласку и активно популяризовавшийся центральными и местными властями.

В роли инициаторов первого коммунистического субботника в Саратовской губернии выступили коммунисты Железнодорожного (ныне Октябрьского) района г. Саратова, которые взяли на себя обязательство, по примеру москвичей, регулярно проводить субботники и бесплатно трудиться по 5 часов на работах по восстановлению

¹⁹ ГАСО, ф. 523, оп. I, д. 31, л. 20.

транспорта²⁰. Первый субботник состоялся 7 июня 1919 г. В этот день был отремонтирован ставший в свое время легендарным паровоз Э-1105, который назвали «Красным паровозом». Это событие попало даже на страницы известной ленинской работы «Великий почин».

23 июня 1919 г. Саратовский губком РКП(б) предложил уездным и районным комитетам партии организовать субботники по примеру железнодорожников²¹. В последующее время коммунистические субботники стали распространенным явлением в экономической жизни губернии периода Гражданской войны. Эта практика в своем развитии обнаруживала весьма симптоматичную закономерность: субботники из партийного по своему составу мероприятия очень быстро стали приобретать характер массового выхода подавляющей части рабочих промышленных предприятий губернии на сверхурочную работу.

В 1920 г. промышленность Саратовской губернии начинает не только обслуживать армию, но и решать общегосударственные задачи, связанные с обеспечением всем необходимым аграрного сектора местной экономики. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1919 г., когда отделом металла ВСНХ началось строительство в г. Саратове государственного завода «Звезда» по производству сельскохозяйственных орудий и машин²². Учитывая исключительную важность Саратовской губернии в продовольственном отношении, Совет Рабоче-Крестьянской Обороны придавал этому строительству особое значение.

В связи с тем, что в начале 1920 г. Саратовская губерния утрачивает свой прифронтовой характер, происходит изменение системы управления местной промышленностью. 23 марта появляется новый координационный орган Центральная производственная комиссия, а Губвоензаг, как выполнивший свою задачу, связанную с осуществлением экстренных мероприятий по обеспечению армии, был ликвидирован²³. С этого времени начинается процесс перестройки саратовской промышленности на мирные рельсы, который, правда, вскоре был приостановлен по причине начала советско-польской войны и очередного введения 11 мая 1920 г. военного положения в губернии. Лишь к концу 1920 г. промышленность Саратова твердо становится на путь мирного строительства.

²⁰ Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: документы и материалы. С. 119–120. 1919–1920. Саратов, 1958.

²¹ Там же. С. 125.

²² РГАЭ, ф. 1943, оп. 7, д. 2161, л. 3.

²³ Пять лет пролетарской борьбы. С. 62.

К этому историческому рубежу промышленность Саратова подошла в состоянии глубочайшего кризиса. Он был обусловлен рядом взаимосвязанных причин: наследием империалистической войны, крупными стратегическими и тактическими просчетами новой власти в сфере экономической политики, наконец, прифронтовым характером Саратовской губернии, который она сохраняла на протяжении почти всей Гражданской войны.

Пострадали основные отрасли местной промышленности. Значительная часть промышленных предприятий выбыла из строя. Не было запасных частей, не хватало сырья и топлива. К концу Гражданской войны в числе действующих имелось только 20%, или 9 предприятий металлургической промышленности, выполнявших в основном военные заказы. Остальные 36 предприятий этой отрасли стояли из-за острого дефицита топлива и сырья²⁴. Но и действующие металлургические предприятия находились в сложной ситуации, так как война вызвала значительную их перегрузку, а необходимый ремонт оборудования не производился. К началу 1921 г. металлургическая промышленность Саратова была обеспечена черным металлом всего на 0,6%, а цветными - на 0,3% от плана²⁵. Чрезвычайной остроты достиг в Саратове топливный кризис. Так, нефти в 1919 г. было получено всего 3% от потребности. Угля же, начиная с 1919 г., сюда не поступало совсем.

В тяжелом положении к концу Гражданской войны оказались ведущие отрасли саратовской обрабатывающей промышленности, связанной с переработкой сельскохозяйственной продукции. Нарастающий в губернии сельскохозяйственный кризис приводит к свертыванию мукомольного производства, одной из наиболее развитых в предвоенные годы отраслей местной обрабатывающей промышленности. К началу 1920 г. работало только 40% мукомольных предприятий губернии от общего числа в 614 мельниц, находившихся в ведении Губмуки²⁶. А в начале 1921 г. мукомольные предприятия почти прекращают свою работу. Аналогичная ситуация складывается в маслобойной и винокуренной промышленности. Остальные предприятия пришлось законсервировать²⁷.

Отмеченные тенденции охватывали к концу Гражданской войны не только ведущие отрасли обрабатывающей промышленности Саратова - они имели тотальный характер. Так, из-за недостатка шер-

²⁴ Промышленность Поволжья и голод 1921 года. С. 39.

²⁵ Отчет о деятельности Саратовского губсовнархоза за 1921 год. С. 2.

²⁶ Экономическая жизнь Поволжья. 1920. №1-2. С. 16.

²⁷ Отчет Саратовского губернского экономического совещания. Саратов, 1922. С. 30.

сти, топлива и вследствие крайней изношенности оборудования, которое в период войны было максимально загружено производством шинельного сукна и портяночной ткани, к началу 1921 г. в 10 раз упало производство шерстяных тканей, по сравнению с 1913 годом²⁸. Из-за недостатка жиров из 20 мыловаренных заводов губернии работало только один. Практически остановились и деревообрабатывающие предприятия, так как они получили леса в 1920 г. меньше 1% от плана²⁹.

Серьезно подорванной оказалась к концу Гражданской войны и мелкая кустарная промышленность. Изменения в экономической инфраструктуре, произошедшие за годы Гражданской войны, утрата связей с широким рынком и свертывание нормальных рыночных отношений – все это привело к тому, что промыслы, напрямую связанные с развитием товарно-денежных отношений, прекращают свое функционирование. Так, произошло резкое сокращение деревообрабатывающих промыслов, которые относились к числу наиболее развитых отраслей местной кустарно-ремесленной промышленности³⁰. Острый дефицит металла привел к резкому сокращению кузнечных промыслов.

Таким образом, к концу Гражданской войны саратовская промышленность была представлена небольшим в сравнении с довоенным периодом числом предприятий, в той или иной степени сохранивших свою жизнедеятельность главным образом в силу ориентированности на военное производство. Но и эти предприятия испытывали огромные трудности в связи с экономической разрухой, достигшей своего апогея на заключительном этапе Гражданской войны, усугубленной в Саратовской губернии надвигающимся голодом.

Разруха в промышленном секторе экономики губернии и нарастающий сельскохозяйственный кризис крайне обострили к концу Гражданской войны социально-политическую ситуацию в Саратове. Особенно тяжело отражался на рабочих дефицит продовольствия, который все более стал ощущаться населением губернии, и прежде всего в городах, со второй половины 1920 г. Хлебный паек на большинстве промышленных предприятий, который в период Гражданской войны колебался в пределах от 1/2 до 1 фунта, в начале 1921 г. был сокращен до 1/4 фунта³¹. Но этот мизерный паек рабочие по-

²⁸ Промышленность Поволжья и голод 1921 года. С.69.

²⁹ Там же.

³⁰ Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Саратовской губернии.

С.30.

³¹ ГАСО, ф.523, оп. 1, д. 30 а, л. 149; ф. 521, оп. 2, д. 45, л. 23. (1 фунт=454 граммам).

лучали нерегулярно и не всегда полностью. Неудивительно, что к концу Гражданской войны Саратов оставался в числе 23% губернских городов республики, где рабочие получали питание значительно ниже физиологического минимума. Его, по расчетам специалистов, могло хватить только для поддержания жизни в состоянии покоя или в лучшем случае для легкой работы³². Пища была крайне однообразной. Непомерно большое место в рационе занял картофель. Рабочие почти не получали мяса, рыбы, жиров, сахара. По данным обследования, проведенного Саратовским губстатбюро, совокупная средняя калорийность питания рабочего г. Саратова в ноябре 1920 г. составила 2464 калории, что было меньше, чем средняя калорийность питания в расчете на одного рабочего за весь 1919 г., исчисленная средней цифрой в 2700 калорий (эта цифра колебалась в диапазоне от 2766 в июне 1919 г. до 3156 калорий в декабре 1919 г.)³³.

Прямым следствием данной ситуации была и более высокая смертность горожан по сравнению с сельским населением. Так, по данным губернской статистики на 1921 год, смертность в уездах определялась цифрой в 29,1 чел. на каждую тысячу жителей, в то время как в городе она достигала цифры 63,9 человека³⁴.

В отчете о политическом положении в Саратовской губернии, подготовленном в 1921 г. для центральных властей, особо отмечается катастрофический характер обнищания городского населения к концу Гражданской войны. В связи с закрытием большинства промышленных предприятий и резким ухудшением продовольственного снабжения в городе многие рабочие вынуждены были просить милостыню, «...так как купить не в силу... но такой кризис хлеба, что мало подают»³⁵. Отмечается и процесс сокращения численности рабочих, связанный прежде всего с оттоком рабочего населения городов в сельскую местность, а также за пределы губернии. К числу факторов, стимулирующих социальную напряженность в городе, относилось и отсутствие в Саратовской губернии налаженной системы бесплатного детского питания, которое вводилось по республике еще с 1918 г., на основании декрета от 14 сентября 1918 года³⁶. В то время как в стране в 1920 г. бесплатным детским питанием пользовалось до 6 млн детей, Саратовский губпродком в своем ответе на

³² Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. М., 1924. С.377-378; Труды ЦСУ. М., 1926. Т.30, вып. 1. С. 36.

³³ Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 119.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ ГАСО, ф. 521, оп. 2, д. 45, л. 23.

³⁶ См.: Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 196-197.

вопросы анкеты для Всероссийского продовольственного совещания констатировал полное отсутствие в губернии в текущем 1920 г. наличия какого-либо продовольственного фонда для организации подобной системы³⁷. Между тем на протяжении Гражданской войны Саратовский губпродком исправно исполнял продовольственные наряды центра, адресуемые фонду детского питания при Наркомпроде. Более того, в этот центральный фонд губпродком направлял и все продукты питания, реквизируемые и конфискуемые заградительными отрядами в пределах Саратовской губернии. Для организации оперативной доставки продовольствия «голодающим детям столиц» существовал особый институт представителей губпродкома при реквизиционных и заградительных отрядах губернии³⁸.

Центральные власти были информированы и о неурожае 1920 г. в Саратовской губернии, и о первых признаках надвигающегося голода, которые обозначились «еще с ожидания нового урожая» осенью 1920 г., о чем крестьяне сообщали властям в своих письмах³⁹. Все попытки саратовских продовольственников добиться аннулирования непосильной разверстки по губернии ни к чему не привели. Так, в марте 1921 г. делегации Саратовского губпродкома в Москве было в ультимативной форме заявлено требование безоговорочного выполнения продовольственных нарядов, а «...о ввозе в Саратовскую губернию какого бы то ни было количества хлеба не может быть и речи», — подчеркнул представитель Наркомпрода⁴⁰.

Недальновидная политика центральной власти прямо способствовала развитию продовольственного кризиса в Саратовской губернии, который все более отчетливо стал приобретать катастрофический характер, позже усиленный еще и засухой 1921 г. Понятно, что подобная ситуация была уже непосильным испытанием для населения губернии, окончательно исчерпав последние резервы человеческого терпения. Саратовская губерния погружалась в состояние острейшего социально-политического кризиса, получившего развитие не только в деревне, но и в городе.

К концу 1920 г. на промышленных предприятиях Саратовской губернии заметно активизируется забастовочное движение, которое в наибольшем размахе получает в Саратове. Рабочие волнения охватывают большинство предприятий города, но наибольшую активность проявляют железнодорожники⁴¹. Главные требования рабочих сво-

³⁷ ГАСО, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 4-40б.

³⁸ Там же. Д.18, л.22.

³⁹ Саратовские известия. 1921. 28 дек.

⁴⁰ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 710, л. 69.

⁴¹ ГАСО, ф. 521, оп. 2., д.45, л.22; оп.1, д. 643, л.4.

дились к весьма прозаическому лозунгу: «Дайте хлеба! Нам нужен хлеб, а не революция!». На ряде предприятий велась открытая агитация против РКП (б), основным рефреном которой стало требование: «Если не можете дать хлеба, уходите от власти!»⁴².

В этих условиях местная власть реагировала не только агитационными мерами, но и активно прибегала к мерам чрезвычайного характера. По распоряжению губисполкома вводился запрет на проведение на промышленных предприятиях города и губернии митингов и собраний; в Саратове устанавливался комендантский час, предусматривавший прекращение передвижений по городу без соответствующих документов с 11 часов вечера. Среди рабочих, принимавших наиболее активное участие в забастовках, митингах и манифестациях, проводятся аресты. Губчека активно практикует систему заложничества. Так, в начале 1921 г. с промышленных предприятий Саратова было взято более 300 заложников⁴³.

Однако эти «драконовские» меры, не сопровождавшиеся кардинальными изменениями в сфере социально-экономической политики, не могли дать ожидаемого результата, а, напротив, еще более накаляли ситуацию, озлобляя рабочих. В условиях наметившегося тотального кризиса большевистской власти в губернии резко активизируют свою деятельность оппозиционные партии, главным образом эсеры и меньшевики, которые развернули «крестовый поход» против большевистского режима, стремясь укрепить свои позиции среди крестьян и рабочих. Во второй половине января 1920 г. в Саратов тайно прибывают видные деятели эсеровской партии – Юдичев, Пхакадзе и другие⁴⁴. С этого времени агитационно-пропагандистская деятельность, которая опиралась на доктрину «демократического социализма» и народовластия, принимает более организованный и систематический характер. Надо заметить, что деятельность оппозиционных социалистических партий в Саратовской губернии обнаруживает тесную связь с их работой и в других регионах республики. Весьма показателен тот факт, что начало открытого выступления меньшевиков и эсеров в Саратове было намечено на 2 марта 1921 г.⁴⁵, что по времени почти совпадает с началом антибольшевистского восстания моряков Кронштадта.

Саратовские меньшевики попытались укрепить былое влияние среди железнодорожных рабочих. По их инициативе в железнодорожных

⁴² ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 718, л. 6, 32.

⁴³ Там же. Оп. 2, д. 45, л. 21, 22.

⁴⁴ Там же. Ф. 521, оп. 1, д. 716, л. 1.

⁴⁵ Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1921. № 8. С 3; 2-й железнодорожный съезд профсоюзов РУжд. Саратов, 1921. С. 13.

мастерских был поставлен вопрос об ответственности большевиков за тяжелое продовольственное положение в стране и в губернии. На обсуждение была представлена «Резолюция московских рабочих», в которой звучал призыв к борьбе с антинародным большевистским режимом⁴⁶. Активно действовали меньшевистские агитаторы и на предприятиях мукомольной, кожевенной, деревообрабатывающей промышленности, в учреждениях водного транспорта⁴⁷.

Деятельность оппозиционных социалистических партий в Саратовской губернии активно поддерживалась их руководством из-за рубежа. В целях придания этой деятельности более решительного характера, а также, несомненно, учитывая глубину социально-политического кризиса в губернии, 1 марта 1921 г. представители руководства социалистических партий в Париже сообщили по радио и в прессе о свержении советской власти в Саратовской губернии и провозглашении самостоятельной антибольшевистской «Саратовской республики»⁴⁸.

Стремясь окончательно перехватить инициативу в борьбе с большевиками за влияние в рабочей среде, социалистическая оппозиция развернула широкую кампанию за расширение рабочего самоуправления. В рамках этой кампании по инициативе меньшевиков весной 1921 г. была создана особая «рабочая контрольно-ревизионная комиссия по расследованию причин тяжелого социального положения губернии»⁴⁹. Однако губком РКП(б) сумел при поддержке пробольшевистских настроенной части профсоюзов губернии нейтрализовать деятельность этой комиссии, в результате чего сработал принцип бумеранга: главными виновниками кризисной ситуации были объявлены оппозиционные партии, которые своей деятельностью способствуют развитию «саботажа и бандитизма»⁵⁰.

В конечном итоге социалистической оппозиции так и не удалось выиграть ожесточенную войну за влияние на рабочих губернии, несмотря на, казалось бы, исключительно благоприятные условия. И дело здесь не только в деятельности губчека. Эта борьба с самого начала обнаружила весьма характерную тенденцию: пока оппозиция призывала к широкой забастовочной борьбе под лозунгами улучшения продовольственного и материального положения рабочих и служащих, она находила достаточно активную поддержку среди значительной части рабочих губернии. Но идея открытой вооруженной

⁴⁶ Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1921.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 666, оп. 4, д. 2, л. 60.

⁴⁸ Саратовские известия. 1921. 20 марта.

⁴⁹ Саратовские известия. 1921. 9 марта.

⁵⁰ Пять лет пролетарской борьбы. С. 90.

борьбы с большевистским режимом особой популярностью не пользовалась. Куда больше сторонников она находила в крестьянской среде. Несомненно, определенная часть рабочих поддерживала идею необходимости устранения большевистской власти, но надеялась главным образом на то, что большевики сами откажутся от ее бремени под давлением масс в форме забастовочного движения.

Весьма характерна в этом отношении ситуация, возникшая в июле 1921 г. в профсоюзах Аткарского уезда, где представители оппозиционных партий при активной поддержке союза советских работников сумели перехватить инициативу у большевиков, призывая рабочих предприятий уезда к широкому забастовочному движению. Но ситуация очень быстро поменяла знак, как только агитация приобрела радикальный характер. Заколебавшиеся рабочие вновь оказались под влиянием немногочисленной фракции коммунистов⁵¹.

Конечно, было бы наивным полагать, что местные власти пустили развитие событий, связанных с обострением межпартийной борьбы, на самотек, полностью доверившись «классовому чутью» рабочего класса. По профсоюзам Саратовской губернии широкой мутной волной разлилась активная кампания «охоты на ведьм». Из профсоюзных организаций выводились все сторонники оппозиционных социалистических партий, активные участники забастовочного движения увольнялись с работы, многие были арестованы и отданы под трибунал. Губернский Совет профсоюзов распространил призыв к рабочим саратовских предприятий выявлять «provokаторов и клеветников» и вести с ними борьбу, вплоть до увольнения с предприятий и передачи судебным органам⁵².

Резко активизировалась и пропагандистская кампания, направленная против партий социалистической оппозиции, в ходе которой меньшевики и эсеры представлялись как «верные друзья белогвардейцев». Но, пожалуй, самой действенной мерой нейтрализации влияния социалистической оппозиции были конкретные меры, направленные на смягчение остроты социальной напряженности в городе, связанной в первую очередь с продовольственным кризисом. Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан в начале марта 1921 г., когда Наркомпрод наконец дал согласие разрешить ввоз в Саратов для членов профсоюзов продовольственных продуктов по три пуда на семью⁵³.

⁵¹ Вперед (Аткарск). 1921. 13–16 марта.

⁵² Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства. С. 101; ГАСО, ф. 666, оп. 4, д. 2, л. 28.

⁵³ Саратовские известия. 1921. 10 марта.

Этими мерами саратовским властям уже к моменту перехода к нэпу удалось отчасти снять остроту социально-политического кризиса в городе, явившегося прямым следствием Гражданской войны и тех военно-коммунистических методов, которые большевистский режим активно эксплуатировал во имя своего выживания, а также усугубленного той особой ролью, которую играла на протяжении Гражданской войны Саратовская губерния. Большевикам удалось отстоять свое влияние в рабочей среде населения губернии перед лицом угрозы со стороны демократической антибольшевистской оппозиции. Однако в отличие от ряда других регионов республики, в первую очередь крупных промышленных центров, социально-политическая напряженность в губернии сохранялась еще продолжительное время в связи с поразившим ее страшным голодом 1921-1922 гг., который заметно затормозил восстановительные процессы.

САРАТОВ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ*

В годы первых советских пятилеток, ставших своеобразным этапом российской модернизации, происходит дальнейшее индустриальное развитие Саратова, растет число его жителей, увеличиваются площади городской территории.

Если к началу форсированной индустриализации население города так и не достигло дореволюционной численности (в 1929 г. было 229 тыс. против 242 тыс. в 1917 г.), то только за первую пятилетку оно выросло на 48% и к началу войны в Саратове уже проживало 372 тыс. человек¹. Правда, архитектурный облик большей части города за это время мало изменился, строительство происходило на окраинах и главным образом в южной части, где вырос новый промышленный район Саратова.

В конце 1931 г. в бывшем поселке Деконский завершилось строительство завода сельскохозяйственных комбайнов, численность работающих которого составила около 8 тыс. человек. Во второй пятилетке в районе станции Князевка появился крекинг-завод имени С. М. Кирова, рассчитанный на выработку 372 тыс. тонн бензина. В 1935 г. началось строительство завода шарикоподшипников (в дальнейшем ГПЗ-3), проектная мощность которого была установлена в 22 млн подшипников в год. Среди других крупных предприятий, введенных в строй в 1930-е гг., надо отметить завод «Трактородеталь», восьмирамный лесокombинат, заводы зуборезных станков, свинцовых и щелочных аккумуляторов. Наряду с новым строительством была реконструирована и часть старых предприятий (заводы металлоизделий «Серп и молот», «Универсаль», метизный имени В. И. Ленина и др.), что совершенно изменило их техническую вооруженность и объем производства. В результате расширения индустриальной базы к 1939 г. в Саратове значилось 352 ценовых промышленных предприятия, где было занято 56 тыс. рабочих². Для сравнения укажем, что по промышленной переписи 1916 г. в губер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ ГАСО, ф. 2052, оп. 13, д. 17а, л. 2. Из 170,3 тыс. самодеятельного населения Саратова 39,8% было занято в промышленности, 10% – на транспорте и в связи, 10,3% – в торговле и общественном питании, 8,6% – в просвещении, науке и искусстве и 5,6% – в здравоохранении.

² ЦДНИСО, ф. 30, оп. 11, д. 12, л. 15. Общее число промышленных рабочих составляло более 67 тыс. человек.

ском центре числилось 171 предприятие, на которых работало 9252 человека. Тогда самым крупным заводом был гвоздильный завод Гантке с числом рабочих примерно 650 человек³.

Ввод новых промышленных мощностей вел к сдвигам в структуре производства. До конца 1920-х гг. основной объем промышленной продукции в Саратове давали отрасли, перерабатывавшие сельскохозяйственное сырье. К середине 1930-х гг. их положение изменилось, хотя и не столь радикально, как это будет иметь место в военные годы. Даже если учесть, что к 1941 г. количество рабочих, занятых в металлообрабатывающем производстве, увеличилось в 5 раз, а выпуск продукции - в 12 раз и было построено до 30 новых предприятий, данная отрасль еще не являлась доминирующей. Доля металлообрабатывающей промышленности составляла 38,3%, а на неметаллообрабатывающие отрасли (такие, как пищевкусовая, деревообрабатывающая, нефтеперерабатывающая и др.) приходилось 43,5%⁴.

В предвоенные годы изменения в промышленности выразились в расширении мощностей крекинг-завода имени С. М. Кирова⁵ и завода зуборезных станков, который стал выпускать уникальные крупногабаритные станки-полуавтоматы типа 526 и 527 - «Глиссон», в перепрофилировании завода комбайнов и строительстве связанных с ним по кооперации заводов - моторостроительного № 336 и электрооборудования № 306. Завершилось накануне войны и строительство саратовских макаронной и кондитерской фабрик, гидролизного завода № 7. Характерной чертой развития промышленности края в конце 1930-начале 1940-х гг. стала переориентация ряда крупных предприятий на выпуск продукции прямого военного назначения. В Саратове накануне войны имелось 9 так называемых померных заводов, подчиненных оборонно-промышленным наркоматам. На некоторых других заводах организовывались специальные цехи под выпуск военной продукции.

Еще 5 августа 1937 г. было принято решение о превращении Саратовского комбайнового завода в авиационный завод № 292. Было заменено оборудование, прибыли новые конструкторские кадры (в основном выпускники Харьковского и Казанского авиационных институтов), переучен весь трудовой коллектив. К концу 1938 г. завод

³ ГАСО, ф. 2650, оп. 2, д. 7, л. 3.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Завод был рассчитан на переработку мазута прямой гонки, т.е. крекирование. Однако в связи с развитием нефтяных площадей «второго Баку» заводу пришлось освоить переработку ишимбаевской нефти и нефти других месторождений восточно-европейских районов СССР. В течение года завод должен был вырабатывать 372 тыс. тонн бензина.

№ 292 изготовил первые 18 самолетов-разведчиков Р-10, а в 1939 г. было выпущено уже 102 таких машины и параллельно освоен скоростной истребитель И-28 конструкции В. П. Яценко. В мае 1940 г. завод получил задание освоить выпуск серийного боевого истребителя Як-1, с чем коллектив предприятия успешно справился за пять месяцев⁶. Этот самолет стал в годы войны основным видом продукции САЗ.

В основном на военные нужды стали работать предприятия электрохимической промышленности. Заводы № 195 и № 236 (щелочных и свинцовых аккумуляторов) производили аккумуляторы для авиации, подводного и надводного флота, а завод № 231 – электробатареи «В-6» для бесследных торпед. В 1940 г. завод № 195, единственное в стране такого рода предприятие, внедрил в производство щелочные аккумуляторы на основе очищенного железа вместо кадмиевых, сырье для которых поступало из-за границы. Это позволило не только освободиться от импортной зависимости, но и увеличить поставки аккумуляторов вооруженным силам.

подавляющая часть средств накануне войны вкладывалась в крупную союзно-республиканскую промышленность. Вместе с тем советское руководство в целях улучшения материального положения населения сочло необходимым разрешить использовать часть средств местного бюджета на увеличение производства товаров народного потребления и продовольствия на предприятиях местной (государственной) и кооперативной промышленности. Причем наибольшее число новых малых деревообделочных, пищевых, швейных, гончарных и других предприятий районного подчинения и артелей промкооперации возникло в последние предвоенные месяцы⁷.

Непрекращающееся строительство новых, реконструкция и расширение старых заводов давали постоянный прирост промышленной продукции. В 1932 г. объем валовой продукции промышленности Саратова составил 131,8 млн руб., – в 1939 г. – уже 534,8 млн рублей⁸. Однако промышленное развитие края имело четко выраженный экстенсивный характер. Как было отмечено партийными органами, в 1940 г. на заводе зуборезных станков мощность оборудования использовалась только на 37%, на метизном заводе имени Ленина – на 39%, на восьмирамном лесокombинате – на 40–45%. Велики были потери от брака. К тому же планы из-за их нереальности, как правило, не выполнялись. Так, промышленность Саратов-

⁶ Землянухин И. Л. Саратовский авиационный завод в годы Великой Отечественной войны // VII краеведческие чтения. Саратов, 1995. С. 15.

⁷ Коммунист (Саратов). 1941. 9 апр.

⁸ ЦДНИСО, ф. 30, оп. 11, д. 12, л. 15.

ской области план 1939 г. выполнила на 98,9%, а план 1940 г. – только на 92%. Из 65 основных промышленных предприятий Саратова с производственной программой в 1940 г. справились только 32⁹. Неурожайные 1938 и 1939 гг. обусловили нехватку сырья и материалов для предприятий легкой и пищевой промышленности, артелей промкооперации.

Не выполнялись планы и капитального строительства. Особенно сложное положение складывалось на объектах строительства шарикоподшипникового завода – одной из важнейших строек страны в то время. Строительство не имело комплексного технического проекта и сметы, плохо снабжалось материалами, слабой была техническая база строительства. В 1940 г. потребовалось специальное решение СНК СССР, чтобы строительству ГПЗ-3 было выделено 2 бетономешалки, 10 самосвалов, 40 бортовых машин¹⁰. Стройтрест № 13, который возводил цеха этого завода, постоянно испытывал острый недостаток квалифицированных кадров. В 1940 г. на стройке стало работать много беженцев из Польши и рабочих из Бессарабии. И хотя первый подшипник на ГПЗ-3 был собран 12 февраля 1941 г., завод к этому времени только начинал комплектоваться оборудованием¹¹. Не лучше обстояло дело к началу войны и на других крупных стройках региона.

Одной из важных причин напряженности в работе промышленности являлась недостаточная топливно-энергетическая база, несмотря на создание в 1930-е гг. крупного энергокомбината, основу которого составляли Саратовская государственная районная электростанция (СарГРЭС) и Саратовская теплоэлектроцентраль (ТЭЦ). Но потребность в электроэнергии в области возросла до 73 тыс. квт, а совокупная мощность всех электрогенераторов не превысила 50 тыс. квт. Горплан в своем обзоре указывал, что «в 1938–1940 гг. разрыв между потребной и располагаемой мощностью электростанций достиг такого положения, что выключение квартир и простой промышленных предприятий стали обычным явлением, особенно зимой»¹². Строительство же третьей очереди ТЭЦ и увеличение мощностей СарГРЭС задерживалось.

Ряд причин крылся в плохой организации производства и текучести рабочей силы. Так, в первом полугодии 1940 г. с промышленных

⁹ Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3. (1938–1980). Саратов, 1982. С. 16–17.

¹⁰ Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 240.

¹¹ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 1848, л. 270, 304; Коммунист (Саратов). 1941. 13 февр.

¹² ГАСО, ф. 2650, оп. 1, д. 180, л. 60–61.

предприятий области уволилось 15,5 тыс. рабочих, т. е. почти каждый пятый рабочий¹³. Мотивами частого перехода работников с места на место являлись разница в степени ответственности, различия в жилищных условиях и уровне заработной платы. Так, если среднемесячная зарплата рабочих и служащих Саратовской области в 1940 г. составляла 311 руб., то у работников местной промышленности она почти на одну треть была ниже, а на крупных предприятиях союзного подчинения колебалась в пределах 450–500 рублей¹⁴.

Кризисные явления были характерны в то время для всей советской промышленности, что было опасно в условиях начавшейся Второй мировой войны. На преодоление затруднений в развитии индустрии страны было нацелено проведение в феврале 1941 г. XVIII Всесоюзной партийной конференции, где намечались меры по усилению внимания партийно-государственных структур к нуждам трудящихся и совершенствованию производства. Но дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса советским руководством виделось, прежде всего, на путях дальнейшего укрепления командно-административной системы. В частности, для контроля за работой промышленных предприятий вводились должности отраслевых секретарей обкомов и горкомов ВКП(б). В Саратовском обкоме появились секретари по авиационной и машиностроительной промышленности, а в горкоме – по нефтеперерабатывающей и машиностроительной промышленности. Под «особый контроль» обкомом ВКП(б) в Саратове были взяты авиационный завод (завод № 292), завод щелочных аккумуляторов (завод № 195), крекинг-завод, «Тактородеталь» и ГПЗ-3.

Ранее, 26 июня и 10 июля 1940 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указы «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». В предвоенные годы на основании этих указов репрессиям, в основном тюремному заключению от 2 до 4 месяцев, подверглись тысячи рабочих и служащих края. Так, во втором полугодии 1940 г. в суды Саратовской области поступило на прогульщиков и самовольно ушедших с предприятий 27 116 дел. Только в Сталинском районе г. Саратова было осуждено 2638 чело-

¹³ ГАСО, ф. 1738, оп. 2, д. 726, л. 3.

¹⁴ Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 26–27.

век, или 8,2% от общего числа рабочих и служащих района¹⁵. Это зачастую приводило к нервной обстановке в трудовых коллективах. Руководители стали сводить счеты с подчиненными, пользуясь этим указом. Распространение получил немотивированный перевод на низшую работу.

Одновременно развернулась кампания по выявлению руководителей, «укрывающих прогульщиков и несвоевременно передающих на них дела в суд». В 1940 г. по такому обвинению в Саратове к одному году исправительно-трудовых работ были приговорены 96 должностных лиц¹⁶. Не случайно многие руководители перестраховывались, направляя в суды дела на рабочих и служащих, по уважительным причинам не выходявших на работу или за пятиминутное опоздание, действуя по принципу «там разберутся и пусть прокурор откажет, а то как бы чего не случилось». Показателен в этом отношении факт: более 12% дел были судами прекращены или по ним вынесены оправдательные приговоры¹⁷. Система антирабочего законодательства дополнялась повышением норм выработки и снижением расценок.

Осложняло работу промышленности, да и жизнь саратовцев в целом, плохое состояние внутригородского транспорта. Автобусное сообщение было еще не развито, первый троллейбусный маршрут намечалось открыть к концу третьей пятилетки, поэтому основная нагрузка по перевозке пассажиров ложилась на трамвай, который действовал в Саратове с 1908 г. В связи с созданием новых крупных заводов на окраинах города (комбайновый, зуборезных станков и шарикоподшипниковые заводы находились в 13–15 км от центра, а крекинг-завод – в 17–18 км) усилились пассажирские потоки и удлинились маршруты. Городской трамвай не справлялся с перевозкой рабочих на предприятия. Постоянным явлением были массовые очереди на остановках в часы пик, переполненные вагоны и массовые опоздания на работу по вине транспорта. Трамвайное хозяйство испытывало острый недостаток вагонов. На 103 км путей ежедневно выходило лишь 137–140 вагонов, т. е. 1,3 на 1 км пути вместо требуемых 2–2,5 вагона. Высокая изношенность вагонов, путей и трамвайного провода приводила к большому числу аварий на линиях. Низкая зарплата трамвайных работников привела к тому, что в первом квартале 1940 г. 30% вагонного парка стояли из-за недостатка

¹⁵ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2364, л. 6; д. 1901, л. 62; д. 2355, л. 20.

¹⁶ Там же. Ф. 594, оп. 1, д. 2355, л. 206.

¹⁷ Там же. Д. 2355, л. 203.

бригад¹⁸. С началом войны положение в городском транспорте еще больше осложнилось.

Отметим, что в предвоенные годы произошли изменения в социальной сфере, несколько улучшились условия жизни людей. Государство в среднем за год расходовало на образование, пенсионное обеспечение, культурные потребности, медицинское обслуживание в два раза больше средств, чем во вторую пятилетку (1933–1937). Число больниц на территории Саратовской области увеличилось со 106 в 1934 г. до 132 в 1940 г. Количество амбулаторий удвоилось, а фельдшерско-акушерских пунктов – утроилось¹⁹. В Саратове насчитывалось 95 медицинских учреждений различных типов. Приведем еще одну цифру, характеризующую действительные сдвиги в этой сфере. Если накануне Первой мировой войны на одного врача в городе приходилось более 1,5 тыс. жителей, то в 1940 г. – 308 человек²⁰.

В 1930-е гг. свыше 200 тыс. рабочих и служащих Саратовской области получили новые квартиры, но жилищное строительство крайне не поспевало за ростом населения. В среднем на одного человека в городах области приходилось 5,8 кв. м, а в Саратове и того меньше – 4,2 кв. м. В 1940 г. объем капитальных работ в Саратове составил 104565 тыс. руб., из них 80,6% приходилось на строительство промышленных объектов и лишь 9,6% – на благоустройство и жилье²¹. План по капитальному строительству в жилищно-коммунальном хозяйстве в 1940 г. был выполнен лишь на 73%. Не отвечало потребностям развития города состояние водопроводной сети и средств связи.

По сравнению с 1937 г. средняя заработная плата рабочих и служащих Саратовской области увеличилась в 1,5 раза и равнялась в 1940 г. 311 руб. в месяц²². Об улучшении благосостояния жителей края свидетельствует повышение удельного веса в общем объеме торговли культтоваров (патефоны, музыкальные инструменты и т.п.), мебели, предметов домашнего обихода, парфюмерии, кондитерских изделий. Вместе с тем рост денежных средств у населения не обеспечивался необходимыми товарными ресурсами, что вызвало перебои в работе даже продовольственной торговой сети, и повлекло повышение государственных розничных цен (почти на 20%).

¹⁸ ГАСО, ф. 2650, оп. 1, д. 180, л. 73-74.

¹⁹ Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 39.

²⁰ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 348; ГАСО, ф. 2650, оп. 2, д. 7, л. 14.

²¹ ГАСО, ф. 2650, оп. 2, д. 7, л. 14.

²² Там же. Ф. 1738, оп. 2, д. 729, л. 7.

Дефицитными продуктами являлись сахар, кондитерские и колбасные изделия, макароны и другие продукты. В конце 1939-начале 1940 г. выстраивались большие очереди у хлебных магазинов, хотя объемы продаж хлебобулочных изделий в это время увеличились. В Саратове в январе 1939 г. их среднедневная реализация составляла 204,8 тонны, но в октябре 1939 г. – уже 242,4 тонны, а в феврале 1940 г. – более 310 тонн²³. Напряженное положение в торговле хлебом было обусловлено резким сокращением государственных фондов в связи с засухами последних лет на другие продовольственные продукты, увеличением закупок печеного хлеба в городах сельскими жителями, в том числе и колхозниками, натуральная оплата труда которых производилась в минимальном размере. В это же время произошел значительный рост цен на продовольственные продукты на колхозных рынках. После урожайного 1940 г. они частично снизились только на растительные продукты, но продолжали расти на мясомолочные продукты. По сравнению с 1938 г. в начале 1941 г. цены на базарах увеличились в 1,5–2 раза²⁴.

Перед войной Саратов имел разветвленную сеть учебных заведений. Одних только общеобразовательных школ в 1940 г. насчитывалось 76, в них обучалось почти 50 тыс. учащихся²⁵. В городе в целом, в отличие от сельской местности, была решена проблема обеспечения поголовной грамотности населения. Эффективной была работа саратовских средних специальных и высших учебных заведений. В 21 техникуме имелось более 5 тыс. учащихся, а в 18 вузах края обучалось около 10,3 тыс. студентов (в 1917 г. немногим более 1,5 тыс.)²⁶. Крупнейшими вузами Саратова являлись университет (1,7 тыс. студентов), медицинский (2,5 тыс. студентов) и автодорожный (2,1 тыс. студентов) институты. Однако с конца 1940 г. получение высшего и среднего образования оказалось менее доступным, поскольку в соответствии с правительственными решениями оно стало платным. Как отмечалось в одном из документов Саратовского обкома ВКП(б) октября 1940 г., в первые дни после объявления об установлении платности «в вузах имели место нездоровые настроения со стороны наиболее неустойчивой части студенчества и отдельные антисоветские выступления со стороны враждебных элементов. На собраниях

²³ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 1976, л. 131.

²⁴ В январе 1939 г. 1 кг говядины на рынках г. Саратова стоил 11 руб., в январе 1940 г. – 13 руб. 25 коп., в январе 1941 г. – 18 руб.; 1 кг свинины соответственно 12 руб., 16 руб. 50 коп., 22 руб. 26 коп.; 1 кг масла животного соответственно 30 руб., 33 руб. 30 коп., 44 руб. 90 коп.; 1 литр молока соответственно 2 руб. 40 коп., 4 руб., 4 руб. 30 коп. (ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2355, л. 66).

²⁵ ГАСО, ф. 2650, оп. 1, д. 178, л. 1-3.

²⁶ Там же. Ф. 2052, оп. 13, д. 4, л. 32; ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 354, л. 91.

и лекциях в некоторых вузах подавались записки провокационного характера... Были случаи демонстративного отказа выступать на семинарах, неявка на занятия, шум на лекциях»²⁷. По вузам Саратова было подано 947 заявлений, главным образом студентов 1 курса, об отчислении в связи с невозможностью продолжать учебу по причине материальных трудностей. Уходили в основном дети колхозников, низкооплачиваемых рабочих и служащих, воспитанники детских домов. Многие студенты стали устраиваться на заводы, стройки, транспортные предприятия, подрабатывать в лабораториях и хозчасти институтов. Руководство и общественные организации вузов помогали им в этом деле. Например, профком, мединститута организовал две артели по разгрузке барж с углем и дровами²⁸.

Одной из целей установления платности обучения в вузах было обеспечение массового привлечения молодежи в военные училища, а также в ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения. В Саратовской области было открыто 24 учебных заведения системы трудовых резервов с общим количеством учащихся в них 8,5 тыс. человек²⁹.

Как видим, в довоенный период в директивно-плановом порядке произошло значительное увеличение базы крупной промышленности Саратова, в том числе предприятий оборонного назначения. Ощутимые трудности создавали недостаточное развитие энергетического хозяйства и неэффективное использование производственных мощностей. К началу Великой Отечественной войны произошли положительные сдвиги в области образования и здравоохранения. Сложнее была ситуация в жилищно-коммунальной и потребительской сфере. Это было отражением характерных для того времени в СССР урбанизационных процессов и свидетельствовало о том, что ускоренное наращивание индустриального потенциала крупных городов, необходимое в условиях надвигающейся войны, сопровождалось структурными диспропорциями, снижением качественных параметров производства в ущерб важнейшим областям социальной жизни.

²⁷ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 1930, л. 11–12.

²⁸ Там же. Л. 29.

²⁹ ГАРФ, ф. А-262, оп.1, д. 792, л. 54.

ПЕРСОНАЛИИ

С. В. Левин

ПОВОЛЖСКИЙ СТАТИСТИК

В истории становления и развития земской статистики Саратовской губернии видное место принадлежит С. А. Харизоменову.

Сергей Андреевич Харизоменов родился 3 сентября 1854 г. в городе Владимире. В 1872 г. он окончил Владимирскую духовную семинарию и поступил на медицинский факультет Московского университета. Здесь Харизоменов познакомился с революционно настроенными студентами и в 1876 г., увлеченный общим революционным порывом радикально настроенной российской молодежи, бросил университет и отправился «в народ»¹. Однако, революционная деятельность не стала для него смыслом жизни. После раскола «Земли и воли» он отходит от народнического движения и начинает заниматься статистикой, в частности, исследует кустарные промыслы Владимирской губернии. В 1884 г. он, вместе с К. А. Вернером, провел свои первые статистические работы в Таврической губернии.

В Саратов Харизоменов приехал весной 1885 г. «Саратов и Поволжье, – вспоминала его жена Е. А. Реброва-Харизоменова, – всегда были магнитом для С. А., который считал этот край своим родным, близким сердцу. Перспектива изучить всю Саратовскую губернию, наладить пошатнувшуюся организацию земского статистического бюро, сойтись с земцами и местным обществом, – все это пленяло его»².

«Саратовский период» – важный этап в жизни С. А. Харизоменова. В Саратовской губернии он провел большую часть своих статистических исследований, разработал и применил на практике новые

¹ Подробнее об участии Харизоменова в народном движении см.: Левин С. В. С. А. Харизоменов в народническом освободительном движении 70-х годов XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 39–53.

² Реброва-Харизоменова Е. А. С. А. Харизоменов // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 267.

методы обработки статистического материала³. Он активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых саратовским земством. Практическая деятельность Харизоменова в Саратовской губернии составляет предмет исследования данной статьи.

Летом 1885 г. сотрудники саратовского статбюро приступили под руководством Харизоменова к описанию Аткарского и Хвалынского уездов⁴ и к 1892 г. завершили обследование всех уездов губернии⁵.

Харизоменов возглавил работы по оценке земельных угодий губернии с целью обложения их земскими налогами. Губернская земская управа поручила произвести оценку земель статистическому управлению. Некоторые земские гласные предложили провести оценку земель по методу известного почвовед-профессора В. В. Докучаева. По этому методу земля первоначально оценивалась как «естественное тело, независимо от отношения к ней человека и условий времени»⁶. Иными словами, сначала специалисты-почвоведы должны произвести химический анализ почвы, исследовать ее физические свойства и только после этого изучить совокупность всех качеств оцениваемой земли с социально-экономической точки зрения. Только совокупность «естественной правоспособности» почвы (т. е. ее химических и физических свойств) и ее ценности и доходности и может дать «наиболее правильные основания для установления размера земельного налога»⁷.

³ Теоретическое обоснование новым методам обработки статистического материала дано Харизоменовым в «Своде статистических сведений по Саратовской губернии» (Саратов, 1888. Ч. 1).

⁴ Работы по изучению экономического состояния уездов губернии были начаты предшественником Харизоменова Л. С. Личковым, составившим описание Петровского, Саратовского, Царицынского и частично Аткарского уездов.

⁵ Результаты статистических работ, проведенных под руководством С. А. Харизоменова, были опубликованы отдельными томами по каждому уезду (см.: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии / Под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1885. Т. 5: Хвалынский уезд. Ч. 1 (1886. Ч. 2); 1885. Т. 6: Аткарский уезд (1888. Ч. 2); Т. 8: Камышинский уезд; 1891. Т. 10: Кузнецкий уезд; 1892. Т. 9: Сердобский уезд; 1892. Т. 7: Вольский уезд; 1893. Т. 11: Балашовский уезд). На основе собранного материала Харизоменов написал несколько краеведческих статей (см.: Харизоменов С. А. Материалы по истории заселения Саратовской губернии // Труды СУАК. 1888. Т. 1, вып. 1–5 (2). С. 264–277; 1889. Т. 2, вып. 1. С. 141–152; Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии // Там же. 1889. Т. 2, вып. 1. С. 409–434).

⁶ Докучаев В. В. О нормальной оценке почв Европейской России // Труды ВЭО. 1887. Т. 3. С. 7. Впервые по методу Докучаева была проведена оценка земель Нижегородской губернии в 1886 г. (см.: Материалы к оценке земель Нижегородской губернии / Под рук. В. В. Докучаева. СПб., 1886. Вып. 1).

⁷ Журнал заседания первого отделения общества 20 ноября 1886 г. // Труды ВЭО. 1887. Т. 2. С. 109.

Для проведения оценочных работ по методу Докучаева были необходимы, прежде всего, компетентные почвоведы, которых у саратовского земства в тот период не было, а также время и деньги. Понимая, как трудно решить эти проблемы, Харизоменов предложил не проводить химический анализ почвы и не исследовать ее физические свойства, а сразу оценить земли по доходу, выраженному в денежной арендной плате, получаемой с земли, и подвергнуть этот доход земскому налогообложению⁸. По сути, Харизоменов предложил «вторую часть» первого докучаевского метода⁹. Эта часть являлась не менее сложной, чем первая. «Вторая часть по широте и сложности охватываемого предмета должна иметь более разностороннюю постановку, чем первая», – признавал Н. М. Сибирцев¹⁰. «Социальные экономические факторы земельной доходности представляют собой группу, во много раз более сложную и разнообразную, нежели факторы естественные», – писал земский статистик Н. Ф. Анненский¹¹.

Харизоменов не отказывался от оценки по методу В. В. Докучаева, он лишь хотел сократить его и тем самым удешевить. Когда же в 1901 г. он возглавил статистическое отделение Тверской губернии и имел в своем распоряжении специалистов-почвоведов и достаточную сумму денег, то вместе с М. Н. Тулайковым произвел оценку земель по методу Докучаева, организовав почвенную лабораторию¹².

Активное участие принял Харизоменов в подготовке и проведении в 1889 году в Саратове земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Ее главная цель состояла в том, чтобы «выяснить современное положение и нужды сельского хозяйства и промышленности нашей губернии, ознакомить как торговый класс, так и потребителей с лучшими произведениями нашей и соседней губерний и дать возможность хозяевам и промышленникам усвоить себе усовершенствованные способы производства»¹³.

⁸ Это предложение Харизоменова вызвало критику со стороны ученика Докучаева кандидата-естественника Н. М. Сибирцева (см.: *Сибирцев Н. М.* По поводу «Трудов Комиссии Саратовского губернского земства» (Саратов, 1888) // *Саратовский дневник*. 1890. № 76, 78, 79).

⁹ Такой же точки зрения на земельные оценочные работы придерживался земский статистик Д. И. Рихтер (см.: *Рихтер Д. И.* Замечания на потаенно-оценочный проект В. В. Докучаева // *Труды ВЭО*. 1898. Т. 1. Кн. 1. С. 58).

¹⁰ Статистическое отделение Московского юридического общества в 1889–1890 гг. // *Юридический вестник*. 1891 г. № 10. С. 274.

¹¹ *Анненский Н. Ф.* Земский кадастр и земская статистика // *Русское богатство*. 1894. № 5. С. 66.

¹² *Веселовский Б. Б.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913). Тверь, 1914. С. 125.

¹³ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 800, л. 2.

С. А. Харизоменов был избран секретарем выставки и включен в состав экспертных комиссий по четырем отделам. Он внес ряд предложений, направленных на улучшение работы выставки, в частности: обратиться в пароходные компании с просьбой о снижении тарифов для участников выставки, ввести бесплатные входные билеты для земских учителей и врачей, утвердить проект медали и печать выставки. Харизоменов предпринял поездки в Кузнецкий, Хвалынский и Вольский уезды с «целью привлечения экспонентов (участников .– С. Л.)»¹⁴. Он вместе с председателем выставочного комитета Л. Л. Голицыным составил проект выставки, особо отметив ее практическое значение. «Выставка, – подчеркивал Харизоменов, – допуская к экспонированию только одни образцовые произведения и усовершенствованные орудия, была бы слишком далека от действительности и не дала бы никакого понятия об истинном положении сельского хозяйства и промышленности губернии»¹⁵. Именно Харизоменову было поручено составить полное описание выставки, вышедшее впоследствии отдельной книгой¹⁶. За «труды по устройству выставки» Сергей Андреевич получил благодарность от губернской земской управы и «особую благодарность» от выставочного комитета¹⁷.

В 1891 г. вследствие неурожая Поволжье постиг голод. Саратовское земство поставило перед статистическим отделением задачу: выяснить причины неурожая, наметить пути ликвидации его последствий и разработать меры, которые предотвратили, хотя бы частично, подобные явления в будущем. Харизоменов откликнулся на это составлением комплексной программы оказания помощи сельскому хозяйству не только Саратовской губернии, но и всего юго-восточного региона¹⁸. Он выделил следующие причины разразившегося сельскохозяйственного кризиса: неблагоприятные климатические условия, характерные для поволжского региона (засухи, рез-

¹⁴ Хроника // Саратовский листок. 1889. № 184.

¹⁵ Обзорение земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 г. в Саратове /Сост. С. А. Харизоменов. Саратов, 1890. С. 5.

¹⁶ Экземпляры книги были разосланы в Саратовскую городскую управу, предводителю дворянства, в Саратовскую ученую архивную комиссию (ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 800, л. 28–29; ф. 407, оп. 2, д. 18, л. 16). Аннотацию на книгу см.: Хроника // Саратовский листок. 1890. № 63.

¹⁷ Обзорение... С. 9. Менее активное участие принял Харизоменов в организации и проведении выставки 1893 г. (см.: Протоколы распорядительного комитета Саратовской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1893 г. // ССЗ. 1895. № 2.

¹⁸ К юго-восточному региону относили: Астраханскую, Воронежскую, Оренбургскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую губернии, область Войска Донского и Уральскую область.

кие перепады температур, ветры-суховеи и т. п.), «хищническая» эксплуатация земель, устаревшие сельскохозяйственные орудия, отсутствие у большинства крестьян и помещиков необходимых агрономических знаний, отсутствие должного внимания со стороны правительства и земства к оросительным системам, насаждению лесопосадок, борьбе с оврагами и другим мероприятиям, могущим оказать помощь сельскому хозяйству.

В своей программе Харизоменов наметил «основные категории мер для поднятия уровня нашего народного хозяйства»¹⁹. Первой мерой он считал переселение «части избыточного населения из густонаселенных местностей или малоплодородных земель на новые плодородные почвы». В качестве второй меры он предложил совершенствование земледельческих систем, применение новой техники, удобрение и орошение полей. «Обращение части избыточных рабочих рук на неземледельческие занятия», т. е. развитие кустарных промыслов – третья мера», которая, по его мнению, в значительной степени способствовала бы улучшению материального положения крестьянской семьи. «Четвертое средство, – подчеркивал он, – заключается в правильной организации хлебной торговли и кредита»²⁰. К сожалению, предложенной им программой саратовское земство не воспользовалось.

Большое внимание Харизоменов уделял распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Он предложил организовать в каждом уезде при земских управах сельскохозяйственные общества, которые оказывали бы помощь как крестьянским хозяйствам, так и помещичьим. Вопрос о сельскохозяйственных обществах давно интересовал Сергея Андреевича. С самого начала своей работы в Саратове он всячески пытался оживить деятельность местного общества, за которым, по выражению агронома Б. И. Медведева, «с давних времен сохранилась дурная слава бездеятельного»²¹. В 1886 г. «Саратовский дневник» поместил на своих страницах критическую статью, направленную против сельскохозяйственного общества, в которой говорилось о том, что «саратовское общество сельского хозяйства до сих пор ничем не пришло на помощь той массе сельских хозяев, как землевладельцев, так и крестьян, которая стонет от ненормальных условий хозяйства, от гроз-

¹⁹ Харизоменов С. А. О сельскохозяйственном кризисе // Труды Саратовского общества сельского хозяйства. 1891–1892. Вып. 3. С. 49.

²⁰ Там же. С. 49–50.

²¹ Медведев Б. И. Об источниках средств сельскохозяйственных обществ // Там же. 1905. Вып. 1. С. 251.

ного, невыносимого гнета современного сельскохозяйственного вопроса»²².

Харизоменов, составляя обзор экономической деятельности саратовского земства, с сожалением констатировал, что саратовское сельскохозяйственное общество практически бездействует, а между тем оно могло бы оказать существенную помощь крестьянским хозяйствам не только в получении необходимых теоретических знаний по агрономии, но и помочь им практически, например: закупить лучшие сорта семян, новую технику, организовать в уездах элеваторы, склады для сельскохозяйственных орудий и амбары для хранения зерна, земледельческие артели²³.

На состоявшемся в Саратове в 1891 г. первом областном съезде сельских хозяев юго-восточной России Харизоменов предложил создать в юго-восточном регионе «сельскохозяйственный синдикат» (товарищество). Он считал, что «сельскохозяйственные синдикаты могут иметь огромное значение в улучшении сбыта сельскохозяйственных продуктов»²⁴, а также оказать действительную помощь в организации уездных складов семян, получении кредита, приобретении техники. «Синдикаты значительно улучшат положение нашего сельского хозяйства», – делал вывод Харизоменов²⁵. Его предложение поддержало большинство участников съезда.

25 февраля 1895 г. на заседании саратовского сельскохозяйственного общества Сергей Андреевич выступил с развернутым докладом об организации синдиката, призвав присутствовавших на собрании членов общества «приступить теперь же к образованию областного товарищества сельских хозяев юго-восточной России»²⁶. В докладе определены цель и структура синдиката, права и обязанности его членов. Целью было: «а) облегчить своим членам сбыт сельскохозяйственной продукции и приобретения семян, живого и мертвого инвентаря и других предметов, необходимых в хозяйстве; б) обеспечивать своих членов надлежащим количеством сельскохозяйствен-

²² Сельский хозяин. Сельскохозяйственные очерки // Саратовский дневник. 1886. № 34. Статистик С. Я. Капустин, обозревая деятельность сельскохозяйственных обществ в России, воздержался от оценки саратовского, сославшись на данную статью, как на «довольно резкую» (см: Капустин С. Я. Сельскохозяйственное обозрение // Труды ВЭО. 1886. Вып. 1. С. 294).

²³ [Харизоменов С. А.] Экономическая деятельность земства. Саратов, 1888. С. 16–19, 21–22.

²⁴ Труды первого областного съезда сельских хозяев юго-восточной России / Под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1894. С. 122.

²⁵ Там же. С. 195.

²⁶ Харизоменов С. А. Об образовании областного сельскохозяйственного товарищества // ССЗ. 1895. № 2. С. 77.

ных служащих и рабочих; в) вести за общий счет сельскохозяйственные предприятия, недоступные силам отдельных лиц; г) оказывать своим членам юридическую защиту в исках и спорах по делам сельского хозяйства»²⁷. Центральное (региональное) общество может иметь местные (уездные, волостные) отделения, численностью не менее десяти человек. Членами товарищества могли стать «лица обоего пола, достигшие гражданского совершеннолетия и занимающиеся сельским хозяйством или имеющие к нему непосредственное отношение»²⁸. Каждый должен был внести пай в размере не менее 25 рублей. Четыре пая давали право одного голоса на общих собраниях, но более четырех голосов никто из членов общества иметь не мог, независимо от количества паев.

Доклад С. А. Харизоменова вызвал оживленное обсуждение. Были высказаны критические замечания, но большинство членов сельскохозяйственного общества «после некоторого обмена мнений признало, что желательно в Саратове основать сельскохозяйственное товарищество»²⁹. Однако организовать его так и не удалось.

Предлагая покрыть юго-восточный регион сетью сельскохозяйственных товариществ, Харизоменов полагал, что они не только окажут крестьянам действенную помощь в получении необходимых сельскохозяйственных знаний, но и помогут ликвидировать общую безграмотность крестьян, ибо «успехов сельского хозяйства в юго-восточном крае можно ожидать, лишь при неперменном условии введения обязательного первоначального образования в земледельческом населении. Общая грамотность, а также низшие сельскохозяйственные школы и курсы составляют необходимые условия для поднятия уровня нашей сельскохозяйственной культуры»³⁰.

Важным средством оказания помощи крестьянским хозяйствам Харизоменов считал кредит. Вопрос о сельскохозяйственном кредите был, по справедливому замечанию В. С. Дякина, «одним из центральных вопросов экономики сельского хозяйства»³¹. В конце XIX в. в России существовал государственный и частный ипотечный кредит. Сельскохозяйственный кредит был развит слабо, а между тем он имел важное значение для сельского хозяйства. По мнению Харизоменова, нужно было развивать как краткосрочный мелкий кредит, так и долгосрочный. Первый необходим для получения

²⁷ Харизоменов С. А. Об образовании областного сельскохозяйственного товарищества // ССЗ. 1895. № 2. С. 78.

²⁸ Там же, с. 79.

²⁹ Общий отдел // Саратовская земская неделя. 1895. № 11. С. 215.

³⁰ Труды... С. 32.

³¹ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства // История СССР. 1991. № 3. С. 70.

оборотных средств, которые должны направляться на покупку «скота, инвентаря, семян, для найма рабочих на уборку хлебов и трав, для постройки необходимых хозяйственных строений», второй – на покупку земли малоземельными и безземельными крестьянами³². Кредит должен выдаваться «под залог инвентаря, скота и продуктов земледелия, скотоводства и проч.»³³. Во время неурожая кредит лучше предоставлять «не в денежной форме, а в натуральной»³⁴.

Важной мерой оказания помощи крестьянским хозяйствам в неурожайные годы Харизоменов считал общественные работы. Они, по его мнению, «представляют наиболее совершенную форму основания помощи голодающему населению»³⁵. В общественных работах Сергей Андреевич особенно выделял орошение и удобрение полей, поскольку именно они составляют в большинстве случаев основу общественных работ. Орошение для юго-восточного региона в целом и для Саратовской губернии, в частности, являлось жизненно важным, так как засуха была здесь частым явлением. Саратовский губернатор А. И. Косич в одном из своих докладов о состоянии сельского хозяйства губернии назвал засуху «главным бичом края»³⁶.

Объединение оросительных работ с работами по удобрению полей даст, полагал Харизоменов, два существенных преимущества – сократит расходы на общественные работы и позволит привлечь на них значительное количество людей. «Это должно стать эффективным средством борьбы с неурожаями и способствовать поднятию сельского хозяйства юго-восточного региона»³⁷.

Несомненно, предложенные Харизоменовым меры помощи сельскому хозяйству в значительной степени способствовали бы улучшению его положения; однако саратовское земство не предприняло никаких шагов для их практического осуществления. Более того, когда из-за неурожая 1891 г. губерния оказалась в тяжелом продовольственном положении, многие земские гласные обрушились с упреками на статистическое бюро, обвинив его в том, что оно не сумело предсказать неурожай и не помогло голодающему населению. «Статистическое бюро, – писал «Саратовский листок», – по самому гучему вопросу, по вопросу о неурожаяе, до сих пор не обмолвилось ни

³² [Харизоменов С. А.] Экономическая деятельность земства. С. 35.

³³ Там же.

³⁴ Харизоменов С. А. О сельскохозяйственном кризисе. С. 50; Труды... С. 230.

³⁵ Протоколы Саратовского общества сельского хозяйства. Заседание 6-го марта 1893 г. // ССЗ. 1893. № 1. С. 250.

³⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 4904, л. 6.

³⁷ Меры, предложенные литературой для предупреждения бедствий неурожая в будущем // ССЗ. 1892. № 1. С. 170.

одним словом, не оказало и не оказывает никакого содействия точному выяснению степени нужды населения»³⁸.

Отвечая на критику, Харизоменов подчеркнул, что статистическое отделение предупреждало о возможном неурожае и пыталось практически осуществить некоторые меры помощи крестьянским хозяйствам³⁹. В 1887 г. в Саратове была организована картографическая выставка, на которой статбюро выставило около 200 картограмм и диаграмм по вопросам сельского хозяйства, в том числе и по урожаю текущего года⁴⁰.

В 1889 г. по инициативе С. А. Харизоменова образована земская продовольственная комиссия, которая должна была заниматься вопросами продовольственного обеспечения населения в случае неурожая. В 1890 году комиссия на своих собраниях рассмотрела ряд мер борьбы с неурожаями. Для нее статистическое бюро составило картограмму урожая 1890 г., на которой был «наглядно представлен урожай не только по крупным районам, но даже по самым маленьким селениям»⁴¹. К сожалению, деятельность комиссии ограничилась лишь заседаниями, земцы не проявляли к ней должного внимания и, воспользовавшись нехваткой денег, ассигнованных на комиссию, перестали участвовать в ее работе.

Земские гласные неоднократно выступали против статистического отделения еще до неурожая 1891 г., который стал лишь очередным предлогом для нападок на статистику. В 1885 г. некоторые земцы упрекали статистиков в том, что их содержание дорого обходится земству⁴². Между тем ассигнования на статистические работы, выделяемые саратовским земствам, были «самыми минимальными в России», – в 1887 г. они составили всего 5000 рублей⁴³. Харизоменов весь 1891 год работал без оплаты своего труда, потому что земство не

³⁸ Земские вопросы // Саратовский листок. 1892. № 1. С. 170.

³⁹ Харизоменов С. А. Ответ на статью «Земские вопросы» // Там же. № 188.

⁴⁰ Выставка была организована по инициативе губернатора А. И. Косича, придававшего ей большое значение (см.: Циркуляры, указания и речи начальника Саратовской губернии генерал-лейтенанта А. И. Косича (1887–1891). Саратов, 1891. С. 53). «Наглядное изображение данных в цифрах картограмм, – писал о выставке Ф. С. Шиманский, – должно было уяснить обществу все значение статистики» (Статистический сборник Саратовской губернии с отчетом губернского статистического комитета за 1889 г. / Сост. Ф. С. Шиманский. Саратов, 1890. С. 56).

⁴¹ Хроника // Саратовский дневник. 1890. № 247; Саратовские газеты: сто лет спустя // Коммунист. 1990. № 247.

⁴² Борьба со статистикой (письмо из Саратова) // Неделя. 1885. № 4. С. 157.

⁴³ ДСГУ. 1887. Ч. 1. С. 167.

профинансировало в полном объеме статистическое отделение⁴⁴. Штат статбюро был также «минимальным» – в 1885 г. он состоял всего из 10 сотрудников⁴⁵. За двадцать лет его численность выросла лишь на 9 человек⁴⁶.

В 1887 г. губернское земское собрание, заслушав годичный доклад губернской земской управы, положительно оценило работу статистического отделения, отметив, что собранные им данные очень ценны и полезны, в том числе для правильного распределения ссуд продовольственного капитала, выделяемого в случае неурожая. «Количественная сторона» статистических работ была признана «совершенно удовлетворительной и достаточной для практических целей»⁴⁷. Несмотря на это, в следующем 1888 г. ревизионная комиссия по продовольственным вопросам, организованная при губернском земстве, предложила закрыть статистическое отделение, мотивируя это нехваткой денег на его финансирование и тем, что в статбюро «за последние годы допущена и проникла целая фаланга не земских интеллигентных работников»⁴⁸. Только благодаря вмешательству губернатора Косича статистическое отделение не закрыли. В 1889 г. некоторые земские гласные вновь пытались поднять вопрос о его закрытии, объясняя это тем, что земство «не в силах создать необходимую земскую статистику и не в состоянии пользоваться ей данными»⁴⁹.

На заседаниях губернской земской управы С. А. Харизоменов изо всех сил отстаивал возможность дальнейшего проведения статистических работ, доказывая их необходимость для изучения экономического развития губернии. «Много он потратил молодых сил, – вспоминала Е. А. Реброва-Харизоменова, – чтобы вырывать каждый год на земских собраниях необходимые мизерные суммы на ведение дела. Чего стоило убедить земцев, – и каждого в отдельности, и всех вместе, – на собраниях в полезности вообще статистики, в серьезности и достоверности тех знаний и истин, которые добываются статистическими исследованиями. Какие абсурды и дикости высказыва-

⁴⁴ Протокол статистической комиссии. Заседание № 1–2 // ССЗ. 1894. № 2. С. 392–393. На 1892 г. земство «на содержание статистического отделения никаких сумм не ассигновало» (Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 6. Аткарский уезд, ч. 2. С. 1).

⁴⁵ ДСГУ. 1885. Ч. 2. С. 196.

⁴⁶ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1427, л. 17.

⁴⁷ ДСГУ. 1887. Ч. 1. С. 156.

⁴⁸ Цит. по: Харизоменов С. А. Ответ на статью «Земские вопросы» // Саратовский листок. 1891. № 188.

⁴⁹ Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1891–1900 / Под ред. Н. Н. Львова. Саратов, 1901. Отд. XII. С. 1.

ли земцы на собраниях, какие обвинения возводили на статистику просвещенные земцы, так это смешно и вспомнить»⁵⁰.

Разногласия с консервативным крылом земских гласных явились главной причиной ухода Харизоменова с должности заведующего статистическим отделением в декабре 1892 г. Однако он продолжал заниматься статистикой – участвовал в заседаниях статистического отделения при Московском юридическом обществе, в работе 9-го съезда русских естествоиспытателей и врачей, состоявшегося в Москве в 1894 г.⁵¹

В 1899 г. Харизоменов руководил работами по оценке недвижимого имущества г. Тулы⁵², а в 1901 г. возглавил земское статбюро Тверской губернии. Здесь под его руководством было осуществлено исследование экономического положения Тверского и Корчевского уездов, проведены работы по оценке городской недвижимости, организована почвенная лаборатория и проведены исследования почв губернии. Весной 1902 г. статистические работы в Тверской губернии приостановили. Это было связано с вспыхнувшими на Украине в начале 1902 г. крестьянскими выступлениями. Министр внутренних дел В. К. Плеве, считая земских статистиков причастными к этим выступлениям, распорядился прекратить статистические работы в двенадцати губерниях, а в остальных – предоставить «применение этой меры на усмотрение начальников губерний»⁵³. «Ревизию» Тверского земства проводил представитель столичной администрации, отъявленный реакционер, гофмейстер Б. В. Штюрмер, – будущий глава правительства⁵⁴. Результатом его «ревизии» явилось не только приостановление статистических работ, но и увольнение около 100 земских служащих, как политически неблагонадежных.

После завершения статистических работ в Тверской губернии Харизоменов вернулся в Саратовскую губернию и поселился в Бала-

⁵⁰ Реброва-Харизоменова Е. А. Указ. соч. С. 267–268.

⁵¹ Велецкий С. Н. О некоторых вопросах, возбужденных в заседаниях статистического отделения Московского юридического общества с 9-го по 18-е февраля 1898 г. // Труды ВЭО. 1898. Т. 1. Кн. 2. С. 199; Дневник 9-го съезда русских естествоиспытателей и врачей / Под ред. Д. Н. Зернова. М., 1894. С. 51.

⁵² Материалы для оценки недвижимых имуществ Тульской губернии. Тверь, 1901. Вып. 1.

⁵³ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1902. Кн. 7. С. 233.

⁵⁴ Б. В. Штюрмер «по назначению от правительства» исполнял обязанности «председателя Тверской губернской земской управы» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 297).

повском уезде, где еще в 1890 г. купил небольшое имение⁵⁵. Здесь он занимался практическим ведением сельского хозяйства⁵⁶.

10 февраля 1917 г. Харизоменов скончался. Его вклад в развитие земской статистики в Нижневолжском регионе, несомненно, значителен. Его статистические исследования высоко оценили такие выдающиеся экономисты и статистики, как В. П. Воронцов, В. И. Григорьев, А. А. Кауфман, В. И. Ленин, А. Ф. Фортунатов⁵⁷. В истории саратовского земства имя Сергея Андреевича Харизоменова должно занимать достойное место.

⁵⁵ Имение Харизоменова находилось в с. Дмитриевское Мещеряковской волости Балашовского уезда (ныне – с. Кистендей Аркадакского района) // Балашовский филиал ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 39–59, л. 242 об.; д. 721, л. 189 об.–190.

⁵⁶ См.: Харизоменов С. А. Влияние осадков и температуры воздуха на урожай хлебов // Сельскохозяйственный вестник юго-востока. 1911. № 3. С. 10–13; № 4. С. 8–9; № 5. С. 11–13; № 6. С. 6–7; *Его же*. Значение устойчивости урожаев для севооборотов на юго-востоке // Там же. № 10. С. 9–12; *Его же*. Ленточная обработка поля при разбросном и рядовом посевах // Там же. № 15. С. 6–8.

⁵⁷ См.: В. В. [Воронцов В. П.] Новый тип местно-статистического издания // Северный вестник. 1885. № 3. С. 192; *Его же*. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 795; Григорьев В. Н. Общий обзор земско-статистических работ // Русская мысль. 1887. Кн. 1. С. 97.; Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства М., 1918. С. 13; *Его же*. Статистическая наука в России: теория и методология (1806–1917). М., 1922. С. 63; Ленинский сборник. М., 1940. Т. 33. С. 350; Фортунатов А. Ф. Земско-статистическая литература в 1891 г. // Юридический вестник. 1892. Т. 11. Кн. 3–4. С. 485–486; *Его же*. Несколько слов о покойных деятелях земской статистики // земский работник. 1918. № 1. С. 15.

ПЕРВЫЙ САНИТАРНЫЙ ВРАЧ РОССИИ

(о саратовском периоде деятельности И. И. Моллесона)

Наряду с именами Н. И. Пирогова, С. П. Боткина, И. П. Павлова, Ф. Ф. Эрисмана в историю российской медицины прочно вошло имя основоположника отечественной санитарии И. И. Моллесона.

Иван Иванович Моллесон родился 22 февраля 1842 г. в Иркутске. После смерти отца семья переехала в Казань, где И. И. Моллесон окончил гимназию, а затем медицинский факультет Казанского университета. По предложению мед

ицинского факультета Ученый совет принял решение оставить молодого врача при университете. Однако в силу ряда обстоятельств научно-преподавательская карьера И. И. Моллесона не сложилась, и он вынужден был поступить на земскую службу в Бутурусланский уезд Самарской губернии. Затем он служил фабричным врачом в пароходном обществе «Кавказ и Меркурий»¹.

В 1871 г., будучи земским участковым врачом в Яранском уезде Вятской губернии, И. И. Моллесон разработал подробную программу деятельности уездного и губернского санитарных врачей, в задачи которых, наряду с профилактическими мероприятиями, входило изучение санитарных условий жизни населения². Создание санитарной организации диктовалось также необходимостью более эффективного ведения борьбы с эпидемиями. В том же году он перешел на службу в Пермское губернское земство, где стал первым санитарным врачом в России³.

За непродолжительный период деятельности в Пермском земстве И. И. Моллесон успел совершить научные командировки в Казань и Санкт-Петербург, написать ряд работ по вопросам заболеваемости и смертности населения в Пермской губернии, по его инициативе была создана санитарная комиссия⁴.

В Саратовской губернии санитарные меры имели особое значение, ввиду широкого использования труда сезонных рабочих и наличия крупных транспортных артерий, что, безусловно, способствовало распространению эпидемических заболеваний⁵.

¹ См.: Кушев Н. Иван Иванович Моллесон. Харьков, 1927. С.3.

² См.: Протоколы Общества врачей г. Казани. Казань, 1870. С.177; Арнольд В. А. Краткий исторический очерк развития общественной санитарии в России // Известия Императорского Николаевского университета. 1913. Т. 4, вып. 3. С. 187.

³ См.: Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. Л., 1964. С. 35.

⁴ См.: Кушев Н. Указ. соч. С. 4-5.

⁵ Там же. С.46-47.

В начале 80-х гг. XIX в. в некоторых уездах Саратовской губернии предпринимались попытки создания санитарных советов и попечительств. Такие органы были созданы в Аткарском, Царицынском, Хвалынском уездах и состояли из священника, волостного старшины и уездных земских гласных. Отсутствие четко определенной компетенции и полномочий не позволяло им оказывать реальное воздействие на состояние земской санитарии в уездах. Наиболее рационально дело было поставлено в Саратовском уезде: в 1887 г. под руководством гласного С. А. Панчулидзева здесь был создан Санитарный совет⁶. Санитарные врачи имелись и в некоторых других уездных земствах. Несмотря на успешный характер их деятельности, они были не в состоянии решить весь спектр возникающих перед ними задач. Требовалось создание единого координирующего органа.

Вопрос о создании Санитарного бюро обсуждался на земских собраниях и съездах врачей. В декабре 1888 г. губернское земское собрание приняло постановление об образовании Санитарного бюро, целью которого являлось «постоянное наблюдение за состоянием здоровья населения, изыскание и выполнение мер к его улучшению и обеспечению населения надлежащей врачебной помощью»⁷. В соответствии с этим в каждом уезде вводился коллегиальный орган – уездный Санитарный совет⁸.

В 1889 г. И. И. Моллесон был приглашен в Саратовское губернское земство на должность заведующего Санитарным бюро. Свою деятельность он начал с изучения состояния больничного дела в уездных земствах, посетив с этой целью 23 больницы⁹.

Следующим этапом его работы стала организация губернских съездов врачей. И. И. Моллесон не был их первым организатором. К 1889 г. в Саратовской губернии прошло четыре губернских съезда земских врачей. Первый съезд был проведен в 1876 г. по инициативе губернской управы во главе с В. А. Федоровским, затем в 1886–1888 гг. соответственно 2-й, 3-й и 4-й съезды¹⁰. Наряду с чисто теоретическими, на съездах ставились вопросы, связанные непосредственно с совершенствованием системы здравоохранения в губернии. Помимо просветительских задач, съезды играли

⁶ ГАСО, ф.5, оп.1, д.926, л.10-10 об.

⁷ См.: Отчет по Кузнецкому уезду за 1881 г. Кузнецк, 1882. Ч. 2. С. 85.

⁸ Там же.

⁹ См.: Пятый губернский съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии в сентябре 1889 г. Саратов, 1889. С. 1–4.

¹⁰ См.: Калинин П. А. Губернские съезды и совещания земских врачей и представителей земских управ Саратовской губернии с 1876 по 1894 годы: Свод постановлений. Саратов, 1903. С.5.

объединительную роль для всех земских врачей Саратовской губернии. При непосредственном участии И. И. Моллесона прошло 2 очередных и 3 экстренных съезда¹¹. Он был не только организатором, но и активным участником съездов, выступая на них с докладами о санитарном состоянии Саратовской губернии и по другим вопросам земско-медицинской организации¹². Важной заслугой И. И. Моллесона явилось придание их деятельности научного и системного характера.

До 1891 г. Саратовское губернское земство на основании данных земских и городских врачей издавало специальный «Эпидемиологический листок». Издание выходило два раза в месяц с особого разрешения губернатора. Публикация научных работ подчинялась жестким цензурным требованиям¹³. С 1891 г. под редакцией И. И. Моллесона стал издаваться специальный бюллетень «Саратовский санитарный обзор». В первом номере «Обзора», определяя его характер и задачи как общественного печатного органа, Иван Иванович отмечал, что «ни о каком гонимом... не может быть и речи, и дело должно покоиться только на одних нравственных интересах, которые лежат в основе и самого издания»¹⁴. В скором времени бюллетень приобрел большую популярность не только в Саратовской губернии, но и за ее пределами. Этот печатный орган сыграл важную роль в развитии земской санитарии в Саратовской губернии. Здесь широко освещалась практическая деятельность медицинских работников, сообщались сведения о санитарном состоянии губернии, печатались научные и библиографические обзоры.

Серьезным испытанием для земских медиков явилась эпидемия холеры 1892 г. Экстренный губернский съезд врачей разработал ряд мер, направленных на организацию борьбы с эпидемией: создание санитарного совета, открытие временных холерных лечебниц, привлечение к участию в противоэпидемических мероприятиях студентов-медиков старших курсов¹⁵. В свою очередь экстренное губернское земское собрание 4 июля 1892 г. приняло постановление об организации санитарно-исполнительной комиссии под предсе-

¹¹ Калинин П. А. Указ. соч. С. 3.

¹² См.: Пятый губернский съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии в сентябре 1889 г. Саратов, 1889. С. 1-66, 294-310; Шестой губернский съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии в сентябре 1890 г. Саратов, 1890. Вып. I. С. 1-57.

¹³ См.: Саратовский санитарный обзор. 1891. № 1-2. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ См.: Экстренный съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии 25 июня 1892 г.: По вопросу о борьбе с холерой. Саратов, 1892. С. 4-10.

дательством председателя губернской управы. Комиссия осуществляла общее руководство противоэпидемическими мероприятиями и контроль за развитием эпидемии в губернии¹⁶. В ее состав вошли врачи и представители местного самоуправления. На И. И. Моллесона было возложено делопроизводство¹⁷. Работая по пятнадцать часов в сутки, он изучал текущую документацию, вел переговоры с многочисленным временным персоналом, занимался распределением лекарств, палаток, белья и т.п. По данным И. И. Моллесона, во время холерной эпидемии 1892 г. в Саратовской губернии из 40 тыс. заболевших умерло около 15 тыс. человек (37,5%)¹⁸. Между тем эпидемия, явившись хорошей школой для медицинского персонала, высветила все имеющиеся недостатки земской санитарной организации в губернии и возможности ее дальнейшего развития.

Заслуги И. И. Моллесона нашли широкое признание местной общественности: он был избран почетным членом Саратовского санитарного и Физико-медицинского обществ. О степени признательности красноречиво свидетельствуют также адреса и поздравительные телеграммы, пришедшие на его имя в 1890 г. в день 25-летнего юбилея врачебной деятельности. «Совершив много труда, пережив немало и испытаний и достигнув редкой популярности в нашей стране, — отмечалось в адресе Саратовского санитарного общества, — Вы остались, как и были всегда, таким же чистым сердцем и любящим человеком, чуждым всякого тщеславия и эгоизма. По многотрудному и порою тернистому пути земского врача Вы шли, высоко держа Ваше знамя, как человек науки, общественный деятель и друг народа...»¹⁹.

В 1896 г. Санитарное бюро было ликвидировано. Причиной тому послужил либеральный характер публикаций в «Санитарном обозре», вскрывавший социальный характер многих эпидемических и хронических болезней. Издание было закрыто вместе с Санитарным бюро. Главными инициаторами ограничения самостоятельности земских санитарных органов выступили земские реакционеры — председатель губернской управы граф А. А. Уваров и губернский гласный Э. А. Исеев.

¹⁶ ГАСО, ф. 5, оп.1, д. 922, л. 5–6.

¹⁷ См.: Отчет о деятельности санитарно-исполнительной комиссии при Саратовской губернской земской управе с 6 июля по 1-е декабря 1892 года. Саратов, 1892. С. 1.

¹⁸ См.: Протоколы заседаний общества Саратовских санитарных врачей за 1890, 1891 и 1892 года. Саратов, 1894. С. 4.

¹⁹ Первый юбилей земского врача (1865–1890). Саратов, Б.г. С. 16.

Вместо «Саратовского санитарного обзора» в «Саратовской земской неделе» открылся раздел «Медико-санитарный обзор», заведовать которым было поручено И. И. Моллесону. Однако он отказался исполнять поручение управы, считая «несоответствующим достоинству врача... обратиться в подручного человека господина председателя (губернской земской управы. – В.Н.)»²⁰, и ограничился лишь сбором сведений о санитарном состоянии губернии, что и послужило формальным поводом для увольнения И. И. Моллесона с земской службы. Протестуя против подобных мер со стороны губернской земской управы и желая привлечь на свою сторону общественное мнение, он опубликовал специальную статью в газете «Врач»²¹. Однако это уже не могло изменить ситуацию.

Как справедливо заметил известный санитарный врач Н. И. Тезяков, вступивший в 1902 г. в должность заведующего восстановленным Саратовским губернским земством отделением народного здравия, «...во многих земствах, в том числе и Саратовском, к бюро предъявлялись слишком нетерпеливые требования, от их деятельности ждали слишком скоро осязательных результатов и так как бюро таким требованиям удовлетворить не могли, то их закрывали, не дав им осуществить намеченных планов»²².

После ухода из Саратовского земства И. И. Моллесон служил в Калужском губернском земстве. В 1911 г. он окончательно оставил земскую службу и переехал в Воронеж, где провел остаток жизни, скончавшись в 1920 г. в возрасте 78-и лет²³.

И. И. Моллесон, являясь пионером земской санитарии, посвятил ей более пятидесяти лет жизни. Свою деятельность он начал в 1865 г., когда даже в европейских государствах не было постоянных санитарных организаций. Обладая колоссальной энергией и неиссякаемым трудолюбием, он умел сочетать в себе талант организатора и врача-практика, привлекая к созданию земских санитарных организаций наиболее компетентных специалистов. Положительный опыт, накопленный И. И. Моллесоном, послужил прочной основой для последующего развития санитарии в России.

²⁰ Врач. 1896. № 33. С. 928.

²¹ См.: Моллесон И. И. К истории земской медицины в Саратовской губернии // Врач. 1896. № 31. С. 881–882; № 33. С. 927–928.

²² Труды восьмого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1904. Т. 2. С. 67.

²³ См.: Кушев Н. Указ. соч. С. 5.

ДОКУМЕНТЫ

В. А. Соломонов

«ОТНОШЕНИЕ П. Г. [ЛЮБОМИРОВА] К УНИВЕРСИТЕТУ БЫЛО ЧРЕЗВЫЧАЙНО БЕРЕЖНЫМ И ЛЮБОВНЫМ» (С. Н. Чернов о саратовском периоде жизни П. Г. Любомирова)*

На протяжении всей дореволюционной истории Саратовского университета, учрежденного в 1909 г. в составе одного медицинского факультета, современники не раз высказывали мысль о том, чтобы он как можно скорее «сделался прежде всего университетом по существу, т.е. обогатился бы всеми факультетами, которые в совокупности составляют университет в полном смысле этого слова»¹. Но добиться им этого в то время, увы, не удалось. Их заветной мечте суждено было сбыться лишь после свержения самодержавия и установления в стране демократического строя. Именно тогда министр народного просвещения А. А. Мануйлов во всеуслышание объявил о принятом Временным правительством окончательном решении – «открыть с 1 июля 1917 года в составе Саратовского университета физико-математический и историко-филологический факультеты»², а чуть позже и четвертый факультет – юридический³.

С открытием новых факультетов профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета пополнился многими видными деятелями отечественной науки и высшего образования, чья жизнь и беззаветное служение Родине были и поныне остаются неиссякаемым источником научной мудрости и духовно-нравственного совершенствования.

Наиболее заметную роль в начавшемся процессе играл историко-филологический факультет, который, по свидетельству М. Е. Сер-

* Публикация подготовлена при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия, проект № НВА 008.

¹ Саратовский вестник. 1909. 8 дек.

² РГИА, ф. 733, оп. 154, д. 518, л. 115.

³ ГАСО, ф. 393, оп. 1, д. 718, л. 34.

геенко, «был в первые годы своего существования превосходным»⁴. Работать на нем изъявили желание ученые из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, в основном талантливая молодежь, но также «и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской работе»⁵. Разные по возрасту, характеру, мировоззрению, все они с завидным энтузиазмом и рвением принялись за строительство основ саратовской гуманитарной науки, намереваясь сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение»⁶. Благодаря этим людям, их самоотверженной и созидательной деятельности, «прекрасные традиции старой русской науки, казалось, прочно утвердились на юном факультете, который чуть не на границе Азии становился достойным приемником старых славных научных центров»⁷.

Из существовавших в то время на историко-филологическом факультете отделений самым сильным по научному составу и более всего привлекавшим студенческую молодежь, по общему признанию современников, являлось отделение русской истории, ядро которого составляли яркие представители Петербургской исторической школы.

В солидном перечне лиц, особенно много потрудившихся во славу отечественной исторической науки и непосредственно гуманитарного факультета Саратовского университета в годы его организационного становления, одним из первых значится имя видного российского ученого, стоявшего у истоков советского декабристоведения и заложившего крепкий фундамент саратовского научного краеведения, профессора Сергея Николаевича Чернова (28. 01. 1887 – 5. 01. 1942).

На сегодня мы имеем множество различных изданий, дающих вполне ясное, хотя и далеко не исчерпывающее, представление как о личной жизни историка, так и о его научно-педагогической и общественной деятельности⁸. Наличие этих работ избавляет автора

⁴ Сергеенко М. Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 295.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ См.: Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии за 25 лет ее существования // XXV-летие СУАК. Саратов, 1911. С. 40; Ученые общества, учреждения, исследовательские организации и относящиеся к ним органы Нижне-Волжской области (г. Саратов) / Под ред. проф. В. В. Челинцева. Саратов, 1924. С. 10–12; Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 95–100; Порох И. В. Ученый-патриот // Ленинский

данной публикации от необходимости подробного освещения указанных сюжетов, оставляя возможность сосредоточить внимание исключительно на саратовском отрезке биографии ученого, преимущественно его университетской работе.

Будучи коренным саратовцем, С. Н. Чернов с радостью воспринял известие об открывшемся на его родине историко-филологическом факультете и сразу же изъявил желание стать его полноправным членом. В сентябре 1917 г. он вернулся с этой целью в родной город и 21 октября направил в Совет историко-филологического факультета Саратовского университета прошение с просьбой о зачислении его приват-доцентом по кафедре русской истории. Отработав после этого год, 27 ноября 1918 г. С. Н. Чернов, согласно декрету Совнаркома, был утвержден в звании профессора, оставаясь таковым вплоть до своего ухода из университета⁹.

Саратовский период научно-исследовательской и педагогической деятельности ученого, длившийся одиннадцать лет (с 27 ноября 1917 по 1 октября 1928 г.), имел чрезвычайно интенсивный и многоплановый характер. В этом наглядно убеждает нас разнообразная тема-

путь (СГУ). 1960. 18 июня; *Его же*. Некоторые вопросы истории общественного движения в России в первой половине XIX в. // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1960. Т. 68. С. 19–27; *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма // Под ред. Б. Е. Сыроечковского и И. В. Пороха. Саратов, 1960: Вместо введения. С. V–XI; *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 54–67, 75–77, 135; *Воронихин А. В.* К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Чернова // История СССР. 1988. № 3. С. 212–214; Сергей Николаевич Чернов // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1989. Вып. 12. С. 5–10; *Дремова С. В.* Научная деятельность С. Н. Чернова в Саратове // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 108–109; *Порох И. В.* Из эпистолярного наследия С. Н. Чернова (письма к Е. Н. Кушевой) // Там же. С. 110–112; *Мионов В. Г., Широкова В. В.* С. Н. Чернов в Саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 319–330; *Андреева Т. В.* Некоторые вопросы истории либерального движения в освещении С. Н. Чернова // Третьи мартовские чтения памяти С. В. Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 88–98; *Максимов Е. К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999. С. 193–196; *Андреева Т. В., Смирнова Т. Г.* 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова (Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомуру от 9–10 ноября 1935 г.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 1. С. 345–369; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 298–301; *Данилов В. Н.* «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920–е годы) // Поволжский край: Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 162–176.

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 297 (С. Н. Валк), оп. 1, д. 249, л. 8, 14.

тика учебных курсов и семинарских занятий, которая С. Н. Черновым была положена в основу работы со студенческой аудиторией. В первом 1917/18 учебном году им был прочитан курс лекций, отражавший, главным образом, его научно-исследовательские интересы дореволюционных лет: «История литовско-русского государства до 1569 г.» и «История Среднего и Нижнего Поволжья до конца XVII в.» В последующие годы С. Н. Чернов читал специальные курсы по исторической географии, методологии источниковедения и истории политических движений 10–20-х гг. XIX в. Являясь одним из первых отечественных исследователей, обратившихся к изучению освободительного движения в России, С. Н. Чернов активно и весьма плодотворно работал как над декабристской тематикой, так и над сбором и систематизацией архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского, и непосредственно участвовал в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени.

Что касается личных качеств ученого и его педагогического мастерства, то о них есть яркое свидетельство в воспоминаниях М. Е. Сергеенко, в эти годы работавшей вместе с С. Н. Черновым в Саратовском университете: «Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал «чувством истории», которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания и очарованием, исходившим от всего его существа. <...> С<ергей> Н<иколаевич> был – явлением на Руси редкое – человеком принципиальным и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие «родина» считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом»¹⁰.

Во многом именно эти отличительные особенности личности С. Н. Чернова – его открытость, независимость в оценке происходящего и преданность нравственным идеалам – и явились поводом к унижительному и в высшей степени оскорбительному отстранению его в 1928 г. от должности профессора и изгнанию из Саратовского университета. Инициатором расправы над ученым стал декан педагогического факультета профессор В. В. Буш, который 16 февраля 1928 г. на заседании университетского правления открыто обвинил

¹⁰ Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 299–300.

С. Н. Чернова в том, что его преподавание «поставлено не на диалектической основе», добавив при этом, что и сам он вряд ли отвечает «условиям требований, предъявляемых к современной Высшей школе, почему устранение из университета проф<ессора> С. Н. Чернова необходимо. И что деканат в ближайшее время намерен этот вопрос поставить еще шире»¹¹. Несогласных с данным вердиктом среди других членов правления, присутствовавших на этом злополучном заседании, увы, не оказалось. И осенью того же года С. Н. Чернов вынужден был расстаться с университетом и уехать из Саратова. Основным его пристанищем в последующие годы стало Детское Село (г. Пушкин), где он и скончался от голода 5 января 1942 года¹².

За свою непродолжительную, но удивительно насыщенную событиями жизнь талантливый исследователь создал много ценных научных трудов, посвященных различным проблемам истории России периода феодализма, истории Саратовского края и Нижнего Поволжья. Особенно значительных результатов он достиг в изучении истории русского освободительного движения от преддекабристской эпохи до начала XX века¹³. Правда, у творческого наследия С. Н. Чернова, как и у него самого, сложилась нелегкая, больше того, трагическая судьба. Помимо научных сочинений, увидевших свет еще при жизни автора, немалое их число продолжало оставаться в виде или уже подготовленных к печати рукописей, или незавершенных набросков будущих эссе и публикаций, которые в период немецко-фашистской оккупации г. Пушкина оказались безвозвратно утеряны. Что случилось с ними, а также с богатейшей библиотекой и личным архивом ученого, неизвестно. Уцелеть в жерновах войны как-то чудом удалось лишь малой толике бесценного сокровища¹⁴.

В Москве в отделе письменных источников Государственного Исторического музея хранятся два варианта неопубликованной статьи С. Н. Чернова, посвященной памяти выдающегося русского историка Павла Григорьевича Любомирова (22.08.1885 – 7.12.1935)¹⁵. Написанная в жанре некролога 3 февраля 1936 г., данная статья содержит глубокий и всесторонний анализ как личностных качеств талантливого

¹¹ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 297 (С. Н. Валк), оп. 1, д. 249, л. 12–12об.

¹² Андреева Т. В., Смичнова Т. Г. Указ. соч. С. 353–354.

¹³ См.: Список научных трудов С. Н. Чернова // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения... С. 408–415.

¹⁴ Там же. С. 414–415.

¹⁵ Чернов С. Н. Памяти историка П. Г. Любомирова // ОПИ ГИМ, ф. 470 (П. Г. Любомиров), д. 232. Фотокопии обоих вариантов статьи С. Н. Чернова имеются также в Архиве СПбФ ИРИ РАН, ф. 297 (С. Н. Валк), оп. 1, д. 249, л. 59–113.

ученого, так и его научно-исследовательской и педагогической деятельности. Ее автор был не просто хорошо знаком с этим человеком, – с ним его связывала многолетняя неразрывная дружба, основанная на единстве их духовно-нравственных ценностей и научно-педагогических воззрений. К тому же оба были уроженцами старинного волжского города, вместе и у одних и тех же профессоров учились в столичном университете, а позже не один год трудились бок о бок на одной университетской кафедре в родном Саратове.

До переезда в Саратов П. Г. Любомиров в течение трех лет (с 1917 по 1920 гг.) состоял профессором русской истории в Томском университете. Возможность перехода на новое место службы, вплоть до окончательного выяснения этого вопроса в высших инстанциях, для самого ученого представлялась делом, хотя и весьма желательным, но в плане практического осуществления абсолютно нереальным. Сохранилось письмо П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 4 февраля 1920 г., в котором, касаясь различных сторон своей жизни и деятельности в Томском университете, он писал: «Весь наш первоначальный состав продолжает благополучно пребывать в Томске. В пополнение мы получили с осени прошлого года прекрасного лингвиста, ученика Розвадовского из Кракова, А. г. Смешкова, и с этой осени специалиста по искусству Б. П. Денике (бывший казанский приват-доцент). Кроме того, весьма много помог нам попавший к нам с осени 1919 г. казанец профессор Михайлович Хвостов; с осени этого года к нам приехали пермяки – 9 человек, и этот год в отношении преподавателей у нас довольно богат. Но мне не везет; я все один представляю здесь русскую историю. Тяжело; тем более, что кроме Университета зимою и летом мне же приходится вести и другую работу: лекции для учителей, выработка программ и прочее. Прямо не представляю себе, что буду делать на будущий год, если еще никто не приедет. Впрочем, если бы представился случай, я уехал бы из Томска. Но это, кажется, беспочвенные мечтанья. У меня лично и еще одно большое «но»: семья моя до сих пор в Саратове, и я в Томске один, даже вестей не имею больше полгода. Живу надеждами»¹⁶.

И все же, при активном содействии С. Н. Чернова и поддержке петроградских историков, «беспочвенные мечтанья» П. Г. Любомирова в том же году обрели вполне явственные очертания. 2 июля 1920 г., взамен переехавшего в Харьков В. И. Веретенникова, он был избран профессором и заведующим кафедрой русской истории Саратовского университета.

¹⁶ ОР РНБ, ф. 585 (С. Ф. Платонов), д. 3440, л. 18 об–19 об.

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ¹⁷, в том числе знаменитую монографию о нижегородском ополчении¹⁸, П. Г. Любомиров очень скоро стал одной из самых крупных и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на факультете. Являясь ученым и педагогом от Бога, он, по свидетельству М. Е. Сергеенко, «душу вкладывал в научную работу, потому что любил ее, как любит хороший мастер свое дело; он был блестящим лектором и превосходным учителем, потому что любил студентов и преподавание. <...> Идя на занятия, он <...> облакался в белую, тщательно выутюженную рубашку <...>, строгий темный галстук и безукоризненный черный сюртук. Как невозможно было священнику совершать службу без соответствующего облачения, так невозможно было и ему, служителю науки, войти в ее святая святых, в университетскую аудиторию, в небрежном и вольном костюме»¹⁹.

В личности П. Г. Любомирова современников в неменьшей степени восхищало еще одно весьма редкое качество – его бережное и любовное отношение к университету, который он всегда ставил очень высоко и с которым непременно связывал многие свои планы и надежды. Вот как, например, отзывался он об университете в письме к С. Ф. Платонову от 27 апреля 1921 г. «Им я удовлетворен. Группа ближайших сотоварищей историков дает многое во взаимном общении. Довольно много слушателей и, главным образом, слушательниц. Среди них есть люди, с которыми очень приятно заниматься». «Настроение студенчества рабочее, хорошее, – писал саратовский историк тому же адресату, но на сей раз 18 октября 1926 г. – Радуют последние поступления, отобранные по конкурсу. Мне приходится иметь дело со II курсом; аудитория внимательная, интересующаяся. Я поднял тон изложения, вернувшись от элементарности последних лет к более серьезному чтению. Рискнул даже объявить, что зачет буду принимать по собственной программе. Не знаю, что выйдет!»²⁰.

Аналогичные иллюстрации можно было бы продолжать и далее, но и приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы по-

¹⁷ См.: Список печатных работ П. Г. Любомирова / Сост. Е. П. Подъяпольская // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 252–255.

¹⁸ См.: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917. Эта работа 10 декабря 1917 г. автором была представлена и успешно защищена в Совете историко-филологического факультета Петроградского университета как магистерская диссертация.

¹⁹ Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 297–298.

²⁰ ОР РНБ, ф. 585 (С. Ф. Платонов), д. 3440, л. 21 об.–22, 37–37об.

нять, как несказанно повезло Саратовскому университету, получившему в лице П. Г. Любомирова крупного научного работника, живо реагирующего на все встававшие перед ним проблемы. И очень жаль, что университетское начальство тех далеких лет так и не сумело понять и оценить этого замечательного приобретения.

Имя П. Г. Любомирова, как и С. Н. Чернова, навечно вписано в анналы отечественной исторической науки. Его исследования по социально-экономической истории России эпохи феодализма, в особенности истории русского народа, промышленности и торговли XVII–XVIII вв., давно сделались классическими образцами живой научной мысли. Тем не менее о жизненном и творческом пути замечательного историка мы до сих пор почти ничего не знаем. Специальной литературы на эту тему, увы, не много²¹. Поэтому любой ранее неизвестный документ, так или иначе характеризующий жизнь и деятельность этой неординарной личности, для науки представляет исключительный интерес.

Публикуемый ниже небольшой фрагмент из ранее упомянутой статьи С. Н. Чернова содержит сведения лишь об одном периоде жизни ученого – его научной и педагогической работе в качестве профессора Саратовского университета, длившейся одиннадцать лет – с 2 июля 1920 по 1 июня 1931 г.²² Данный текст приводится по фотокопии машинописной рукописи статьи, хранящейся в Архиве СПбФ ИРИ РАН в составе личного фонда С. Н. Валка (Ф. 297, оп. 1, д. 249, л. 59–67). Публикация полностью сохраняет стилистические

²¹ См.: Казарин А. П. Г. Любомиров как историк русской промышленности. М., 1948; Погребинский А. Исторические взгляды П. Г. Любомирова // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 82–93; Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 95–98; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 318–319; Кушева Е. Н. Любомиров Павел Григорьевич // СИЭ. М., 1965. Т. 8. С. 839; Любомиров Павел Григорьевич // БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 15. С. 105, стлб. 301; Подъяпольская Е. П. О судьбе одной книги П. Г. Любомирова // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 309–311; Малинин Г. А. Памятники и памятные места Саратовской области. Саратов, 1979. С. 226–227; Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 8–9, 42–46, 48, 54–56, 75–78, 129–130; Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 116–124; Куреньшев А. А. «Разоблачение» профессора П. Г. Любомирова // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7; Его же. Дело академика Платонова в Саратове // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Труды ГИМ. М., 1995. Вып. 87; Его же. Судьба историка (П. Г. Любомиров, 1885–1935) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19; Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 296–301.

²² Архив СГУ, д. 42 (проф. П. Г. Любомиров), л. 11.

особенности авторского изложения, доносящие до читателей дух исторической эпохи с ее нравами и обычаями.

[Детское Село, 3 февраля 1936 г.]

7-го декабря 1935 года в Москве умер после долгой и в ее последней стадии очень мучительной болезни (рак желудка) выдающийся ученый, хорошо известный читателям исторических исследований и журналов, многим сотням учащейся молодежи, молодого учительства и ученого молодняка – профессор Павел Григорьевич Любомиров, несомненно один из крупнейших русских историков нашего времени. <...>

В 1920 г. П<авел> Г<ригорьевич> был избран профессором русской истории в Саратовском университете. Академический центр Н<ародного> к<омиссариата> п<росвещения> разрешил ему переход в Саратов.²³ Здесь он быстро снискал себе уважение товарищей по факультету и завоевал студентов как педагог и ученый²⁴. Главной темой его научно-ис-

²³ В благополучном исходе этого дела большую роль сыграл профессор Саратовского университета С. Н. Чернов, который не только лично ходатайствовал за него в Наркомпросе, но и настойчиво призывал С. Ф. Платонова, С. В. Рождественского, А. Е. Преснякова и А. А. Сеницына, чтобы и они своими авторитетными рекомендациями также поддержали кандидатуру молодого ученого при выборах на саратовскую кафедру. Из письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 11 апреля 1920 г.: «Вчера окончательно оформилось дело с объявлением конкурса на вакантную профессию по русской истории. <...> Конкурс объявляется для специалиста по древней русской истории, преимущественно по киевскому времени. «Киевская» оговорка сделана по настояниям Вас<илия> Ив<ановича> Веретенникова. Я считаю ее безнадежной <...>. Поэтому, думаю, надо искать вообще древнего русского историка. Таков для меня всего прежде Пав<ел> Григ<орьевич> Любомиров, который и сам из Томска спрашивает, не может ли он получить здесь профессию, чего-де ему очень хочется. И хочу Вас просить прислать рекомендацию факультету Павла Григорьевича. Считаю только долгом сообщить Вам, что Вас<илий> Ив<анович> по всем данным не сочувствует его кандидатуре. С такою же просьбою обращусь к А. Е. [Преснякову] и С. В. [Рождественскому]. Итак, С<ергей> Ф<едорович>, поддержите П<авла> Г<ригорьевича> скорейшею (подчеркнуто автором. – В. С.) присылкою рекомендации». Аналогичный призыв к петроградским историкам, из-за длительного отсутствия ответа от них, содержался и в его письме от 9 мая того же года: «Повторно обращаюсь к Вам с этою просьбою, Сергей Федорович, плюс с просьбою не отказать такую же повторную просьбу передать А. Е. [Преснякову] и С. В. [Рождественскому]. Писал я также и А. А. [Сеницыну], также не имею от него ответа и также прошу и ему передать повторную просьбу». А спустя пять дней С. Н. Чернов с восторгом писал своему университетскому учителю: «Спасибо Вам за такую хорошую рекомендацию Павла Григорьевича. Думаю, что его нельзя будет при ее наличии не избрать. То-то будет хорошо, когда он здесь появится!» (ОР РНБ, ф. 585 / С. Ф. Платонов /, д. 4540, л. 16 об., 17 об.–18).

²⁴ В первоначальной редакции эта же мысль автором была сформулирована совершенно иначе. «К сожалению, – замечал С. Н. Чернов, – он приехал в Саратов в момент очень сильного обострения внутрифакультетских отношений.

следовательских работ в этот период была история народного хозяйства, в особенности XVIII в. История России в XVIII в., в частности, история русского хозяйства в XVIII в., ко времени начала работы его в этой области были изучены очень мало.

Таким образом, П<авел> Г<ригорьевич>, приняв на себя труднейшую задачу, окунулся в наименее извещанные воды, вообще мало исследованного русского XVIII в. Его замечательная статья в словаре бр<атьев> Гранат (в сущности – книга) по истории России в XVIII в. является одним из важнейших трудов по общей русской истории со времени выхода курса В. О. Ключевского и четырехтомника М. Н. Покровского²⁵.

Поэтому большинство товарищей по факультетам историко-филологическому и общественных наук встретили его холодно, а иные из них отнеслись к нему враждебно; в результате и многие старые студенты встретили его тоже холодно и недоброжелательно. Лишь постепенно таял лед и исчезала враждебность этой первой встречи давних студентов с новым профессором» (Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 297 / С. Н. Валк /, д. 249, л. 93).

Сопоставляя эту запись с другими имеющимися источниками, можно с уверенностью заключить, что именно она более всего отражала исторические реалии описываемых событий. О внутрифакультетской напряженности сообщалось, например, в письме Н. К. Пиксанова С. Ф. Платонову от 10 октября 1920 г.: «За его (С. Н. Чернова. – В. С.) отсутствие в нашем кляузном факультете, изготовлена новая гадость: историки лишены права посещать его заседания – под предлогом отсутствия якобы «поручения». После этого эпизода я подсчитал в скольких высших учеб<ных> заведениях я преподавал; оказалось – в 9-ти. И вот, нигде я так тяжело не чувствовал себя как в филологич<еском> ф<акультете>те Саратов<ского> Унив<ерсите>та. Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно, в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чем-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как «преподавателем» или приват-доцентом. Постоянно ищу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское и московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове». А вот как ту же ситуацию, но уже в отношении П. Г. Любомирова, оценивал 21 декабря 1920 г. в письме к С. Ф. Платонову сам С. Н. Чернов. «П<авел> Г<ригорьевич>, – подчеркивал он, – обрастает в Саратове и пользуется прекрасным успехом. Его выступлению предшествовала глупая сплетня, которую он мигом разрушил. Сплетня рисовала его бездарностью и компилятором. По саратовским нравам иначе и нельзя. Успех его лекций и семинариев делает его очень крупною фигурой на нашем небо-склоне, а недавно прочитанный доклад о восточной торговле в России по данным о находках восточных монет и постоянное блестящее участие в ученых прениях закрепляет это. Радуюсь и за Саратов, и за него. Зато сколько труда стоило мне провести его и здесь, и осенью в Москве. Свой разговор из-за него с М. Н. Покровским перескажу при первом же свидании: он таков, что его пером не опишешь. Живется П<авлу> Г<ригорьевичу> очень туго» (ОР РНБ, ф. 585 / С. Ф. Платонов /, д. 3816, л. 9 об–10; д. 4540, л. 28–28 об).

²⁵ Имеются в виду статья П. Г. Любомирова «Крепостная Россия XVII-XVIII вв.», опубликованная в Энциклопедическом словаре Русского bibliографического института «Гранат» (М., 1934. Т. 36, ч. 3. Стлб. 471–770), и многотомные

Организаторская работа, которая дала П<авлу> Г<ригорьевичу> возможность достичь таких результатов в изучении важнейшего из специальных курсов русского XVIII в., да и всего XVIII в. в целом, в основном была проделана <...> в Саратове. Ее характерной чертой является объединение П<авлом> Г<ригорьевичем> своей научно-исследовательской и научно-учебной работы. Его преподавание в университете строилось из двух элементов: лекций и семинарских занятий. Из лекций он брал на себя общий курс и давал в нем глубоко продуманную и тонко выполненную конструкцию русск<ого> исторического процесса. Специальный курс он читал, кажется, всего один раз – в первый год своей работы в Саратове – по истории сильного в Саратовском крае старообрядчества и сектантства²⁶; [в] последние годы он читал курс методологии источниковедения, тщательно выдержанный в приуроченном к живым потребностям студента практическом уклоне. Зато огромную долю своего внимания и труда он отдавал практическим занятиям.

Большой мастер этого дела, он ставил для своих семинарских занятий разнообразные темы, брал в качестве источников всевозможный материал, преследуя при этом различные педагогические и научно-исследовательские задачи. Но все семинарии в своем основном содержании всегда преследовали одну и ту же цель: научить участника студента научно-исследовательской работе.

Среди этих разнотемных семинарских занятий («Общественный строй Киевской Руси», «Смутное время», «Монастырское хозяйство XV–XVI вв.») [в] особую группу выделяется ряд семинариев, связанных с темами по истории народного хозяйства России XVI–XIX вв. Таковы семинарии «Экономические районы 1-ой четверти XIX в.» и «Экономическое состояние России по наказам Екатерининской комиссии 1767 г.». В сущности дела все семинарии П. Г. [Любомирова] строились как учебно-исследовательские. В особенности это следует сказать об его семинарии по «Смуте»²⁷, которым он дебютировал и привлек к себе студенческий актив,

труды В. О. Ключевского «Курс русской истории» (Ч. 1–4. М., 1904–1910) и М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен: В 4-х тт.» (М., 1933).

²⁶ Неточность; спецкурс по истории старообрядчества и сектантства в Саратовском университете П. Г. Любомиров читал дважды – в 1920/21 и 1921/22 уч. гг. (см.: Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний // Историографический сборник. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 123).

²⁷ Полностью семинар назывался: «Источники Смутного времени начала XVII в.». Из письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 27 апреля 1921 г., можно извлечь любопытные и исчерпывающие сведения о том, когда и как родилась у ученого идея объявить в Саратовском университете семинар с таким названием и что изначально вкладывалось им в его содержание. Вот что писал он по этому поводу: «Между прочим, мне хотелось бы здесь наладить некоторые работы по Смутному времени с группой, у меня работающей, и хотелось бы с Вами посоветоваться, стоит ли это делать (здесь и далее подчеркнуто автором. – В. С.), нужно ли тратить силы свои и молодых сотрудников. Вот что, думаю мне, в первую очередь можно бы предпринять: справочные пособия – списки воевод за Смуту, состав центральных учреждений, состав Думы Государевой с

достаточно подготовленный к серьезной работе методологическими занятиями у его предшественника, проф<ессора> В. И. Веретенникова.²⁸ Из этого семинария вышел целый этюд Е. Н. Кушевой: «Из истории публицистики Смутного времени» (уч<еные> зап<иски> Саратовского университета, 1926 г.).

В еще большей степени это следует сказать об его замечательном семинарии по Н. С. Лескову, который П. г. [Любомиров] вел при участии и содействии словесников, преподавателей и студентов, и в котором П<авел> Г<ригорьевич> подошел к художественному литературному произведению, как к историческому источнику. В этом очень удачно поставленном и прекрасно произведенном объединенном научном исследовании были тщательно обследованы с некоторых сторон «Соборяне», «Запечатленный ангел» и др<угие> произведения Н. С. Лескова; выяснилось, к какому времени и к какому месту должны быть отнесены описанные в них происшествия и могли ли они в действительности произойти в то время и в том месте, к которому отнес их автор²⁹. Но в наибольшей степени это надо ска-

указаниями отсутствующих, списки тушинцев; кажется мне очень полезным дать и свободный документально проверенный текст Разрядных за Смуту. Далее уже, в виде возможных, рисуются отдельные заметки о памятниках, явлениях и событиях. Если эту программу стоит осуществлять, то можно ли надеяться на печать, напр<имер>, в Летописи занятий Археогр<афической> Ком<иссии> или в каком-нибудь академическом издании, или как-нибудь иначе?» (ОР РНБ, ф. 585 / С. Ф. Платонов /, д. 3440, л. 22–23).

Практическая же работа семинара довольно полно освещена в воспоминаниях Е. Н. Кушевой. С ее слов, в первый учебный год «...выяснялись даты недатированных документов, иногда уточнялись даты в заголовках, составленных издателями; определялись места написания документов, отправители и получатели; анализировалось содержание документа, оценивалась информация о тех или иных событиях, иногда проверялась ее точность». В следующем же году – «большое внимание уделялось текстологическому анализу литературных произведений с привлечением всех их изданий. При наличии ряда списков и редакций выяснялась первоначальная редакция и ее дата, последовательность редакций, анализировались варианты, их направленность. Если автор не был установлен, выяснялась среда, из которой вышло то или иное произведение, его назначение. Доклады, – подчеркивала в заключение Е. Н. Кушева, – вызывали оживленные прения. Павел Григорьевич подводил их итоги, давал оценку проведенной докладчиком работы. Похвалы его были сдержанными, но как они нами ценились!» (Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний... С. 118–119).

²⁸ Веретенников Василий Иванович (1880–1942), историк России, активный участник архивного и музейного строительства; с 1917 по 1920 г. – профессор и заведующий кафедрой русской истории Саратовского университета. Последние 22 года жил и работал в Харькове, занимая пост заведующего государственными архивами Украины.

²⁹ Занятия в семинаре по произведениям Н. С. Лескова, ведущей темой которого являлось крепостное право в России, начались в конце 1920-х гг. Кроме названных литературных сочинений в нем также подробно анализировалась и

зять о семинариях П. г. [Любомирова] по экономической истории России XVIII в. и начала XIX в., которые в существе дела были большим коллективным научным предприятием – с ответственным руководителем во главе, его помощниками и рядовыми участниками работы, разбитыми на отдельные бригады, осуществляющие отведенные им части общей работы. И сам П. г. [Любомиров], проводивший огромную работу по собиранию и изучению архивных материалов в Ленинграде, Москве и Саратове, нередко предоставлял их участникам своего семинария.

Из этих семинариев вышел или с ними связан ряд исследований учеников П. г. [Любомирова]. По мере того, как участники семинария заканчивали университет, для каждого из них, который не был оставлен при университете, но желал продолжить свою научную работу под руководством П. г. [Любомирова], возникал вопрос о том, как организовать это желание недавнему студенту – но ему уже неважное как не студенту, – продолжение увлекательных занятий под руководством отличного руководителя. Выход был найден в образовании при Отделе истории местного, состоящего при университете, краеведческого Общества истории, археологии и этнографии («Истархэт») ³⁰ особого исследовательского кружка, который под руководством П. г. [Любомирова] сложился в живой и сплоченный научный коллектив. В этом кружке был поставлен и решен ряд исследовательских тем по экономике России XVIII и, отчасти, начала XX в. с краеведческим уклоном, преимущественно на основе материалов Саратовских архивов ³¹.

повесть «Тупейный художник» (см.: Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний... С. 122).

³⁰ Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), созданное на базе существовавшей с 12 декабря 1886 г. Саратовской Ученой Архивной Комиссии, действовало с 21 июня 1920 по 29 сентября 1923 г. Первым и единственным председателем его был С. Н. Чернов (см.: Данилов В. Н. «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы) // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 171–174).

³¹ Вспоминая о своем участии в работе научного исторического кружка, организованного П. Г. Любомировым при Саратовском краеведческом обществе, Е. Н. Кушева писала: «Одной из ведущих тем здесь было изучение крепостного хозяйства России XVIII в. – как по печатным, так и по архивным источникам. Павел Григорьевич предложил мне заняться хозяйственным архивом саратовских дворян Шахматовых (предков академика А. А. Шахматова). Этот фонд представлялся Павлу Григорьевичу особенно ценным, так как в нем были собраны документы XVIII–XIX вв., что открывало возможность изучения эволюции хозяйства Шахматовых на протяжении нескольких веков. Павел Григорьевич определил конечной хронологической гранью моей работы реформу 1861 г. Выполнить поставленную задачу полностью мне не удалось в связи с переездом в 1929 г. в Москву. Изучение хозяйства саратовских дворян Шахматовых XVIII в. отражено в моей печатной статье 1929 г. (см.: Изв. Акад. наук. Сер. 7. Отд. гуманитар. наук. 1929. № 7. С. 575–604; № 8. С. 673–693. – В С.). Но собира-

Что касается университета, то П<авел> Г<ригорьевич> принимал очень большое участие во всех сторонах его жизни: был деканом факультета общественных наук и председателем общественно-экономического отделения педагогического факультета³², членом правления по хозяйственно-административным делам, выступал докладчиком на торжественных заседаниях университета (памяти В. И. Ленина, Н. Г. Чернышевского и др)³³.

Отношение П. Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным; ставил он университет очень высоко. Не жалея времени и сил, он охотно, без сожаления и жалоб, отдавал ему свой труд и нервы и вошел во все стороны его жизни и работы. Он умел и других заставить беречь и любить университет, дорожить им и приносить ему в дар свое время и свои силы.³⁴ В работу других по университету он вносил строгую дисциплину поведения и труда, которую всегда сам отличался³⁵.

ние материала по первой половине XIX в. было мною в Саратове начато» (Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний... С. 120–121).

³² Факультет общественных наук (ФОН) был образован в апреле 1919 г на базе ликвидированного юридического факультета и выделенного из состава историко-филологического факультета исторического отделения В 1923 г. ФОН был реорганизован в факультет хозяйства и права. Историческое, а с мая 1921 г. – словесно-историческое отделение находилось в составе ФОНа с 30 апреля 1919 по 1 июля 1922 г., после чего вместе с присоединившимся к университету Институтом народного образования и физико-математическим факультетом вошло во вновь созданный педагогический факультет. Каких-либо документальных подтверждений тому, что П. Г. Любомиров являлся деканом ФОНа, обнаружить не удалось.

³³ Возможно, речь идет о докладах П. Г. Любомирова, имеющих названия: «О Ленине» и «Крестьянский вопрос у Н. Г. Чернышевского», неопубликованные тексты которых в настоящее время хранятся в Москве в личном фонде ученого (ОПИ ГИМ, ф. 470).

³⁴ Этому свойству своего характера П. Г. Любомиров не изменял ни при каких жизненных обстоятельствах, какими бы неожиданными они ни были. Однако в атмосфере тяжелого идеологического удушья, нависшей над Саратовским университетом в конце 1920-х гг., работать с полной отдачей сил питомцам дореволюционной исторической школы становилось все более и более сложно. Характеризуя события того времени, С. Н. Чернов 12 декабря 1927 г. писал С. Ф. Платонову: «...о, если бы Вы знали, как безумно горько в Университете! Там с новой силой назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и сношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстрации... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное хранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки

Он был также действительным членом, состоящих при университете Научно-исследовательских институтов – археологического и краеведческого. В них он выступал как энергичный исследователь и организатор научной работы³⁶.

отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...». Теми же тревожными думами весной 1929 г. с нескрываемым душевным волнением делился со своим учителем и П. Г. Любимов: «Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие настроены легкомысленно-безразлично. Но тяжелы насупленные взоры из-под лобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твою спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в неблагонадежности» (ОР РНБ, ф. 585 / С. Ф. Платонов /, д. 4541, л. 33–35; Д. 3440, л. 38 об.–39 об).

Опасения ученых оказались не напрасны. После обыска, произведенного ОГПУ по Нижне-Волжскому краю у П. Г. Любимова 2 ноября 1930 г., он и находившийся в то время в его квартире С. Н. Чернов были арестованы. Полмесяца они провели в саратовской тюрьме, после чего были освобождены без каких-либо последствий. Но подозрительные взоры в свою сторону они ощущали до конца жизни (см.: *Андреева Т. В., Смирнова Т. Г.* 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова (Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любимову от 9–10 ноября 1935 г.) // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2000. Вып. 1. С. 357; *Максимов Е. К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // *Историк и историография.* Саратов, 1999. С. 196).

³⁵ Об этой грани личности ученого очень хорошо отзывалась в своих воспоминаниях М. Е. Сергеевко: «Павел Григорьевич был человек особенный. <...> П. Г. был человеком долга, и велениям его подчинялся неукоснительно. В этом чувстве долга не было обычной жестковатой сухости, оно было проникнуто глубокой и глубоко затаенной любовью. <...> П. Г. уважал науку, университет и студентов. Это уважение проявлялось во всем: и в крупном и в мелочах. Нельзя было и помыслить о том, чтобы отправить в печать статью, не отделанную со всем тщанием, нельзя было выступить в самом скромном собрании с наспех состряпанным докладом; всегда требовалось указать, что такие-то вопросы он разрешить не смог. Было невозможно опоздать на лекцию или на семинарские занятия и дотошно не подготовиться к теме сегодняшнего дня; нельзя было кое-как отделаться от студента, увязшего в материалах и взывавшего о совете и помощи. <...> П. Г. был человеком строгой жизни и высокой души» (*Сергеевко М. Е.* Указ. соч. С. 296–298).

³⁶ Научно-исследовательский археологический институт при Саратовском университете, организованный по инициативе и непосредственному участию С. Н. Чернова, функционировал с сентября 1922 по 1924 г., после чего был реорганизован в Краеведческий институт по изучению Южно-Волжской области (с 1929 г. – Нижне-Волжский институт краеведения им. М. Горького), а 20 ноября 1939 г. – объединен с областным музеем краеведения.

Что касается научно-общественной деятельности П. Г. Любимова, то она началась многими годами раньше, и к моменту появления его в Саратовском

В 1930 г. П. Г. Любомиров] переехал в Москву³⁷. Здесь, среди огромных хранилищ архивного материала и богатейших библиотек, среди людей и учреждений, отдающих свои силы опытам обновляемой исторической мысли, в городе, где бьется пульс новой мировой жизни, П<авел> Г<ригорьевич> выходит на широкую арену преподавательской и научной работы и заслуженно приобретает себе большую известность. Здесь, на базе прежних достижений, он начинает следующий – увы, последний – круг своих работ. <...>

университете была хорошо известна в разных уголках страны. Будучи еще студентом, он был избран членом двух, действовавших на добровольных началах научных учреждений: Исторического общества при Петербургском университете (1910 г.) и Саратовской ученой архивной комиссии (1911 г.). В 1914 г. он стал действительным членом Нижегородской Архивной Комиссии, а в 1918 г. – членом и председателем (с 1919 г.) Общества истории, археологии и этнографии при Томском университете. В это же время его избрали членом Института исследования Сибири. Осенью 1920 г. на правах полноправного члена П. Г. Любомиров был принят в историческую секцию Историко-философского общества при Саратовском университете, одновременно войдя в состав Правления и став председателем отдела истории Саратовского общества истории, археологии и этнографии (ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 385, л. 71 об).

³⁷ По содержащимся в личном деле ученого данным, в Москву он переехал только летом 1931 г., а до этого времени продолжал оставаться в должности профессора и заведующего кафедрой русской истории Саратовского университета (Архив СГУ / проф. П. Г. Любомиров /, д. 42).

ДОКУМЕНТЫ О РЕКРУТСКИХ НАБОРАХ В САРАТОВЕ
В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Участие саратовцев в событиях двенадцатого года освещено как в обобщающих работах¹, так и в отдельных публикациях. Однако не все вопросы, связанные с жизнью Саратовской губернии в памятную эпоху военного лихолетья, нашли отражение в литературе. В последнее время появились новые работы по данной теме², открываются новые факты, пополняется корпус источников.

В Российском государственном военно-историческом архиве г. Москвы (РГВИА), в фонде Военного министерства мною были просмотрены «Исходящий журнал военного министерства» за октябрь – декабрь 1811 года и переписка, касающаяся проведения рекрутских наборов в 1812 году (РГВИА, ф. 29, оп. 12/207а, св. 30, д. 64, ч. 4, 602 л.). Среди прочих материалов были обнаружены два документа, относящиеся к истории Саратова данного периода. Они представляют собой отношения управляющего Военным министерством генерала А. И. Горчакова саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву. Документы вызывают двоякий интерес: с одной стороны, эти источники вносят дополнительные нюансы в историю двенадцатого года, а с другой – характеризуют быт и нравы провинциального города.

Прежде всего поражает сверхцентрализация в решении даже мелких вопросов, связанных с проведением рекрутских наборов. Министерство брало на учет каждого отдельного рекрута, не доверяя местным властям. Столичные власти контролировали провинциальную юриспруденцию, вникали в работу медицинских комиссий, решали финансовые проблемы. Вместе с тем, как свидетельствует второй документ, правительство в ряде случаев вставало на сторону рядовых воинов, защищая их права от произвола чиновничества. В числе рекрут подчас оказывались зажиточные люди, которые, пытаясь откупиться от воинской обязанности, попадали в руки мошенников. Последним, благодаря неповоротливости бюрократической машины, удалось избежать наказания.

¹ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912; Софинов П., Жибарев., Эпштейн В. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1942.

² Тотфалушин В. П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 года // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996; Его же. Новое об участии Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2.

Ниже приводится текст подлинных архивных документов. Орфография и пунктуация сохраняются.

1

Отношение Саратовскому гражданскому губернатору от 23 октября 1811 г.

Из принятых по минувшему 86-му набору в Саратовской губернии воинским приемщиком Костыговым рекрут, четыре человека оставлены на сборном месте в городе Саратове, как то: Антон Михайлов Панков под следствием в подложном имени, Макар Егоров, Евсей Степанов Евсеев, и Игнатий Иванов Морозов на испытании врачебной управы в годности к службе.

Немногие сведения, что с сими рекрутами последовало, покорнейше прошу вашего превосходительства приказать меня уведомить: 1-е) какое последовало решение об рекруте Панкове; 2-е) каковыми по испытании найдены прочие три рекрута, годными ли к службе или неспособностью перемены другими и кем именно и (3) куда отправлены все оные четыре человека или поступившие на перемену их другие, когда и с кем именно, или же из них кто-либо по случаю побега, смерти и другой какой причине и когда убыл.

Л. 128 об.-129.

2

Отношение Саратовскому гражданскому губернатору от 30 октября 1812 г.

Командир Ивановского рекрутского депо майор Швецов рапортовал мне, что приведший из города Саратова рекрутскую партию бывший тамошней инвалидной роты штабс-капитан Ушаков донес ему о объявленной на месте рекрутом Ефимом Яковлевым претензии на жительствующего в Саратове губернского секретаря Безсонова, который за проданную ему ратническую квитанцию получа чрез родственника сего рекрута экономического крестьянина Алексея Набиркина собственных его Яковлева денег 1150 рублей, под разными видами от выдачи проданной квитанции уклонялся и взятых за оную денег обратно ему не отдал; причем представил данной от вашего превосходительства партионному офицеру по сему предмету ордер от 16 июля за № 3273-м, из содержания коего видно, что хотя о неперменном взыскании с означенного Безсонова взятых им денег и было предписано саратовской градской полиции, но она по отзыву его, что не имеет денег и обязывается внести таковые непременно к 25-му числу того ж июня³ месяца в позицию, вместо того, чтобы в то же время обязать должника надежным поручительством, чтобы он до уплаты денег никуда не отлучался, упустила порядок сей чрез то дала случай ему, Безсонову отлучиться из города, не отдав просителю рекруту Яковлеву ни родственнику его крестьянину Набиркину помянутых денег.

Таковое обстоятельство по представляю вашему превосходительству на рассмотрение, покорнейше прошу приказать взыскать те деньги с губернского секретаря Безсонова, а в случае неотыскания его, с виновных в выпуске его из города, и доставить оные к командиру Депо на удовлетворение рекрута Яковлева, почтив меня о последующем уведомлении.

Л. 207 об.-208 об.

³ Следует читать: «июля».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МАСОНСТВА В САРАТОВСКОМ КРАЕ*

Масонство и масоны в Саратовском Поволжье длительное время практически не привлекали внимания исследователей. Только в последние годы появились первые научные публикации о саратовской ложе И. А. Фесслера, многие саратовские масоны представлены в фундаментальном энциклопедическом издании А. И. Серкова, независимые вузовские исследователи стали извлекать материалы о масонстве и масонах из музейных и архивных собраний г. Саратова¹. Целью данной статьи является публикация новых материалов о саратовском масонстве и масонах, жизнь и деятельность которых была связана с г. Саратовом и Саратовским Поволжьем.

У отечественных исследователей существует множество определений масонства как общественного явления². Основная суть неза-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ См.: Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века. Саратов, 1991. С. 137; Лушин А. Н. Масонская символика на печатях и знаках в Поволжье в XIX–XX веках (по материалам частных собраний) // Нижегородский альманах. Н. Новгород, 1995. Вып. 1. С. 91–94; Гладышев А. В. «Записка» И. В. Лопухина в государственном архиве Саратовской области // Отечественные архивы. 1966. №6. С. 32–35; Серков А. И. История русского масонства XIX века // Русское масонство: Материалы и исследования. СПб., 2000. Вып. 4; Его же. Русское масонство 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001; Малов Н. М. Немецкий контекст Российского масонства // Доклад на научной конференции «Русская литература и общественная мысль XIX столетия. Немецкий контекст». Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. Саратов, 14 мая 2001 г.; Его же. Масонство и масоны в Саратовском Поволжье // Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002.

² Гессен Ю., Лучинский Г. Франк-масонство // Энциклопедический словарь Брокгауз, Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXVI а. С. 502–514; Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907. (М., 1999. Предисловие Д. Д. Лотаревой); Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914–1915. Т. I–II. (Репринт. 2-е изд. М., 1991); Пытин А. Русское масонство. XVIII – первая четверть XIX в. / Ред. и прим. Г. В. Вернадского. Пг., 1916 (М., 1997. / Ред. и прим. Г. В. Вернадского, С. С. Москаленко); Лотман Ю. М. Масонство / СИЭ. М., 1966. Т. 9. С. 167–169; Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974; Тайные ордена: Масоны // Тайный архив / Сост. А. Н. Гопаченко. Ростов н/Д, 1997; Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд. / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999; Элбакян Е. С. Масоны, их деятель-

висимой научной дефиниции, на наш взгляд, заключается в следующем: масонство – это религиозно-философское течение части мужской элиты, организационно оформленное в виде «Всемирного Братства Вольных Каменщиков», с особыми посвятельными обрядами, актами, уставами и понятиями, мистическими идеями, символами и знаками, использующее в информационной деятельности универсальные морально-этические аллегории и трансцендентные (сверчувственные) термины тотального (всеобщего) характера.

Некоторые современные масоны самоопределяют свое учение как ответвление эзотеризма, школу этического тренинга, первую унифицированную мировую религию, предшествующую дате творения, указанной в Библии³. Масонская религиозная (ненаучная) вера базируется на двух догматах: 1) Великий Архитектор Вселенной существует, выражая себя и утверждая миры на числе и слове; 2) человек – сын Вдовы-Света – Великого Строителя Вселенной, бессмертен, но пока блуждает в темноте⁴.

Истоки масонства как мужского объединения со своим религиозным миропониманием связаны с древнейшим половозрастным разделением труда, с мужскими обрядами инициации (лат. *initiare* – начинать, посвящать), с мужскими домами и тайными мужскими союзами языческих, первобытных дополитических и предклассовых обществ, где инициация юношей издревле была сосредоточением наиболее «важных» мистических и религиозно-мифологических верований, культов, обычаев и обрядов. Активные и замкнутые патриархальные объединения мужской элиты достаточно рано монополизировали целый ряд высоко значимой, престижной деятельности и информации для укрепления своей силы и власти.

В эпоху разложения первобытно-престижных обществ из мужских посвятельных обрядов, обрядов инициации и мужских домов развиваются тайные мужские союзы, одна из форм религии и примитивной государственной власти⁵. Мужские союзы практиковали мистическую систему верований и обрядов, подавлявших сознание и поражающих воображение. Они жестко контролировали семиотическое (смысловое) информационное пространство, связанное с

ность в современной России // Религия народов современной России: Словарь. М., 1999. С. 213–217; Брачев В. С. Русское масонство XVIII–XX вв. СПб., 2000; Соловьев О. Ф. Масонство: Словарь-справочник. М., 2001.

³ См.: Фостер Б. Дух масонства. М., 1999. С. 19–20, 32–33, 36–37, 48–49, 51, 75, 166–169.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 206–228, 307–319, 536–537; Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Пер. с фр. Г. А. Гельфанд. Науч. ред. А. Б. Никитин. М.; СПб., 1999.

мистическим обладанием центральными морально-этическими культами и престижными ценностями общества. Современные мужские масонские ложи также объединяют часть мужской элиты, используют мистические обряды посвящения, ритуалы, знаки, символ веры, центральные и универсальные морально-этические (престижные) понятия всеобщего и сверхчувственного характера. Несмотря на существенную связь между масонской инициацией и инициационными обрядами древности, их не следует отождествлять⁶.

В конце XVIII – первой четверти XIX вв. масонство стало ведущей формой светской идеологии российской аристократии, вельмож и дворянско-чиновничьей среды. В это же время оно наиболее ярко проявилось в местной региональной истории. По своему происхождению, корреспондентским связям, языку коммуникации, руководящим актам, системам (английская, немецкая, шведская, французская и т. п.) и этноконфессиональному составу братство вольных каменщиков никогда не было в России исключительно русским явлением, и его не следует обозначать термином «русское масонство». Как верно отметил г. В. Вернадский, долгое время масонство в России имело значение преимущественно для иностранцев, живших здесь⁷. Среди масонов русских было чуть более половины, остальные – иностранцы, главным образом немцы лютеранского вероисповедания⁸.

В середине XVIII – начале XIX вв. на деятельность отечественного масонства очень существенное влияние стали оказывать «материнские» ложи Германии и немцы России⁹. Названия многих российских лож дублировалось на немецком языке. Немецкий использовался отечественными масонами чаще всего для ведения документации, протоколов, записи речей, изложения стихов и исполнения песен. На нем же вышло несколько изданий российских масонов. Немецкий контекст российского масонства первой половины XIX в. прослеживается и в саратовской ложе И. А. Фесслера, которую посещали видные представители немецкой диаспоры Саратова.

В этой связи следует напомнить, что граф А. И. Мусин-Пушкин-Брюс (1744–1817), приверженец тамплиерской системы Строгого наблюдения, в которую вступил (1765–1766) в Гамбурге под именем Eg. ab Elephante, намеревался основать среди прибывших в Саратов

⁶ Соловьев О. Ф. Масонство... С. 10–11.

⁷ Вернадский Г. В. Указ соч. С. 31–32, 43.

⁸ Брачев В. С. Указ. соч. С. 223–224.

⁹ См.: Пытин А. Русское масонство. С. 85, 97, 110–114, 119, 203, 248–259; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 33, 43, 344. Прим. 58.

немецких поселенцев масоно-тамплиерскую колонию¹⁰. Для осуществления этого плана имелись основания, поскольку Мусин-Пушкин был российским дипломатическим представителем в Германии и имел самое непосредственное отношение к организации вербовки колонистов.

К тому же в среде немецких колонистов были представлены реформаторские религиозные убеждения, близкие к масонским¹¹. Это – лютеранство, протестантский баптизм, гернгутское братство в Сарепте и т.п. Колонисты были «свободными» людьми, и их могли принимать в братство вольных каменщиков. Тем более что истоки оперативного масонства связаны с монастырскими союзами каменотесов средневековой Германии. Достоверных и бесспорных данных о существовании масоно-тамплиерской колонии среди прибывших в Саратов в конце XVIII в. колонистов пока не опубликовано. Хотя первые достоверные материалы о масонской ложе в г. Саратове имеют прямое отношение к саратовской Конторе опекунов иностранных поселенцев и Саратовской консистории евангелическо-лютеранского вероисповедания. Открытие и деятельность этой ложи стали возможными благодаря И. А. Фесслеру.

Видный деятель российского масонства Игнац (Игнатий) Аврелий Феслер (Фесслер) (1756–1839) – доктор богословия, историк, писатель, лютеранский священник, родился в Венгрии, в небогатой немецкой семье¹². С детства он отличался религиозной экзальтацией, в школе приобрел классическую и церковную начитанность. Семнадцатилетним юношей Игнатий вступил в монастырь Ордена капуцинов, из которого уволен по повелению императора Иосифа II, которому он направил письмо о монастырских тюрьмах. Разочаровавшись в католицизме, Фесслер стал масоном (1783. Лемберг – Львов) и перешел в лютеранство (1791)¹³.

Увлечшись реформированием масонства в Пруссии, он не смог реализовать свои реформаторские планы, поскольку его исключили из ложи: за споры, рекомендацию «новокрещеному жиду», незаслуженную передачу самых высоких градусов, пропаганду мнимой

¹⁰ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение... С. 151; Пытин А. Русское масонство. С. 101.

¹¹ Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона... С. 137.

¹² Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов / Под науч. ред. И. Р. Плева. М., 1997. С. 294–351, 418, 459; Графиня Толь С. Д. Ночные братья. (Пути русского имперского сознания) / Сост., вступ. статья, коммент. М. Б. Смолина. М., 2000. С. 173 – 174;

¹³ См.: Графиня С. Д. Толь. Указ. соч. С.173; Серков А. И Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 832.

древней английской системы и т. п.¹⁴ Фесслеру отказали вновь присоединиться к западным братьям, «...догадываясь, что он не был никогда истинным образом принят. По крайней мере известно то, что при первом своем посещении ложи в Силезии не мог в том представить законные доказательства, и был допущен по поручительству одного из первых братьев ложи той»¹⁵. В основу либеральной фесслеровской реформы российского масонства была положена шредеровская (Ф. У. Л. Шредер) система, уже введенная в Гамбурге.

Консервативно настроенные российские немцы-розенкрейцеры также не приняли Фесслера, обвинив его в полном безверии. Их не устраивало то, что система, распространяемая Фесслером в России, отвергала высшие степени, предпочитала первые три иоанновские (символические) степени – упрощенного древнеанглийского ритуала и доступность «степени познания» для избранных.

М. М. Сперанский пригласил (1809) Фесслера профессором восточных языков и философии для преподавания в Александровской лавре С.-Петербургской Духовной академии. Переехав в столицу, Фесслер стал мастером стула ложи Полярная звезда. В свою очередь, М. М. Сперанского, назначенного в особо учрежденный правительственный комитет по рассмотрению масонских дел, вероятно, посвятили в домашней ложе и под председательством Фесслера.

Фесслер участвовал, вместе с Розенкапфом, в составлении (1810) записки о ложах Петербурга, на основе которой императору был представлен план реорганизации масонства в России, что было воспринято братьями старой масонской школы как донос¹⁶. Поэтому большинство отечественных исследователей небезосновательно полагают, что, опасаясь предполагаемых реформаторских нововведений, группировки масонов консерваторов и ортодоксальное христианское духовенство предприняли массированную кампанию по дискредитации Фесслера и его единомышленников.

Это происходило на фоне общей тенденции настороженного отношения к российским немцам, в связи с «победоносным» продвижением Наполеона по территории Пруссии и участием «пруссиков» в военных действиях на стороне Франции. Известно, что среди пленных наполеоновской армии, привезенных в Саратов, были и немцы. Эти события и просьба пленных «пруссиков» отделить их от французов нашли отражение в воспоминаниях К. г. Скопина о 1812

¹⁴ Пытин А. Указ. соч. С. 342–344.

¹⁵ Там же. С. 344.

¹⁶ См.: Пытин А. Указ. соч. С. 333–336, 339–342; Серков А. И. История русского масонства... С. 70–72.

годе: «Месяц октябрь. 28-го. Привезли еще в Саратов пленных из Могилева штаб- и обер-офицеров до 60 человек... Странно, что ныне все гнушаются французов. Часть из сих офицеров были баварцы и ганноверцы. Обоим сии просили отделить их от французов: «ибо де они – каналы». – Согласились их всех оставить в Саратове, а французов выслать...»¹⁷.

Фесслера обвинили в распространении безверия среди студентов Духовной академии и отправили в марте 1811 г. Вольск (Малыковку) Саратовской губернии. Короткое время он преподавал в частном пансионе «Пропилей», имея содержание в 1500 руб., «при готовой квартире, получая сверх того жалованье из Комиссии по составлению законов»¹⁸.

В провинциальный Вольск Фесслер попал не случайно. Непосредственную поддержку ему оказал другой вольный каменщик: коллежской советник и поэт Константин Константинович Злобин, которому принадлежал пансион «Пропилей».¹⁹ Константин, сын известного откупщика купца-миллионера Василия Алексеевича и старообрядки П. М. Волковойтовой, получил первоначальное, не светское образование в школе Евангелического общества Моравских братьев – гернгутеров колонии Сарепта. Затем, благодаря связям отца, он получил потомственное дворянство и поступил (1789) на службу в канцелярию петербургского военного губернатора, служил при Г. Р. Державине и Н. А. Львове. В 1809 г. он сделал крупное благотворительное пожертвование на приют для престарелых бурлаков, за что был удостоен ордена святого Владимира IV степени. В 1812–1814 гг. К. Злобин – член-сотрудник четвертого разряда Беседы российского слова. Владел 2 500 крепостных.

Контактам К.К. Злобина, И. А. Фесслера и М. М. Сперанского способствовали связи другого характера. Все они являлись братьями одной ложки Полярная звезда. Кроме того, М. М. Сперанскому еще в 1799 г. пожаловали 2000 десятин земли в Саратовской губернии, которые он получил только в 1819 г. и сравнительно недалеко от Вольска. Ему отвели 350 десятин пашни и 768 десятин леса, отрезанных от помещичьих с. Знаменское и д. Селитьба Хвалынского уезда.²⁰ К тому же Константин заключил первый брак (1802) с Марианной

¹⁷ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 9–11.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ К. В. Злобин // Русский биографический словарь. М., 1916. Том «Жабокритский – Заяловский».

²⁰ Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911. С. 8–10.

Стивенс – свояченицей, сестрой покойной жены М. М. Сперанского. Этот брак не сложился – через полгода супруги разъехались. В 1802 г. К. Злобин часто бывал в Вольске. Переехав сюда окончательно, он женился вторично (1805) «увозом» на дочери кузнецкого городничего – Вере Алексеевне Трифоновой. Церковный брак с ней был оформлен только в 1810 г., после официального развода с первой женой.

Пребывание Фесслера в Вольске не обошлось без доноса анекдотичного характера. Известно, что еще перед Отечественной войной 1812 г. молва приписывала наводнения, вихри и пожары в российских городах и лесах наполеоновским шпионам²¹. Тогда подозревали в шпионстве многих «иностранцев». Н. П. Котлубинский сообщил графу Ф. Ростопчину в июле 1812 г.: «Узнав от приятеля моего г. гвардии прапорщика Николая Петровича Ермолова, проживающего в Саратовской губернии в г. Вольск, что в оном городе проживает профессор г. Фесслер, выписанный из Санкт-Петербурга туда г. Злобиным, для усовершенствования им заведенного пансиона, думать надобно, что по рекомендации его свояка, бывшего государственного секретаря г. Сперанского (sic.), который там, вместо обучения пенсионеров (sic) и присмотру за учителями, ничем более не занимается, как в течение двух лет слишком, осматриванием местоположений и, сидя запершись в своем кабинете, будто разными сочинениями. А так как наше любезное отечество к нещастью довольно наполнено разным сбродом иностранцев и большей частью из французов, которые почти все из числа шпионов, то думать надобно, что и г. профессор Фесслер должен быть из числа оных; ибо бывший в его доме прошлого года пожар доказал сие тем, что он во время оногo, запершись в своем кабинете, решился не выходить из оногo, хотя и весь дом его сгорел»²².

Вряд ли донос сыграл существенную роль в том, что вскоре Фесслер покинул Вольск. Более важной причиной могло послужить то, что семейные финансовые дела Злобиных резко пошли на спад. Кроме того, состояние здоровья тяжело болевшего К. Злобина ухудшилось, «Пропилей» закрыли. Фесслер переехал (25 февраля 1813 г.) в Саратов, где первоначально провел 2,5 года. Оставшись без поддержки Злобиных, он жил частными уроками, воспитывал сына и заканчивал свой фундаментальный научный труд по истории Венгрии. Петербургские вольные каменщики помогли Фесслеру и «выхлопотали ему небольшое жалованье корреспондирующего члена комиссии по составлению законов».

²¹ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии... С. 8.

²² Там же, с. 66.

В Саратове Фесслер организовал масонскую ложу, первое заседание которой состоялось в 1815 г., в день (13 января) Иоанна Крестителя, в саду около немецкой евангелическо-лютеранской церкви, но только с октября 1819 г. стали проходить регулярные собрания и начался вестись журнал заседаний²³. Проведение масонских собраний в саду было Фесслеру хорошо знакомо по ложе Полярная звезда (С.-Петербург). Начало собраниям саратовской ложи состоялось в день первого христианского пророка, что связано с тем, что Предтеча, а также апостолы Иоанн Евангелист (Богослов) и Андрей Первозванный (ученик Иоанна Крестителя) особо почитаются вольными каменщиками²⁴.

Нерегулярность собраний и позднее начало ведения журнала ложи объясняется тем, что Фесслер отсутствовал с 1815 г. и до конца 1819 г. в Саратове. Дело в том, что в 1815 г. он переехал в Сарепту, в 1816 лишился жалованья и вновь остался без средств к существованию²⁵. Поэтому Фесслер был вынужден отправить в Петербург на продажу часть своей библиотеки и получил оттуда собранные пожертвования. Находясь в Сарепте, Фесслер пытался реформировать конституцию местной общины, чем вызвал недовольство геригутского братства. Вскоре финансовое положение Фесслера существенно выправилось. По Высочайшему повелению ему не только вновь возобновили (20 августа 1817) жалованье, но и приняли на казенный счет в пансион Царскосельского лицея его 14-летнего сына Евсебиа.

В Саратове Фесслер вернулся по распоряжению вольного каменщика А. Н. Голицына, так как его назначили духовным председателем (вице-президентом) и суперинтендантом Саратовской консистории евангелическо-лютеранского вероисповедания. Она образована 25 октября 1819 г., ее президент – Райнхольм, ассессоры – Кольрайф, Губер, Хафтхофер и Экштром²⁶. Регулярные заседания возобновились и стали вести журнал заседаний саратовской ложи, когда же образовалась Саратовская евангелическо-лютеранская консистория, Фесслер вновь стал появляться в Саратове.

Перед возвращением в Саратов и до открытия консистории Фесслер готовится к новой церковной должности, посещает Петербург (август 1819) и принимает (10 ноября 1819) сан епископа санборского (Финляндия). Окончательно переехал в Саратов только в апреле

²³ Серков А. И. История русского масонства... С. 170; *Его же*. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 1117. № 86.

²⁴ Соколовская Т. О. Указ. соч. С. 105.

²⁵ Дитц Я. Указ. соч. С. 294–295.

²⁶ Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). Саратов, 1995. С. 78.

1820 г. В Саратове у Фесслера произошли изменения в семейном положении. После кончины второй жены, музыкантши Каролины Марии Вегеле, Фесслер женился (1824) в третий раз. Его новой женой стала 35-летняя бездетная вдова учительница Амалия Мовилье – дочь чембарского градоначальника фон Реймера.

На посту суперинтенданта Фесслер уделял существенное внимание общественной нравственности и просветительско-религиозной деятельности. Деятельность данной консистории охватывала громадную территорию России: Саратовская, Астраханская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Пензенская, Симбирская, Казанская, Оренбургская губернии. В декабре 1822 г. к округу Саратовской Евангелической консистории прикрепили евангелический приход Пермской губернии²⁷. В немецких школах стали распространяться «Катехизис» и «Энциклопедия», «написанные» Фесслером, содержащие идеи, противоречащие ортодоксальному христианству. Он вносил изменения в лютеранские обряды, сочинил особую молитву для бракосочетания, ввел «всенародное церковное покаяние», уничтоженное Лютером в реформацию²⁸. Фесслер реформировал церковные приходы, стал требовательнее относиться к деятельности пасторов. Многие пасторы и учителя покинули свои должности из-за конфликтов с ним, хотя именно по его настоянию пасторам повысили зарплату.

Саратовская Контора опекунов иностранцев слушала 7 января (понедельник) 1822 г. суперинтенданта Фесслера, который «всем пасторам его ведомства предписал» прибыть в губернский Саратов для присутствия на открытии здешней Евангелической консистории. Им было велено «пасторам, в Саратовских колониях находящимся, выслать из каждого прихода по два поверенных, ибо при сем случае рассуждаемо будет об общественной нравственности и порядке в училищах. Извещая о сем Контору, просит он определить члена своего быть при сем совещании...»²⁹. Заслушав доктора Фесслера, Контора констатировала: «Суперинтенданту ответствовать, что по бытности одного из членов Конторы в отпуске ей отрядить некого, а если при совещаниях нужно будет иметь в чем разрешение или согласие Конторы, то благоволила б Контора о том письменно снести с ней»³⁰.

²⁷ ГАСО, ф. 180, оп. 7, д. 18, л. 14–16.

²⁸ Серков А. И. История русского масонства... С. 170–171.

²⁹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 69, л. 42. В протоколе Журнала заседаний Конторы запись № 8.

³⁰ Там же.

Фесслер совмещал руководство Евангелическо-лютеранской консисторией и масонской ложей до 1826 г. Поэтому закономерно, что в саратовскую ложу входило практически все главное руководство данной консистории и церкви Св. Марии в Саратове, а также многие евангелическо-лютеранские пасторы: Эрих (Кирилл) Карлович Рейнгольм – первый светский председатель президент консистории, доктор медицины, статский советник; Иоган (Иван) Иванович Клейнер (Кленау) – светский асессор консистории 1824–1826 гг., коллежский асессор, лекарь; Иоганн Самуель (Иван Иосифович) Губер – бывший пастор Усть-Золихинского прихода, духовный сеньор консистории, отец поэта Э. И. Губера; Давид фон Флитнер, с 1818 г. пастор колонии Медведицко-Крестовый Буерак, пробств Луговой стороны в 1823 – 1830 гг.; пастор Иоганн Баптист Катанео (Катани, Каптанео), пастор, Хильс (Хильбс, Гельц?), Иоганн Путанди (Пунтани), пастор пробств Луговой стороны в 1830–1850 гг. Среди пасторов Евангелическо-лютеранской консистории, т.е. в подчинении у Фесслера, находились и другие вольные каменщики. Так, после марта 1820 г. купец Иоганн Амвросиевич Розенштраух, перестав посещать Директориальную ложу Астрей, вскоре уехал к Фесслеру на юг в качестве лютеранского проповедника³¹.

Определенный интерес представляют сведения о светском председателе и президенте консистории Э. К. Рейнгольме. В возрасте 43 лет, будучи коллежским советником, он подал (31 октября 1814 г.) прошение о приписке к саратовскому дворянству его самого и сына Ивана³². Первоначально Рейнгольма с детьми Александрой и Иваном от брака с Александрой Ивановной Аникеевой, дочерью коллежского советника, внесли в третью часть дворянской книги. Но затем исключили, так как соответствующие документы о регистрации брака, рождении детей и проживании в Саратове не были представлены в дворянское собрание.

Э. К. Рейнгольм происходил из купеческой семьи старой Финляндии. В 1796 г. он получил диплом доктора медицины и хирургии после защиты диссертации в Геттингенском университете и был избран членом тамошнего физического общества. После повторной сдачи экзамена в Петербурге он признан российским доктором медицины и хирургии (27 ноября 1796 г.). По случаю болезни был в отставке, поступил на государственную службу 26 марта 1797 г. по ведомству медицинской коллегии. В 1798–1802 гг. Э. К. Рейнгольм

³¹ Серков А. И. История русского масонства... С. 239; *Его же*. Русское масонство... С. 708.

³² ГАСО, ф. 19, оп. 2, д. 103. Дело о приписке Кирилла Карловича Рейнгольм и сына его Ивана к Саратовскому дворянскому роду.

служил акушером в Нижегородской городской управе. Затем был направлен в Грузию инспектором врачебной управы, составил медико-физическое описание г. Тифлиса.

С 1803 г. получил чин коллежского советника и должность инспектора Саратовской медицинской (врачебной) управы, кроме того без оплаты лечил в саратовской Александровской больнице. В 1807 – 1808 гг. боролся с заразными болезнями в Астраханской и Саратовской губерниях. За труды пожалован 1000 десятин земли в Аткарском уезде, имел 19 душ мужского пола и 12 женского³³.

Саратовские масоны из ложи Фесслера возглавляли и Контору опекунства иностранных поселенцев: Федор Карлович Штуц (главный судья, коллежский ассессор), Карл Федорович Энгельке (младший член Конторы, впоследствии тобольский гражданский губернатор), Иоганн Иоганнович Нимейер (Немейер) – бывший член основатель продекабристских лож Избранного Михаила и Восточного светила на Востоке Томска, в 1819–1821 гг. томский уездный врач, титулярный советник³⁴.

Саратовскую ложу посещали офицеры Иркутского гусарского полка (Г. О. Бистром, братья А. П. и М. П. Ланские), стоявшего тогда в городе. М. П. Ланской командовал этим полком с 2 ноября 1819 г. В ложе также состояли: Михаил Иванович Клейнер (брат ассессора, член продекабристской ложи Избранного Михаила), Петр Павлович Каверин (будущий декабрист, член Союза Благоденствия и ложи Августа золотого циркуля), Александр Алексеевич Панчулидзе (сын саратовского губернатора, саратовский губернский предводитель дворянства в 1822–1831 гг.), Егор Иванович Пашков (отставной поручик артиллерии и кавалер), Николай Александрович Челюсткин (Чекперин, отставной поручик артиллерии), Степан Тарасевич (отставной полковник гвардейского Гренадерского полка, собрат П. И. Пестеля по ложе Соединенных друзей), братья Немерцаловы (служащие Саратовской казенной палаты), Д. С. Сатин (отставной морской офицер)³⁵. Короткое время в ложе Фесслера состоял саратовский вице-губернатор (1820–1821) Д. Г. Бибииков, знакомый с А. А. Панчулидзевым еще по московской ложе Ищущие Манны. По данным А. И. Серкова, членами саратовской ложи Фесслера были 23–24 вольных каменщика³⁶.

³³ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 1359 (947), 1479.

³⁴ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 128–140.

³⁵ Серков А. И. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 138–139; Его же. История русского масонства... С. 256–257.

³⁶ Серков А. И. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 1117. №86.

После 1820 г. отношение российского правительства к масонству стало резко меняться. Последовало Высочайшее повеление императора (1 августа 1822 г.) о закрытии всех тайных обществ и масонских лож. Стали собираться подписки о непринадлежности впредь к масонским ложам и другим тайным обществам у всех государственных служащих. В личном архиве саратовского помещика А. М. Устинова, сохранилось требование подписки о непринадлежности к тайным обществам и масонским ложа³⁷. Рескрипт о запрещении масонства и взятии подписок трех форм поступил также в саратовскую Контору опекунов иностранных поселенцев (Приложение 1)³⁸.

На заседании Конторы (3 ноября 1822 г.) господа от присутствия прибывшие: главный судья коллежский советник Штуц, а также младшие члены – коллежский ассессор Энгельке и титулярный советник Соломонов заслушали третьим вопросом исполнение данного предписания и «Приказали: по приложенным при сем предписанным формам отобрать от всех чиновников в ведомстве конторы находящихся подписки и по отобрании хранить оные при делах конторы и составить из них список чиновников с разделением тех, кои принадлежали тайным обществам и тех, кои в оные не поступали, представить департаменту Государственных хозяйств и публичных заведений при донесении, впредь же когда будут принимаемы в службу или определяемы к должностям чиновники обязывать их подпискою под №3-м, которую хранить при прошениях»³⁹.

Содержание этого рескрипта, написанного чернилами, непосредственно начинается вверху титульного листа, на его свободной от реквизитов министерства и департамента стороне листа № 463, затем продолжается на оборотной стороне. Последующий текст, после первого титульного листа, занимает только одну сторону листов 464–467, далее идут чистые листы №467–469, а окончание документа размещено на двух сторонах листа № 470. Каждая форма подписок расположена на одной стороне отдельного листа: подписка формы № 1 на листе № 464, подписка формы № 2 на листе № 465, подписка формы №3 на листе №466. Под каждой формы подписок написано: «С препровожденною верно: Начальник отделения В. Сахаров». Листы № 467–469 чистые. Документ заканчива-

³⁷ Минкин М. А., Порох И. В., Шилов К. В. От «грозы 12-го года» до откликов на декабризм // Саратовское Поволжье в первой трети XIX века. Саратов. 1983. С. 16.; ГАСО, ф. 661 (Устинов), оп. 1, д. 25.

³⁸ ГАСО, ф. 180, оп. 7, д. 18, л. 463–470, № 139, 3 ноября 1822 г.

³⁹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 71, л. 293–295, 3 ноября 1822 г. Данный приказ в протоколе Журнала заседаний Конторы подписали: Штуц, Энгельке, Соломонов и Нордстрем (бухгалтер, секретарь).

ется подписями директора и начальника отделения департамента. При этом неоднозначно читаются две буквы перед окончанием подписи директора отделения. Возможно такое прочтение: Дхунсковской или Дхунсковский.

Вскоре в журнале Конторы зафиксировано исполнение распоряжения, касающегося подписки формы №3. Так, 16 ноября 1822 г. Контора приказала: с воспитанников коллежского советника Тимофеева «взять подписки, что они никакой масонской ложи и никакого тайному обществу внутри империи ни вне ее не принадлежат и оные хранить при просьбе, а оных принять в штат конторы с чином»⁴⁰. Более никаких записей в сохранившихся журналах заседаний Конторы за 1822–23 гг. о подписках не имеется.

В 1823 г. Александр I, узнав, что еще существуют ложи, потребовал на сей счет объяснений от комитета министров. Комитет распорядился взять, через попечителей округов, подписки не только в столичных, но и в провинциальных ложах. Соответствующее определение о неукоснительном исполнении Высочайшего повеления относительно подписок формы 3 издало и Саратовское губернское правление, препроводив его в Саратовское дворянское депутатское собрание (Приложение 2)⁴¹.

Документ отпечатан типографским способом, подписан советником Степановым и помощником секретаря Субботиным. Все подписи и надписи, выполненные чернилами, читаются четко. В верхней части документа от руки сделаны две регистрационные надписи: «№203-й. Получено 18. Октября 1823. Год» и «в Саратовское дворянское депутатское Собрание». В нижней части документа между словами «Октября ... дня» от руки вписано число «16».

Из текста документа видно, что некоторые чиновники, вступающие в службу, были «не согласные» давать подписку формы №3. Объясняется это тем, что она прямо обязывала не принадлежать в будущем к масонским ложам и тайным обществам. В подписке от чиновников, каждый раз вступающих в службу или определяемых к должности, было «обязательство и впредь не принадлежать ни к каким ложам и тайным обществам». Чтобы не было бюрократических препятствий для оформления этой формы подписок, губернское правление предписало: распечатать необходимое число форм подписок № 3, в равной степени разослать их во все присутственные места губернии и копии подписок приложить к личным делам.

Не все масоны подчинились императорскому указу: «от ордена отпали те лица, которые не были настоящими масонами по духу и

⁴⁰ ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 71, л. 376–379.

⁴¹ Там же. Ф. 19, оп. 1, д. 446, л. 148. № 203. Получено 18 октября 1823 г.

убеждению, а истинные братья сохранили верность масонству»⁴². Саратовская ложа Фесслера продолжала тайно собираться. Весной 1824 г. архимандрит Юрьевского монастыря Фотий (Петр Никитич Спасский) направил императору послание, в котором причислил Фесслера к «ложным пророкам и апостолам сатанинской религии, проповедуемой под видом нового света». После событий 14 декабря И. А. Фесслера, в сопровождении двух жандармов и полицейского офицера, вернули из ссылки в Петербург для проведения «дознания»⁴³.

Членов саратовской ложи М. П. Ланского, А. П. Ланского, Г. О. Бистрома перевели в другие гарнизоны и крепости, остальных отдали «секретно под надзор губернатора»⁴⁴. Саратовского акушера масона И. И. Нимейера, по распоряжению министра внутренних дел графа Закревского выслали под конвоем жандармов в г. Новочеркасск, «за его будто бы уклонение от лечения холерных больных в Саратове»⁴⁵.

И. И. Нимейер представил медицинское свидетельство о том, что в Саратове сам был дважды болен холерой. После этого Комитет министров хотел положить ему не только прогонные и другие деньги как врачу, командированному на холеру, но и дополнительно вознаградить за понесенные убытки и расстройство, выдав сверх того еще 1 500 руб. Однако Николай I это не одобрил (1831. № 2029), повелев: «выдать то же вспоможение, как и прочим командированным по холере докторам, но ничего более, ибо ежели верить больше партикулярному свидетельству, чем отзыву министров, то конца не было бы жалобам, и доверие, должное правительством избираемым министрам, было нарушено. Ежели сим Нимейер недоволен, то может жаловаться судебным порядком, ибо законы общи для всех»⁴⁶.

Масоны представлены не только в Саратове, но и в других городах губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. среди чиновников и аристократической элиты: это губернаторы, генерал-губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянств, князья, графы, генералы и т.д., проживавшие в своих дворянских, помещичьих имениях. Поэтому новые материалы по истории российского масонства можно обнаружить в архивных хранилищах, содержащих документы об их жизни и деятельности.

⁴² Соколовская Т. Русское масонство и его значение... С. 23.

⁴³ Серков А. И. История русского масонства... С. 256–257.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Сердонин С. М. Исторический обзор деятельности комитета министров. СПб., 1902. Т. 2, ч. 1. С. 92.

⁴⁶ Там же, с. 93.

Так, в 1806–1809 гг. казенная палата отвела земли в Аткарском уезде адмиралу и графу Н. С. Мордвинову, приняв за это 14 885 руб. пошлины⁴⁷. Адмирал состоял в различных ложах и был крупным государственным и масонским деятелем. Среди его бумаг, хранящихся в Государственном архиве Саратовской области, сохранился экземпляр широко известной современникам «записки» масона Ивана Владимировича Лопухина⁴⁸. Масонством увлекался житель Саратова 1820–1830 гг. Отто Миллер, братскую печать которого после его смерти длительное время хранили ближайшие родственники⁴⁹. На ней надпись «Сила наша и богатство», символика, близкая к ложе Трех добродетелей (СПб.)

Достаточно много вольных камснщиков среди саратовцев - участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В специальной масоноведческой литературе осталось не замеченным то, что масонами были офицеры и саратовские дворяне, братья Дмитрий Петрович (1809–1840) и Сергей Петрович Ермолаевы⁵⁰. Об этом факте очень долго помнили их потомки. В связи с 100-летием войны 1812 г., отмечавшимся в Саратове, в 1913 г. сын Сергея Петровича Николай, воспитанник Артиллерийского училища, помещик Петровского уезда, один из старейших, авторитетных и либеральных земских деятелей,⁵¹ прислал в СУАК масонскую печать, оставшуюся от покойных участников войны.

При этом жертвователь сообщил в письме (21 апреля 1913 г.) следующие сведения: «Из многих исторических записок известно, что во время пребывания нашей армии в Париже в 1914 году масса русских офицеров, в особенности гвардейских, были приглашены в заседания разных масонских лож. В числе других, побывали в этих ложах мой отец Сергей Петрович Ермолаев, офицер гвардейской артиллерии, и мой дядя Дмитрий Петрович Ермолаев, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, и получили в подарок прилагаемую печать. Подаренная печать во время дарения имела другую отделку, но к сожалению, эта печать, в 1905 году, во время погрома моего имения при с. Спасском, Петровского уезда, находилась в сгоревшем доме и отделка расплавилась, вследствие чего я вынужден был заказать новую одному ювелиру в Саратове. Хотя эта печать может

⁴⁷ Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне... С. 19.

⁴⁸ Гладышев А. В. Указ. соч.

⁴⁹ Лушин А. И. Масонская символика... 91–94.

⁵⁰ См.: Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. С. 130–134.

⁵¹ К пятидесятилетию земских учреждений. К истории организации и первых шагов земства в Саратовской губернии. Саратов, 1913. С. 71.

быть и не представляет значительной исторической ценности, но я взял на себя смелость передать ее на хранение в Архивную Ученую Комиссию»⁵².

В инвентарной книге СУАК была сделана соответствующая запись о поступлении данного предмета в фонды музея⁵³. В 1921 г. эту печать передали из музея СУАК в Художественный музей имени Радищева, где она хранится и сейчас (Приложение 3, рис. 4)⁵⁴. Общий вес печати 8,45 г, размер 2,8 x 2,5 x 2 см. Материал: вставной щиток – хрусталь и оправа – серебро. На оборотной стороне хрустального щитка печати – серебряная фигурная дужка с двумя прорезами. Один конец дужки плотно приварен к серебряной оправе, другой аналогичным образом скреплен с маленькой петлей. По общему облику и размеру печать очень близка перстням-печаткам.

На лицевой стороне очень маленького хрустального щитка мастер-ювелир очень искусно вырезал и композиционно разместил достаточно много различных масонских знаков и символов в зеркальном изображении. Резьба выполнена в высокой ювелирной технике и нерядовым мастером.

В центре печати находится равнобедренный треугольник, в углах которого расположены: шестиконечная (соломонова) звезда (единство пяти континентов, четырех сторон света, сущность человека) – с лучами, месяц и солнце – с лучами. От вершины треугольника, через дугообразный изгиб центральной части его основания, проходит отвес (непреклонность и прямота) в виде перпендикулярной линии, заканчивающейся шарообразным углублением. Под ним – монограмма из букв «CS». Ниже монограммы – человеческие кости: череп – со скрещенными парами длинных костей конечностей, а также, вероятно, ребра. По сторонам от монограммы и черепа изображены пары: кирка (молоток) и угольник, мастерок (орудие труда мастера каменщика, распространяющее цемент братской любви) и циркуль. Вдоль двух внешних сторон треугольника, по бокам его вершины надпись «PENSER ET TAIRE», в переводе означающая «думать и молчать». Над треугольником и надписью шнур с кистями, перевитый в виде восьмеркообразного (кафинского) узла.

Д. П. Ермолаев (1792–1840), владелец в Перовском уезде 100 душ, известен еще и по восстанию Семеновского полка. Он вступил (март

⁵² Хованский Н. Ф. Дополнение к сборнику, изданному Саратовской Архивной Комиссией, «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.» // Труды СУАК Саратов, 1913. Вып. 30. С. 113.

⁵³ Фонды СОМК, книга «Запись вещей музея Саратовской Ученой Архивной Комиссии», т. II, л. 120–121, инв. № 2 325.

⁵⁴ Фонды Художественного музея им. Радищева, инв. № 1449 (СВ-2).

1809) в этот полк подпрапорщиком, в 1820 г., выйдя в отставку, награжден чином полковника и мундиром⁵⁵. Вскоре Д. П. Ермолаев вернулся в армию, где дослужился до чина капитана гвардии. После «возмущения» (1821) Семеновского полка он привлекался к ответственности, после чего разжалован в солдаты и зачислен в один из полков Кавказского корпуса. Братья Ермолаевы были дружны с князем Шербатывым, также привлекавшимся к следствию по делу о «возмущении» Семеновского полка. Отец рассказывал Н.С. Ермолаеву, что Шербатов знал о «тайном обществе» в Семеновском полку, «но наша тайна была для него священна и он решился лучше быть невинной жертвой, нежели поступить предательски»⁵⁶.

Практически не исследована деятельность саратовских масонов начала XX века. Хотя известно, что в 1909 г. столичные вольные каменщики стали вести переговоры об открытии своей ложи в Саратове⁵⁷. Тогда видное место занимала ложа Малая медведица, где посветили в масонство А. Ф. Керенского. В августе 1914 г., по крайней мере, одна ложа в Саратове уже работала⁵⁸. На петербургском масонском конвенте Великого Востока народов России (лето 1916) от саратовских политических масонов присутствовал Никонов⁵⁹.

Среди масонов саратовской ложи, работавшей в годы Первой мировой войны и занимавшейся преимущественно политическими вопросами, наиболее влиятельными были юристы Алексей Андреевич Никонов и Самуил Еремеевич Кальманович⁶⁰. Они входили в руководство Саратовского юридического общества, располагавшегося (1910) на улице Московской, в здании судебных мест⁶¹. Кроме того, через них, вероятно, саратовские масоны контактировали, прежде всего, с питерскими политическими братьями, так как Никонов и Кальманович были тесно связаны с С.-Петербургом.

До высылки в Саратов (1902) А. А. Никонов (1866–1924) жил в С.-Петербурге. На новом месте жительства (ул. Кострижская, д. 3) он быстро стал заметной личностью, вел активную общественную деятельность: член политической масонской ложи, известный деятель правого крыла партии кадетов, защитник по политическим де-

⁵⁵ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. С. 130–132.

⁵⁶ Там же. С. 132.

⁵⁷ Бебутов Д. Русское масонство XX века (глава воспоминаний) // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 143.

⁵⁸ Там же С. 69, 89.

⁵⁹ Там же. С. 67–68.

⁶⁰ Серков А. И. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 1146. № 81.

⁶¹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. Саратов, 1910. С. 122.

лам и делам крестьян-аграрников, участник революционных событий, избирался в состав общественного исполкома (с 1 марта 1917). В Саратове Никонов занимал должности: присяжный поверенный, член консультации присяжных поверенных и помощников, председатель (1916) совета присяжных поверенных при Саратовском окружном суде, юрисконсульт Управления по сооружению Астраханской железной дороги, председатель Саратовского юридического общества (1910)⁶².

Кандидат права С. Е. Кальманович, вероятно, один из основателей саратовской ложи, некоторое время жил в Саратове (ул. Аничковская, собственный дом, 1900–1903). Он был частным поверенным, получившим свидетельство на ведение чужих дел при Саратовском окружном суде и при съезде мировых судей Саратовского городского округа⁶³. После переезда⁶⁴ в С.-Петербург⁶⁵, он, видимо, уже не занимался юридической практикой в Саратове. Так, в Адрес-календаре Саратовской области на 1914 г. его имя отсутствует.

Пока мало известно об остальных членах саратовской ложи, а также о связях и контактах саратовских политических масонов с другими ложами Великого Востока народов России. Для выяснения этих вопросов следует обратить внимание, прежде всего, на думских и других крупных масонов Великого Востока народов России (А. Ф. Керенский, Д. А. Олсуфьев и др.), профессиональная, политическая и общественная карьера которых так или иначе была связана с Саратовом и Саратовским краем. Они не могли не «контактировать с братьями» из саратовской ложи.

Вероятно, не обошлось без поддержки саратовских политических масонов при избрании А. Ф. Керенского депутатом (1912) IV Государственной Думы (от г. Вольска, народные социалисты и трудовики) и Учредительного собрания (ноябрь 1917, от Саратовской губернии, партия социалистов-революционеров). Тем более что один из основателей Трудовой народно-социалистической партии, входивший во фракцию трудовиков, выпускник саратовской духовной семинарии (1890) Николай Сергеевич Розанов, работавший земским врачом в Саратовской губернии, – депутат III Государственной Думы от Саратовской губернии, состоял в ложе Полярная звезда (С.-Петербург)⁶⁶.

⁶² См.: Рейли Д. Д. Саратов и губерния в 1917: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 28; Серков А. И. Словарь 591.

⁶³ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. Саратов, 1899. С. 150, 167; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год. Саратов, 1901. С. 111, 123; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1903 год. Саратов, 1903. С. 135, 316.

⁶⁴ Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год. Саратов, 1907. С. 117, 307.

⁶⁵ Серков А. И. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 371.

⁶⁶ Там же. С. 706.

Политическим масоном, скорее всего, был граф Дмитрий Адамович Олсуфьев (2 октября 1862–193?), член Государственного Совета и Межпарламентского союза за 1910-е годы, один из инициаторов «Прогрессивного блока», уездный предводитель Камышинского дворянства Саратовской губернии⁶⁷. Он стал служить в Саратовской губернии выборных должностях с 1893 г. В Адрес-календарях местом его постоянного проживания указан г. Камышин (улица Набережная, дом гласного земской управы А. Е. Чуева)⁶⁸.

Будучи камер-юнкером и титулярным советником, граф Д. А. Олсуфьев в течение десяти лет состоял и избирался: уездным предводителем Камышинского дворянства, гласным от Камышинского уезда в губернском земском собрании, председателем местного Камышинского правления общества спасения на водах, почетным смотрителем городского четырехклассного училища, председателем общества вспомоществования недостаточным учащимся в низших мужских и женских училищах, почетным попечителем Камышинского отделения епархиального училищного совета, старшиной Камышинского общественного собрания, входил в совет по народному образованию Саратовского губернского земского собрания⁶⁹. В 1902 г. избран председателем Саратовской губернской земской управы, выезжал (1904) на Дальний Восток, уполномоченным Саратовского отряда Красного Креста, с 1906 по 1916 гг. – член Государственного Совета от Саратовского губернского земства. Он состоял гласным Камышинского земства, Саратовского и Московского губернских земств, почетным мировым судьей Камышинского и Дмитровского (Московская губерния) уездов. Есть сведения о том, что на собраниях масонской ложи, происходивших (1912) в особняке Д. А. Олсуфьева, присутствовал барон Герман Майделл.⁷⁰

Саратовские масоны могли контактировать с Михаилом Павловичем Федоровым (1845–1925), занимавшим должности товарища (заместителя) директора (до 1907–1916 гг.) и директора правления Общества Рязано-Уральской железной дороги (Петроград, Мойка, 40), кандидатом права⁷¹, состоявшим в ложе⁷².

⁶⁷ Соколов С. Д. Саратовцы писатели и ученые // Тр. СУАК. 1916. Вып. 33. С. 195; Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. 2-е изд. М., 1996. С. 365–366.

⁶⁸ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 год. Саратов, 1898. С. 244, 375, 380, 381, 527; Адрес-календарь Саратовской губернии 1902. Саратов, 1901. С. 223, 226, 227, 228, 229, 230, 343.

⁶⁹ «Весь Саратов» на 1900 год. Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Саратов, 1899. С. 379.

⁷⁰ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX века. М., 1997. С. 175, 185.

⁷¹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 год. Саратов, 1916. С. 46.

Сторонники как этического, так и политического масонства были среди действительных и почетных членов СУАК: В. С. Арсеньев, В. А. Галкин-Враский, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, А. Д. Нессельроде, Н. Н. Львов, Д. А. Олсуфьев, А. С. Пругавин, А. Н. Пыпин, А. А. Титов, Т. О. Соколовская и др.

Предводитель дворянства Саратовской губернии, граф Анатолий Дмитриевич Нессельроде (1850–1923), покинув г. Саратов и свое имение Царевщина (Вольский уезд), переселился в Париж (1909) и организовал там Русский масонский комитет (1918).⁷³ Масонством граф целенаправленно интересовался достаточно давно, собрав одну из крупнейших в России коллекций масонских книг и рукописей. Некоторые сведения на сей счет содержатся в библиографической справке о Нессельроде, опубликованной С. Д. Соколовым в 1916 г.: «Из Саратова он перевез туда ценное собрание картин, коллекции оружия и др. старинные вещи. Богатейшая библиотека из 40 тыс. томов, в числе которой обращал на себя масонский отдел, состоящий из нескольких тысяч рукописей преимущественно на европейских языках и, по-видимому, совершенно неизвестных в печати, хранится в Царевщине при его усадьбе»⁷⁴.

С марта 1917 и весь 1918 г. СУАК «пыталась решить... неразрешимые задачи по спасению архивов, а также помещичьих» и частных библиотек, собраний рукописей. В частности, СУАК «прилагала усилия для спасения богатейших собраний масонских рукописей графа А. Д. Нессельроде, в его имении Царевщина. Попытка эта не удалась»⁷⁵. Куда исчезли рукописи и какова их судьба, в кратком отчете СУАК не сказано. Хотя отмечено, что, не получая никакой платы, члены комиссии С. Н. Чернов, А. А. Кротков, В. Н. Беседников, П. Г. Любимов, К. Я. Виноградов и библиотекарь С. Д. Соколов принимали в этом самое деятельное участие. Кроме того, они также пытались сохранить архивы, библиотеки, известные своей научной ценностью и богатством собрания бывших помещичьих усадеб: князей Куракиных, Голицыных, Прозоровских, В. И. Ознобшина.

Особый интерес представляют масонские атрибуты, поступившие (1948) на хранение в СОМК от Л. П. Федотова. В книге поступлений основного фонда, начатой в 1937 г., об этом была сделана первая и, к сожалению, очень лаконичная запись. В последующей инвентарной книге дано более полное описание этих вещей (Приложение 3,

⁷² Серков А. И. Русское масонство: Энциклопедический словарь. С. 829, 1146.

⁷³ Там же. С. 587.

⁷⁴ Соколов С. Д. Труды СУАК. Вып. 33. С. 187.

⁷⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 310. Докладная записка о деятельности СУАК за период с марта по декабрь 1918, л. 1.

рис. 1, 2, 3)⁷⁶. Они неоднократно экспонировались в Саратовском областном краеведческом музее, а недавно одна из них, изготовленная из ткани, прошла реставрацию.

Один из масонских атрибутов, записанный в инвентарной книге как лопатка мастера (инв. № 4436), представляет собой запан (передник, фартук) в форме квадрата (см. рис. 1), два нижних угла закруглены, вверху полукруг из такого же материала. Фартук изготовлен из кремового шелка, подкладка голубая. Его размер 32 x 32 см. Верхняя подкладка очень рваная. Обшита лопатка парчовой (золотистой) лентой с голубой бахромой. Из золотистой парчи вышиты звезда, солнце, месяц, рельефные колонны. В верхней части фартука, посередине изображена золотистая 5-конечная звезда с лучами, в центре которой общепринятая масонская литера «G». Ниже два «малых светоча» масонских лож – с одной стороны золотистый месяц, с другой – золотистое солнце с лучами, олицетворяющими Свет в своем единстве. В центре две золотистые вертикальные колонны (мудрость, сила, красота), на вершине которых по одному красному округлому плоду или не распустившемуся бутону цветка с тремя точками, в зеленом обрамлении. За каждой из колонн зеленая ветвь с листьями, вероятно, акации, символизирующая бессмертие души и степеней мастера. Между колоннами расположен циркуль (нравственная и духовная жизнь) и угольник (физическая жизнь) золотистого цвета, перекрещенные в виде ромба. В центре одной колонны вышита буква «J», а в другой – «B». Золотистыми парчовыми лентами обшита и другие изображения. Основания колонн соединены между собой тремя горизонтальными линиями. Внизу, под колоннами, черный гроб, символизирующий «Воскресение из мертвых», черно-белый мозаичный пол, символизирующий взаимопроникновение в мир начал Света и Тьмы, Добра и Зла.

Второй предмет, записанный в инвентарной книге (№ 4437) как лопаточка товарища, имеет такую же форму (размер 33 x 28 см), как и предыдущий (см. рис. 3). Он изготовлен из белой замши (кожа ягненка), символизирующей чистоту помыслов и невинность поведения. Сверху расположен нашивной треугольник из такой же замши, обшитый черной тканью и двумя лентами кремового цвета. По периметру передника нашиты черные ленты. Сохранность предмета: ткань ветхая и рваная.

Под одним номером записаны подкладки, вероятно, от разных запанов (№ 4438) из белой замши, а не две половинки от одного. По

⁷⁶ СМК, Книга поступлений основного фонда начата 1/II-37 г., 1948, № 1047-1050 / №4436-4442; Книга поступлений СМК 3937-5694, л. 70-71, № 4436-4439.

размерам они не совпадают, но оба имеют прошивку от трех круглых несохранившихся «розочек» и по краям остатки от шелковой обшивки. Розочки из ленты и нашивной треугольник были изначально записаны в книге учета только за одной «половинкой». На другой же «половинке», при передаче предметов в фонды, не было треугольника и «подкладки», которая очень ветхая и рваная.

Кроме того, данная коллекция содержит круглый металлический (см. рис. 2) значок (размер 5,2 x 4,5 см) на голубой шелковой подкладке и с короткой голубой лентой (№ 4439). Значок, вероятно, изготовлен штамповкой, отлит. По краю значка идет золотистый шнур с кистями, переплетенный сверху восьмеркой. Шнур образует над восьмеркой округлую петлю, в которую вставлено кольцо, а в него – голубая лента. В центре значка, на голубой эмали, расположен рельефный золотистый треугольник с двумя горизонтальными прорезями, также покрытыми эмалью. Эмаль местами откололась. Между прорезями, в центре треугольника, есть рельефные литеры с точками «Р.А.Е.». Под треугольником два небольших сквозных отверстия, посредством которых на значке было что-то прикреплено.

Общая технология отделки ткани и кожи, степень его сохранности, использованная цветовая гамма и знаковый стиль оформления запанов и значка позволяют предположить, что они изготовлены одновременно и использовались в одной и той же ложе. Хотя много ещё неясного и загадочного в происхождении этих вещей.

Приведенные выше материалы по истории масонства в Саратовском крае позволяют заключить, что масонство в различной степени представлено в местной региональной истории. Многие источники еще не выявлены и не проанализированы, поэтому в саратовском масоноведении следует ожидать новых открытий. Разработка этой актуальной темы позволит конкретизировать степень воздействия масонства и масонов на значимые исторические, общественные, социо-культурные и политические процессы, имевшие место в Саратовской губернии и Саратове.

Министерство
Внутренних Дел

Саратовской Конторе опекунов
иностранцев

Департамент

Государственного Хозяйства
и Публичных Зданий.

Отделение 3.

Стол 1

С - т. Петербург

20 октября 1822 года
№624.

С препровождением
трех форм подписок
о восприятии
лож Массонских и других тайных
обществ.

Высочайшим Рескриптом на имя Господина Управляющего Министерством Внутренних дел в 1-й день минувшего Августа данным Его Императорскому Величеству угодно было привести в действие меры, принятые касательно восприятия лож Массонских и других тайных обществ в империи, и в следствие коих по статьям 3-й и 4-й во всех Министерствах и других Гражданских Начальствах, чиновники в оных служащие обязаны дать подписки, что они ни к каким ложам масонским, или другим тайным обществам не принадлежат, или, что они принадлежали к оным, впредь ни к каким обществам сего рода принадлежать ни внутри ни вне Государства не будут.

Его сиятельство дав знать о сем Департаменту предложением от 14 тогож месяца предписать изволил о надлежащем по сему исполнении, препроводя и формы по № 1.2 3. упомянутых подписок, с тем, что бы они взяты были от всех чиновников в ведомстве сего Департамента служащих с тем чтобы:

1.е, Подписки сии хранить при делах Департамента.

2.е, По отобрании оных составить из них список чиновников с разделением тех, кои принадлежали тайным обществам и тех, кои в оные не поступали, и списки сии представить Его Сиятельству для совокупного представления оных Его Величеству.

3.е, Когда впредь будут принимаемы в службу или определяемы к должностям чиновники, то обязывать их подпискою под №3-и, у сего приложеною и таковую подписку хранить

№ 1.

Министерство №. №

Департамент №. №.

или

ведомство №. №.

Я нижеподписавшийся объявляю, что я принадлежал к ложе братьев масонов именуемой №. №. состоящей в №. №. / имя Города / или такому другому тайному обществу и что на основании последовавшего ныне Высочайшего повеления, обязываюсь я отныне впредь ни сей ложе и никаким другим ложам или тайным обществам как в Империи так и вне ее находиться могушим, не принадлежать и ни каких сношений с ними не иметь.

№ 2.

Мы нижеподписавшиеся объявляем, что мы не принадлежим, никаким ложам масонским или иным тайным обществам внутри империи или вне ее существовать могушим, и что мы и впредь принадлежать оным не будем.

№ 3.

Я нижеподписавшийся сим объявляю, что я ни к какой Масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри ИМПЕРИИ, ни вне ее не принадлежу.

При прошениях или подаваемых, или при послужных списках.

Департамент Государственного Хозяйства и публичных зданий давая знать о сем Саратовской Конторе и препровождая у сего означенные формы подписок, по приказанию Его Сиятельства Господина Управляющего Министерством внутренних дел предписывает оной Конторе, отобрав от всех чиновников, в ведомстве Конторы находящихся подписки по тем формам, и по отобрании хранить оные при делах Конторы, и составя из них список чиновников с разделением тех, кои принадлежали тайным обществам и тех, кои в оные не поступали, представить в Департамент; когда же впредь будут принимаемы в службу, или определяемы к должностям чиновники, то обязывать их подпискою под № 3-м и таковую подписку хранить при прошениях или подаваемых, или при послужных списках.

Директор Степан Дхунков(..)ий.

Начальник Отделения Василий Сахаров.

№203-й Получено 18. Октября 1823 года

Из Саратовского Губернского Правления
в Саратовское дворянское депутатское Собрание

Губернское Правление слушав предложение здешнего Господина Начальника Губернии и Кавалера коим изъявляя: Государь Император найдя, что подписки отбираемые от чиновников в службу вступающих о неучастии в Массонских ложах и тайных обществах, не согласны с силою Высочайшего о предмете сем повеления указать соизволил, чтобы в форме подписок под №3-м определенной брать от Чиновников вступающих в службу; включено было равномерно обязательство и впредь не принадлежать ни к каким лохам и тайным Обществам, как то именно повелено в 5-м пункте Высочайшего о предмете сем рескрипта в 1-й день Августа прошлого года на имя Графа Кочубея последовавшего; Господин Управляющий Министерством Внутренних дел сообщая ему Господину Начальнику Губернии о сей Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Воле, к должному со стороны его исполнению прилагает при том новую форму подписок кои следует брать от вступающих в службу Чиновников, по чему прилагая при сем сказанную форму подписок предлагает Губернскому Правлению о надлежащем распоряжении к исполнению вышеизложенной Воли ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, при чем присовокупляет, что хотя он и не сомневается, что бы не было исполняемо в точности распубликованное Губернским Правлением предписание Его Сиятельства Графа Виктора Павловича от 5-го Августа 1822 года с изъяснением Высочайшей Воли о закрытии и не допущении впредь существования масонских лож и всех тайных Обществ, а равно и об отобрании каждый раз при вступлении Чиновников в службу, или при определении к должности подписок, но за всем тем не лишним находит при рассылке сей новой формы подписок подтвердить о неременном исполнении того предписания что до кого в оном относится; и для того определило: с формы подписок под №3-м напечатать потребное количество экземпляров к неременному исполнению Высочайшего повеления, разослать оные в все здешней Губернии Присутственные места, в равные. Правлению при сообщениях, а подчиненные при Указах, от первых требовать, в последствии строжайше подтвердить, что означенное Высочайшее повеление исполняемо было не укоснительно в самой точности; к личным делам Господина Начальника Губернии с сей статьи сдать копию. Октября 16 дня 1823 года.

Советник *Степанов.*

Помощник Секретаря *Субботин.*

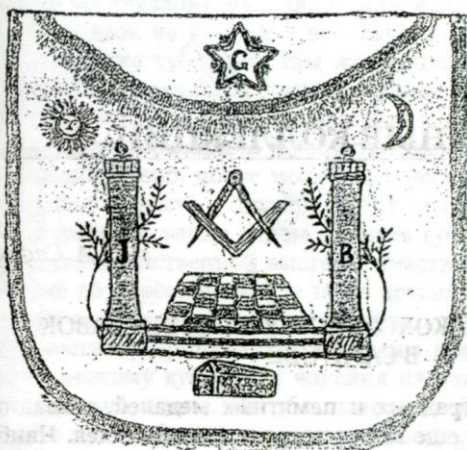

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Масонские атрибуты:

рис. 1, 2, 3 – коллекция Л. П. Федорова;

рис. 4 – печать братьев Ермолаевых.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Ю. А. Сафронов

МЕДАЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК В САРАТОВЕ

Систематизацией наградных и памятных медалей, связанных с историей нашего края, еще никто всерьез не занимался. Наибольшую группу из них составляют наградные медали, посвященные местным сельскохозяйственным выставкам. Нам известны более десятка таких медалей, выпущенных до 1917 г. Сведения о них в большинстве случаев весьма отрывочны и неполны.

Первая саратовская выставка достижений края 1837 г. была устроена на даче Уфимцева в честь посещения Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем. «К приезду наследника была приготовлена выставка естественных и искусственных произведений нашего края... 28 июня наследник посетил эту выставку... Его Высочество выставкой остался доволен; он купил между прочим кусок сарпинки бр. Шехтелей и шаль с фабрики Колокольцева, ценою в 1000 руб.»¹. В 1865 г. в г. Саратове была устроена первая сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены предметы старого дореформенного хозяйства.

В 70-е годы XIX столетия помещичьи и крестьянские хозяйства постепенно приспособились к новым условиям, что нашло отражение в проводившихся в эти годы выставках. 16 мая 1874 г. с разрешения Министерства государственных имуществ саратовский губернатор Михаил Николаевич Галкин-Враский созвал сельскохозяйственный съезд. На съезд прибыло 66 землевладельцев и лиц, интересующихся сельским хозяйством. Рассматривался вопрос о проведении в октябре 1875 г. сельскохозяйственной выставки в г. Саратове совместно с выставкой домашних животных. Министерство государственных имуществ выделило на это мероприятие

¹ Память 300-летия Дома Романовых. Саратов, 1913. С.27.

500 руб., саратовское губернское земство отпустило 4580 руб., весь расход на организацию выставки составил 6631 рубль 74 копейки².

Прием заявок на участие в выставке производился при канцелярии начальника губернии, там же бесплатно выдавались правила проведения выставки. Экспонаты должны были быть доставлены не позднее 15 сентября 1875 г., животные и птица – за три дня до открытия, скоропортящиеся продукты доставлялись в назначенные дни. Как положено, после молебна, начавшегося в 2 часа дня, выставка была открыта 1 октября 1875 г. и продолжалась 10 дней по Александровской улице рядом с домом губернской управы. Во второй сельскохозяйственной выставке участвовало 560 экспонентов, в том числе 263 крестьянских и 10 из других губерний. Было выставлено 1227 предметов. Выставку посетило 7447 человек. Главное место на выставке принадлежало мелким предпринимателям и крестьянам, поэтому кустарные изделия из уездов края представлены были довольно полно. На 560 экспонентов выставки 1875 г. было выделено только 80 наград, в том числе 50 похвальных листов, поэтому выставочный комитет ощущал большой недостаток в наградах. До наших дней сохранился уникальный документ, подписанный М. Н. Галкиным-Враским, – свидетельство № 8 о награждении купца П. М. Шмидта серебряной медалью от Министерства финансов за участие в сельскохозяйственной выставке (рис. 1).

Третья сельскохозяйственная выставка в г. Саратове проходила с 8 по 15 сентября 1878 г. Было присуждено 32 награды на 36 экспонентов.

С 5 по 20 сентября 1880 г. проходила четвертая выставка. В 1880 г. было присуждено 88 наград на 142 экспонента. От Саратовского общества сельских хозяев выдавались награды в виде почетных и похвальных отзывов и похвальных листов.

Выставки 1878 и 1880 гг. довольствовались премиями, назначенными от различных ученых обществ и правительственных учреждений. В эти годы характер выставок резко изменился. Местных ремесленников-кустарей на них было очень мало, а вот экспоненты других губерний и даже иностранные фирмы занимали слишком видное место.

На пятой сельскохозяйственной выставке 1889 г. было представлено 759 экспонентов и до пяти тысяч предметов. Выставка проходила с 6 по 21 сентября. За 15 дней ее посетили 21 565 человек за плату и до 8 000 человек бесплатно. Присуждено было 294 награды и 33 денежные премии от 10 до 25 рублей.

В качестве наград свои медали и похвальные листы представили:

² Обзорение земской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 г. в Саратове / Сост. С. А. Харизоменов. Саратов, 1890. С. 1.

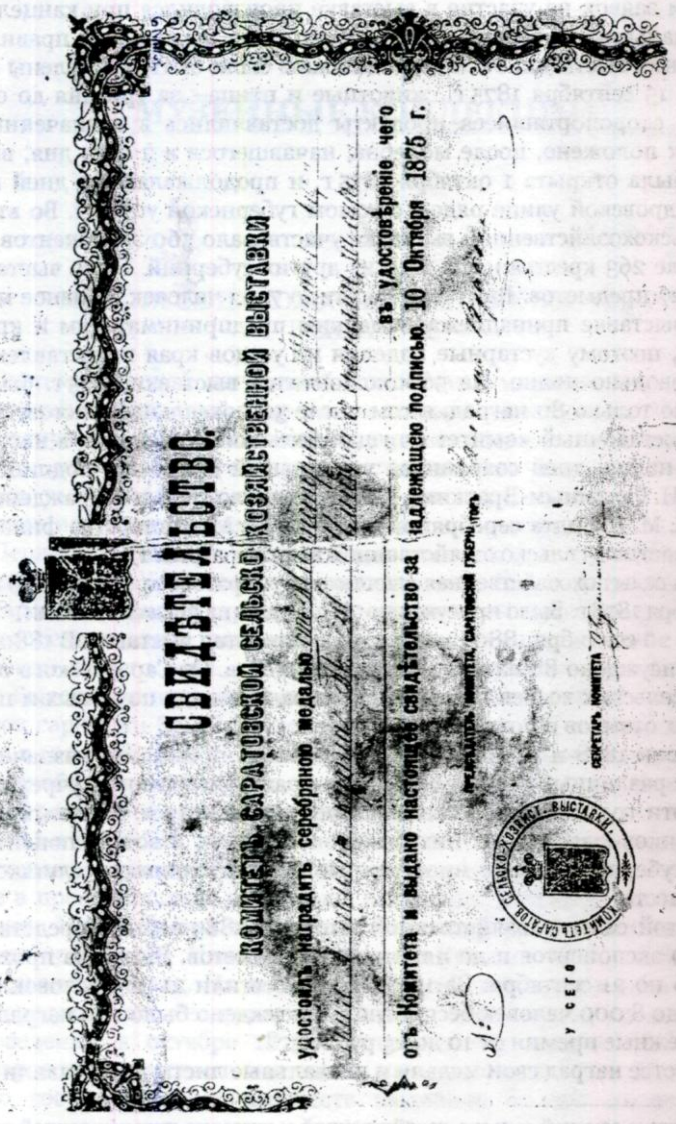

Рис. 1. Свидетельство о награждении купца П. М. Шмита серебряной медалью от Министерства финансов за участие в сельскохозяйственной выставке 1875 г.

Министерство государственных имуществ (5 больших серебряных, 10 малых серебряных, 20 бронзовых, 20 похвальных листов);

Вольное экономическое общество (2 малых золотых, 2 больших серебряных, 3 малых серебряных, 10 бронзовых, 10 похвальных листов);

Московское общество сельского хозяйства (свидетельство на золотую медаль, 2 больших серебряных, 5 бронзовых, 11 похвальных отзывов);

Санкт-Петербургское собрание сельских хозяев (2 больших серебряных, 6 бронзовых);

Главное управление государственного коннозаводства (1 большую серебряную, 1 малую серебряную, 2 бронзовых, 6 похвальных листов);

Российское общество покровительства животным, Киевский отдел (3 бронзовых, 5 похвальных листов);

Московское общество улучшения скотоводства в России (2 похвальных листа);

Саратовское сельскохозяйственное общество (20 похвальных отзывов);

Саратовское губернское земство³ (32 больших серебряных, 37 малых серебряных, 30 бронзовых, 100 похвальных листов).

Присуждено было также 14 золотых медалей, изготовление которых производилось за счет награжденного.

Большое количество наград за 1889 год получили саратовцы. Вот некоторые из них: О. Э. Беринг (машиностроительный завод «Сотрудник»), И. А. Ауэр (магазин и мастерская обуви), Л. Л. Фрейдман (уксусный завод), А. П. Медведев (экипажная фабрика), Ф. К. Привалов (образцоваяковка лошадей, лечение животных).

Наиболее ранними памятниками медальерного искусства нашего края являются серебряные и темно-бронзовые (медные) медали «За труд и знание» от уездного земства Саратовской губернии. Все изображения на медалях совершенно идентичны. Надписи также несут одинаковую смысловую нагрузку, но расположены в поле медалей по-разному. Диаметр серебряных медалей 52 мм, темно-бронзовых – 61 мм (рис. 2, 3)⁴.

³ Обзорение... С. 10–11.

⁴ Почти все упоминаемые в статье медали находятся в собрании автора.

Рис. 2. Медаль «За труд и знание» от уездного земства Саратовской губернии

Рис. 3. Медаль «За труд и знание» от уездного земства Саратовской губернии. Бронза

Рис. 4. Наградная медаль Саратовской сельскохозяйственной выставки 1889 г. Бронза

Рис. 5. Наградная медаль Саратовской сельскохозяйственной выставки 1893 г. Медь, серебро

Рис. 6. Наградная медаль Саратовской областной выставки. 1899 г. Бронза

Рис. 7. Наградная медаль от Министерства государственных имуществ. Бронза

Рис. 8. Памятный жетон 1893 г.

Рис. 9. Памятный жетон 1899 г.

Рис. 10. Медаль восьмой Саратовской сельскохозяйственной выставки 1902 (?) г.

Рис. 11. Наградная медаль Новоузенской сельскохозяйственной выставки

В отношении этих медалей имеется крайне скудная информация. В «Нумизматическом сборнике» 1915 г.⁵ приводится описание лицевой и оборотной сторон темно-бронзовой медали: «Медаль Саратовского земства. На лицевой стороне изображен в рост император Александр II в порфире, с грамотою о земских учреждениях в левой руке. У ног императора – ветвь мира. Сзади, справа, помещена полуколонна с императорскими регалиями. Поверху и правому краю медали надпись в две строки: Земские учреждения 1-е января 1864. Освобождение крестьян, в три строки: 19 февраля 1861. На оборотной стороне в правом поле медали помещен герб Саратовской губернии под императорской короной; слева от него колосья пшеницы и овса, а внизу ветки колокольчикового растения, слева вверху надпись в две строки: От уездного земства – Саратовской губернии; внизу по обрезу: «За труд и знание».

Можно предположить, что серебряная и темно-бронзовая медали, описанные выше, являются ранними наградами (до 1889 г.), поскольку не несут на себе конкретной даты выставки, а только констатируют наиболее важные моменты социально-экономического развития России XIX века. Во всяком случае, другая медаль, посвященная сельскохозяйственной выставке 1889 г. (рис. 4), имеет вполне определенную дату и совсем иной рисунок лицевой и оборотной сторон. Кроме того, обращают на себя внимание такие немаловажные детали. Если сравнить раннюю серебряную медаль и медаль из темной бронзы, относимую нами к сельскохозяйственной выставке 1902 г., то там, где имеются геральдические фигуры, видно удивительное стилистическое единство в изображении герба, короны, ленты и колосьев. Здесь и там использован один и тот же шрифт. Замечу, что В. П. Смирнов в своей книге «Описание русских медалей» дает описание этой темно-бронзовой медали после описания медалей за русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Медали пятой (1889) и шестой (1893) сельскохозяйственных выставок выполнены идентично, за исключением дат. На лицевой стороне, в центре, в лавровом венке под императорской короной изображен герб Саратовской губернии. По кругу надпись: «Саратовская губернская выставка»; внизу дата: 1889 или 1893 г. На оборотной стороне в центре изображены овца, бык, улей, коса, борона, топор, сноп, телега, груженная сеном, подсолнухи, огородные и бахчевые плоды. По кругу надпись: «От саратовского губернского земства», разделенная внизу шестиконечной звездой. Медаль 1893 г. диаметром 34,5 мм выполнена из меди и серебра (рис. 5).

⁵ Нумизматический сборник / Под ред. А. В. Орешникова. М., 1915. С. 314.

В выставке 1893 г. участвовало 12 губерний и областей Юго-Восточной России. Среди саратовских призеров сельскохозяйственной выставки 1893 г. можно назвать следующих предпринимателей: В. Сигаль (производство асфальтовых и бетонных работ, водопроводная, механическая, литейная и медно-слесарная мастерская), Б. Л. Мейлахович (граверное заведение).

10 сентября 1899 г. в Саратове открылась областная сельскохозяйственная и промышленная выставка, устроенная Саратовским губернским земством. Выставка состояла из следующих отделов: 1. Земледелие, 2. Животноводство, 3. Лесоводство, 4. Садоводство, 5. Промысловая добыча естественных произведений природы, 6. Обработка продуктов в сельском хозяйстве, 7. Кустарная и ремесленная промышленность, 8. Заводская и фабричная промышленность, 9. Пути сообщения, 10. Земский отдел, 11. Научный отдел, 12. Строительный отдел, 13. Художественный отдел⁶.

На седьмой сельскохозяйственной выставке 1899 г. устраивались испытания и конкурсы земледельческих орудий и рабочего скота. Проводились аукционы, сообщения, лекции, беседы. В район выставки входили следующие губернии: Саратовская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Астраханская, Область Войска Донского, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская и Область Войска Уральского. Из саратовских призеров можно назвать предпринимателей И. Д. Попова (мельничные жернова), И. Г. Карамышева и И. И. Кочеткова (паровая фабрика тертых и сухих масляных красок), а также шлюпочную мастерскую Саратовского речного яхт-клуба.

Своим внешним видом медаль Саратовской областной выставки 1899 г. (рис. 6) стилистически сходна с наградной медалью от Министерства государственных имуществ (рис. 7). На лицевой стороне в пышном венке из многочисленных сельскохозяйственных растений надпись в 4 строки: «От саратовского губернского земства». На оборотной стороне по кругу надпись: «Саратовская областная выставка», в центре изображены бык, снопы, прялка, лейка, сельскохозяйственные орудия – борона, грабли, плуг, цеп, коса. На заднем плане – корпуса заводов и фабрик с дымящимися трубами, а также паровоз. Под обрезом дата – 1899 год. Слева, внизу, у внутреннего обреза – инициалы «П. С.» (Петр Стадницкий). Медаль из темной бронзы, диаметром 55 мм⁷.

Автором медали Саратовской областной выставки 1899 года был медальер Санкт-Петербургского монетного двора Петр Григорьевич Стадницкий, который изготовил ряд медалей на сельскохозяйст-

⁶ Спутник по г. Саратову. Саратов, 1899. С. 31.

⁷ Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 616–617.

венную тематику. Таковы медали «Имени Н. Я. Шихманова от русского общества пчеловодства», «От Полтавского общества сельского хозяйства», «Русское общество птицеводства в Санкт-Петербурге». Петр Григорьевич родился в 1853 г. Учился в Екатеринославской духовной семинарии. В 1873 г. поступил в Санкт-Петербургскую Академию художеств. Окончил Академию в 1883 г. Слушатель педагогических курсов при Академии наук с 1879 по 1881 гг. С 1886 г. он – медальер Санкт-Петербургского монетного двора⁸. Автор штемпелей мемориального рубля в память 200-летия Гангутской победы 1714 года⁹.

Кроме медалей, в память о выставках специально изготавливались и памятные жетоны, которые мог приобрести каждый желающий. Вот некоторые из них. Алюминиевый жетон, диаметром 26 мм, на лицевой стороне которого, в центре, под императорской короной, изображен саратовский герб. Ниже, полукругом, надпись: «Саратов». На оборотной стороне надпись в 5 строк: «В память сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1893». При помощи ушка жетон крепился к одежде (рис. 8).

Серебряный с позолотой односторонний жетон в виде фигурного щита, по краю которого на изгибающейся ленте надпись: «Саратовская областная сельскохозяйственная и промышленная выставка». Далее – инициалы мастера «А. Т.», клеймо 84 пробы с буквами «И. А.». В центре щит разделен посередине чертой. Сверху под ней в накладном венке дата – 1899 год и герб города, под чертой довольно объемно изображены серп, снопы, яблоко, груша и другие продукты сельского хозяйства (рис. 9). Автору известен аналогичный серебряный жетон, где фрагмент с изображением венка, герба и даты покрыт синей эмалью.

Теснейшим образом с устройством сельскохозяйственных выставок была связана деятельность Саратовского общества сельского хозяйства, основанного 18 января 1877 г. Так, 8 сентября 1878 г. общество проводило выставку сельскохозяйственных машин, орудий и семян. Подобные выставки устраивались в 1880 и 1882 г. Свое существование Саратовское общество сельского хозяйства прекратило, вероятно, в годы Первой мировой войны в связи с разрухой. Во всяком случае, в справочнике «Весь Саратов. 1916 год» это общество уже не упоминается¹⁰.

⁸ См.: Косарева А. В. Искусство медали. М., 1977. С. 73, 74, 124.

⁹ См.: Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917. М., 1985. С. 459.

¹⁰ Весь Саратов. 1916. Саратов, 1916.

30 августа 1902 г. в час дня открылась восьмая Саратовская сельскохозяйственная выставка¹¹, первая выставка в новом, двадцатом столетии. Наградой этой выставки, вероятно, является крупная темно-бронзовая медаль без обозначения года. На лицевой ее стороне слева на виньете из колосьев, цветов и фруктов под императорской короной с развевающейся лентой – фигурный щит с изображением герба Саратовской губернии (трех стерлядей, размещенных в виде вилообразного креста), справа на фоне надпись: «От саратовского губернского земства». Обратная сторона: слева с сиянием вокруг головы сидящая аллегорическая женская фигура в античном платье с венком на голове. Правой рукой она опирается на фолиант с надписью: «1864. Земские учреждения». Женщина держит в левой руке горящий факел; на земле у ее ног – корзина с плодами и розами, снопы, инструменты, орудия и предметы сельскохозяйственного быта (грабли, коса, серп, двуручная пила, молоток, наковальня, колесо и дуга); на втором плане – пахущий плугом на паре лошадей крестьянин. Вдали около железнодорожного полотна и телеграфной линии – каменные фабричные здания с дымящейся трубой, справа на железнодорожном мосту – товарно-пассажирский поезд, слева на реке – колесный грузовой пароход, за рекой на горизонте – горы¹². Внизу у обреза – «П. Стадницкий». Диаметр медали 76 мм (рис. 10).

Указанная медаль не имеет даты, поскольку, видимо, предполагалось использовать ее в нескольких последующих выставках, так как практика их вручения показала, что наград либо не хватает, либо часть их остается невостребованной. Если на медали стоит какая-то определенная дата, то повторно ее использовать уже нельзя. Необходимо заметить, что П. Г. Стадницкий использовал одну и ту же модель (с изображением сидящей женщины с факелом) на медали сельскохозяйственной выставки и на медали в память открытия Саратовского императорского университета в 1909 году¹³.

Особо следует отметить медали сельскохозяйственных выставок, проводившихся в г. Новоузенске, входившем ранее в Самарскую губернию.

Лицевая сторона медали: «Посредине – увенчанный градскою короной щит с изображениями: во главе – на штрихованном фоне перевязанного лентою снопа и в левом верхнем углу влево обращенного оленя, а в нижней половине – на гладком фоне плуга; вокруг щита два венкообразно связанных и перевитых лентою колоса ржи. – Надпись по окружности: Новоузенская сельскохозяйственная вы-

¹¹ Саратовский листок. 1902. 29 авг.

¹² Смирнов В. П. Указ. соч. С. 683–684.

¹³ Нумизматический сборник / Под ред. А. В. Орешникова. М., 1911. Т. 1. С. 671.

ставка 1901 года». На оборотной стороне посередине: «От Новоузенского земства». – Надпись по окружности: «За успехи и трудолюбие в сельском хозяйстве»¹⁴. Диаметр медали 57,4 мм. Существуют новоузенские медали разного диаметра, как не датированные, так и с датой: 1901 год (рис. 11)¹⁵.

Будем надеяться, что со временем «белых пятен», связанных с наградами саратовских сельскохозяйственных выставок, станет меньше. Во всяком случае, какие-либо медали по этой тематике после 1902 г. нам неизвестны.

¹⁴ Энгельский краеведческий музей. № 4331. Серебро, Б. г.

¹⁵ Смирнов В. П. Указ. соч. С. 655.

«ВАВИЛОВСКАЯ» КОЛЛЕКЦИЯ
САРАТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

Одним из традиционных направлений деятельности Саратовского областного музея краеведения является увековечивание памяти и пропаганда наследия выдающегося русского биолога XX века Н. И. Вавилова, ученого с мировым именем и трагической судьбой. Н. И. Вавилов не является нашим земляком в полном смысле этого слова. Однако научные, общественные, личные стороны его жизни тесно связали его имя с Саратовом. Родился Николай Иванович Вавилов в 1887 г. в Москве, там же получил образование. С 1921 по 1940 г. жил в Петрограде – Ленинграде и работал директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР). В Саратове он прожил всего 3,5 года, с 1917 по 1921 г. Именно здесь состоялся Вавилов-ученый, исследователь. Он преподавал на Высших сельскохозяйственных курсах, затем работал профессором и заведующим кафедрой частного земледелия и селекции агрономического факультета СГУ. В 1918 г. был избран помощником председателя Петроградского отдела (в прошлом бюро) по прикладной ботанике Ученого сельскохозяйственного комитета, но из Саратова уехал не сразу. В годы гражданской войны, голода и разрухи он создал саратовское отделение Петроградского отдела по прикладной ботанике. Фактически в это время только под Саратовом проводились научно-исследовательские работы по сортоизучению, иммунитету растений и генетике.

В годы, проведенные в Саратове, Н. И. Вавилов сделал научные обобщения, принесшие ему мировую славу. В 1919 г. была завершена работа «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», которая дает право считать Н. И. Вавилова основателем учения об иммунитете растений. В 1920 г. на III Всероссийском съезде по селекции и семеноводству, проходившем в Саратове, ученый сформулировал знаменитый общебиологический Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. На съезде Н. И. Вавилов был назван «Менделеевым в биологии». Еще в 1917 г. в своей первой вступительной лекции «Основные задачи сельскохозяйственного растениеводства» ученый сформулировал «кредо» агронома-растениевода, заключавшееся в трех основных задачах по изучению дикой и культурной флоры мира, созданию рукотворных растительных форм.

В Саратове Н. И. Вавилов приступил к исполнению своей программы. В 1920 г. профессор, совместно с сотрудниками и студентами своей кафедры частного земледелия и селекции агрофака СГУ, осуществил экспедицию по исследованию культурной флоры Юго-Восточного региона России. В качестве регионального отчета о проделанной работе им был написан очерк «Полевые культуры Юго-Востока», который Николай Иванович посвятил нашему краю. Это явствует из эпиграфа, звучавшего в те годы пророчески: «Солнечному, знойному, суровому краю настоящей и будущей агрономии Юго-Востока как дань за несколько лет приюта и гостеприимства посвящает этот очерк. Автор».

Большое влияние оказал Н. И. Вавилов на становление саратовской сельскохозяйственной школы. В Саратове он активно занимался общественной деятельностью. С 1918–1920 гг. Вавилов состоял членом Совета Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания¹, в ноябре 1918 г., будучи секретарем Юго-Восточного отделения Русского Ботанического общества, основанного в Саратове в 1917 г., участвовал в создании областного музея краеведения².

В 1918 г. родился его первый сын Олег, который в 1920-е гг. жил вместе с родителями в Саратове. В Саратове Н. И. Вавилов встретил свою настоящую любовь. Наша землячка Е. И. Барулина, ученица его «саратовской школы», а впоследствии и коллега, доктор биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории генетики ВИРа, стала его женой.

С Саратовом связаны и последние трагические годы Н. И. Вавилова. 26 января 1943 г., объявленный врагом народа, ученый с мировым именем, действительный член АН СССР, почетный академик 14 иностранных академий и научных обществ, умер от голода в Саратовской тюрьме. На Воскресенском кладбище города покоится его прах. В 1955 г. Н. И. Вавилов был реабилитирован.

Начиная с 1967 г., после того как в 1965 г. было принято постановление Президиума АН СССР о чествовании ученого и пропаганде его научного наследия, в Саратовском областном музее краеведения формируется коллекция материалов о жизни и деятельности Н. И. Вавилова. Начало коллекции положила В. С. Чекрыгина, ко-

¹ Отчеты о деятельности Общества за 1915–1921 гг. // Известия Саратовского общества естествоиспытателей. Саратов, 1925. Т. 1, вып. 4.

торая в то время заведовала отделом природы. Она же явилась автором и первой выставки, посвященной 80-летию выдающегося ученого.

Центральное место в коллекции занимают подлинные материалы о жизни и деятельности Н. И. Вавилова, а также ксерокопии и фотоконии документов, хранящихся в госархивах и спецхранах. Подлинников немного. Они поступили в музей в разные годы от Ю. Н. Вавилова, доктора физико-математических наук, второго сына Н. И. Вавилова, от учеников, соратников, последователей, коллег ученого по ВИРу, из архива ВНИИР имени Вавилова. Особо ценными для нас являются саратовские материалы: фотографии Н. И. Вавилова (в рабочем кабинете³, с сотрудниками на кафедре частного земледелия⁴, за подготовкой к лекции⁵, на учебной ферме Высших сельскохозяйственных курсов⁶, в числе участников III селекционного съезда⁷, на прощальном банкете перед отъездом в Петроград⁸ и др.); документы по организации III Всероссийского съезда по селекции и семеноводству (входной билет № 36⁹ А. Хинчук, участницы съезда, дипломницы Н. И. Вавилова) и по обеспечению продовольствием его участников (справка¹⁰, квитанция¹¹, талон требования¹² и др.) с пометками ученого и его собственноручной росписью.

² Список лиц и представителей от учреждений, прибывших 26 ноября 1918 г. в 7 час. вечера для обсуждения вопроса по организации в Саратове областного музея // НА СОМК, оп. №1, ед. хр. 6-а и 10.

³ Фото. Н. И. Вавилов, профессор СГУ, в рабочем кабинете. Саратов. 1918 г. // НА СОМК нвсп 7528/210.

⁴ Фото. Н. И. Вавилов с сотрудниками в лаборатории кафедры частного земледелия и селекции // НА СОМК нвсп 7528/94.

⁵ Фото. Н. И. Вавилов, профессор агрофака СГУ за подготовкой к лекции. 1919 г. // НА СОМК нвсп 7528/160.

⁶ Фото. Н. И. Вавилов и Д. Н. Прянишников среди преподавателей и слушательниц Саратовских высших сельскохозяйственных курсов на учебной ферме. 1918 г. // НА СОМК СМК 60704/19.

⁷ Фото. Участники III Всероссийского съезда по селекции и семеноводству. г. Саратов. 4-13 июня 1920 г. // НА СОМК нвсп 7528/121.

⁸ Фото. Прощальный банкет по поводу отъезда Н. И. Вавилова в Петроград. 1921 г. // НА СОМК нвсп 7528/77.

⁹ Входной билет №36 А. Г. Хинчук на право участия в III Всероссийском съезде по селекции и семеноводству в Саратове. 1920 г. // НА СОМК СМК 60327.

¹⁰ Справка № 5 от 10.06.1920 г. О перечислении 895 р. на счет губпродкома в Саратовском отделении Народного банка с припиской Н. И. Вавилова, что на эти деньги приобретено 1,5 пуда свежей рыбы // НА СОМК СМК 52158.

¹¹ Квитанция № 2257 о приобретении на 300 руб. 10 фунтов кофе для участников съезда // НА СОМК СМК 52159.

Ценными являются и прижизненно изданные работы Н. И. Вавилова в 1920–1922 гг.: «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости», «Основные задачи сельскохозяйственного растениеводства», «Закономерности в развитии живого мира», «О генетической природе озимых и яровых хлебов», «Полевые культуры Юго-Востока». Экземпляры этих работ находятся в фондах музея.

Пока единственным подлинным документом ленинградского периода жизни Н. И. Вавилова в нашей коллекции является его заграничный паспорт¹³ (эмиграционное правило) от 2 августа 1930 г. на въезд в США для участия в Международной конференции по сельскохозяйственной экономике. Паспорт передан в дар музею Ю.Н. Вавиловым.

«Вавиловская» коллекция музея значительно пополнилась в канун празднования 100-летнего юбилея ученого, которое совпало с начавшейся в стране перестройкой. 1987 год ЮНЕСКО был объявлен «годом Вавилова». Среди ценных документов, поступивших к нам из архива ВНИИР, большой интерес вызывают ксерокопии переписки Н. И. Вавилова, преподавателя Саратовских высших сельскохозяйственных курсов с Р. Э. Регелем, председателем Петербургского отдела по прикладной ботанике.

Письма, написанные в 1917 и 1918 гг., дают представление о сложной экономической и политической обстановке как в целом по стране, так и в Саратовской губернии в первые годы советской власти. Они знакомят в то же время с разносторонней и кипучей деятельностью Н. И. Вавилова, молодого ученого в его саратовский период жизни.

Предложение Р. Э. Регеля об избрании его помощником председателя Н. И. Вавилов принял с условием, что может вступить в должность только через год после завершения начатых в Саратове полевых работ¹⁴. В письмах начала 1918 г. он сообщает о намерении провести весной в Саратове «большие посевы злаков, бобовых и льна... и кое-что по иммунитету»¹⁵, при условии «если будем живы и если Содом и Гоморра минует Петроград, несмотря на его великие

¹² Талон требования № 38 на отпуск из пекарни 4 пудов ржаного хлеба для делегатов съезда // НА СОМК СМК 52156.

¹³ Эмиграционное правило №248 от 2 августа 1930 г. на въезд Н.И. Вавилова в США для участия в Международной конференции по сельскохозяйственной экономике / НА СОМК СМК 25323/1.

¹⁴ Письмо Н. И. Вавилова Р. Э. Регелю от 29.09.1917 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29024.

¹⁵ Письма Н. И. Вавилова Р. Э. Регелю от 21.02.1918 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29034 и от 26.03.1918 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29031.

грехи и преступления»¹⁶, имея в виду, очевидно, недавно прошедшие октябрьские события 1917 г. Кстати, одно из писем Р. Э. Регеля в Саратов датировано 25 октября 1917 г.¹⁷ и имеет короткую приписку: «Кончаю. Через 1–1½ часа отправляюсь дежурить от 12 до 3 часов ночи на улице у ворот с винтовкой в руках (с вечера у нас электричество не горит). Дежурить буду, а что буду делать с непривычной винтовкой, не знаю».

Письмо Р. Э. Регеля от 22 ноября 1917 г.¹⁸ долгое время считалось «крамольным» и ранее никогда полностью не публиковалось. В этом письме Р. Э. Регель дает собственную оценку прошедшему в Петербурге октябрьскому перевороту. Он считает, что основными причинами революции являются «слишком долго удерживавшийся старый режим» и «безжизненность интеллигенции». Далее он поясняет свой вывод следующими рассуждениями: «Созданное старым режимом нагромождение законов и примечаний к ним на старых законах Сперанского привели к такой неразберихе, что никто уже не мог жить по закону, а между тем все более усложнявшийся, невероятно тяжелый правительственный механизм покоился на этом беззаконии... Что же касается нашей интеллигенции, то они говорят и пишут красно и умно... В решительный момент разговаривают, умно разговаривают вместо того, чтобы действовать, вечно какие-то компромиссы и полумеры, чем и воспользовались гг. большевики. Большевики даже не политическая партия, не прежние максималисты, а вообще черносотенцы слева, объединившие ярых сторонников мира самых различных политических воззрений, одержавших верх, потому что привыкли планомерно и решительно действовать в подходящий момент, не стесняясь средствами и пользуясь темными инстинктами невежественной толпы, в городах и в армии. Большевицкий период был неизбежен и необходим, но жаль, что он наступил только теперь перед самым Учредительным собранием... что все это, вся революция случилась до заключения мира, а не после этого». И в конце: «Неизвестно, выйдем ли мы с вами живыми из этого хаоса. Это особенно сомнительно относительно меня, так как я не пойду на компромиссы. Но пока что будем делать свое дело, мирное дело, никакого отношения к политике не имеющее». Ибо, как считал Регель, а впоследствии и его верный

¹⁶ Письмо Н. И. Вавилова от 12.11.1917 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29028.

¹⁷ Письмо Р. Э. Регеля Н. И. Вавилу от 25.10.1917 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29026.

¹⁸ Письмо Р. Э. Регеля Н. И. Вавилу от 22.11.1917 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 29030.

преемник и ученик Н. И. Вавилов, «наука не только аполитична, интернациональна, но даже интерпланетна».

Поступила в коллекцию музея и ксерокопия доносного письма на Н. И. Вавилова от 17 марта 1938 г. Г. Н. Шлыкова¹⁹, старшего научного сотрудника отдела новых культур ВИР (впоследствии заведующего отделом), одного из тех у кого, по выражению Вавилова, отсутствуют «гены порядочности». Из этого документа следует, что у Г. Шлыкова нет конкретных доказательств вины Вавилова, но поскольку в те годы многие были заняты поисками врагов, под образ врага в науке вольно или невольно подгоняли прежде всего своих научных оппонентов, имеющих связь с границей, выходцев из класса имущих. Вот и Г. Шлыкову «просто трудно представить», и он даже не допускает мысли, «что реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры, как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии... в особенности старой, чтобы он... выходец из среды миллионеров, не был приобщен к их общей организации».

Из ВНИИР имени Вавилова 5 августа 1990 г. получены также фотографии ценных материалов из следственного дела Н. И. Вавилова № 1500 на арест Н. И. Вавилова. Это Постановление²⁰ (первая и последняя страницы), подписанное Л. П. Берия; Приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР²¹, в котором Вавилов «признается виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР», и приговаривается к «высшей мере уголовного наказания – расстрелу»; фото Н. И. Вавилова (анфас и в профиль)²²; заявление-ходатайство²³ «осужденного бывшего академика, доктора биологических и агрономических наук Вавилова Николая Ивановича» на имя Л. П. Берия от 8 августа 1941 г. о предоставлении ему возможности работать по специальности (первая страница).

В коллекции СОМК имеется и текст первого реквиема²⁴, своеобразного поэтического полного горечи некролога, написанного М. Г. Поповым.

¹⁹ Письмо-донос Г. Н. Шлыкова на Н. И. Вавилова от 7.03.1938 г. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 30312/15.

²⁰ Постановление на арест Н. И. Вавилова. Фотокопия // НА СОМК нвсп 32110.

²¹ Приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 9.07.1941 г. Фотокопия // НА СОМК нвсп 32109.

²² Фото Н. И. Вавилова, заключенного (в анфас и в профиль). Фотокопия // НА СОМК нвсп 32107.

²³ Заявление Н. И. Вавилова на имя Л. П. Берия. Фотокопия // НА СОМК нвсп 32108.

²⁴ Первый реквием (некролог) «На смерть В-ва», написанный М. Г. Поповым. Ксерокопия // НА СОМК нвсп 32963.

1.01.44 г.

«На смерть В-ва»:

«Тот, кто смачивал по ночам свою подушку у изголовья слезами горя,
тот не знает Вас, силы небесные!»

(Вордсворт).

Он умер, умер в тюрьме... Горькие слезы, несомненно, не раз смочили его подушку... мы, дети его духа, даже не имеем того утешения, о котором писал неизвестный поэт, солдат отряда генерала Мура: «Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили...». Он был счастливее нас, этот безвестный солдат, он все же сам похоронил своего вождя, дав ему покой в великой, хотя и чуждой земле... Мы и последний не отдали долг и вечную память не спели!...

«Есть в Англии на юге замок Рединг (Саратов). И ров глубокий в нем, в том рву лежит несчастный, съедаемый огнем».

(О. Уайльд)

«Мир праху твоему, друг, отец и учитель!».

«Посыпал пеплом я главу, из городов бежал я, нищий,

И вот в пустыне я живу..., как птица, даром божьей пищи».

Михаил Григорьевич Попов – наш земляк, уроженец г. Вольска, крупный ботаник-эволюционист, соратник и коллега Н. И. Вавилова по ВИРу. В 1939 г., после первого погрома ВИРа, М. Г. Попов был репрессирован и сослан в Самарканд. Этот реквием он написал практически через год после смерти Н. И. Вавилова, как только узнал о его гибели от приехавшей из Саратова дочери. Так как писать в те годы открытым текстом было опасно, М. Г. Попов выразил свои горькие чувства по поводу смерти друга и учителя подходящими по смыслу строками из поэм О. Уайльда «Тюремная исповедь» и «Баллада о Редингской тюрьме».

Свое собственное расследование последних лет и даже дней жизни Н. И. Вавилова в Саратовской тюрьме провел саратовский журналист А. Б. Амусин, который, будучи редактором журнала «Степные просторы», в течение трех лет, с 1987 по 1989 гг., осуществлял публикацию воспоминаний о Н. И. Вавилове в рубрике «У истоков отечественной науки». В семи номерах журнала (с 6 по 12) за 1989 г. (переданы в музей) напечатан его очерк «Вечный иск». А. Б. Амусин передал в музей также фотокопии с документов из архивного тюремного дела Н. И. Вавилова, заключенного саратовской тюрьмы №1 УНКВД. Среди них история болезни²⁵, акт о его смерти²⁶ и акт

²⁵ История болезни (обложка) больного Н. И. Вавилова, заключенного Саратовской тюрьмы №1 УНКВД. Фотокопия // НА СОМК нвсп 30149.

судебно-медицинского вскрытия²⁷. Эти документы свидетельствуют об основной причине смерти ученого – дистрофии. По сценарию А. Б. Амусина оператором А. Фокеевым в народной студии «Спектр» – при техникуме электронных приборов имени П. М. Яблочкова снят любительский хроникально-документальный фильм «Киносоната»²⁸ (новое о судьбе Н. И. Вавилова). В этом фильме есть уникальные кадры – беседа журналиста с В. Игнатьевым, тюремным надзирателем и врачом-судмедэкспертом З. Рязевой, вскрывавшей тело Н. И. Вавилова. Фильм на республиканском и союзном конкурсе любительских фильмов был удостоен звания лауреата. Он приобретен музеем и переснят на видеокассету.

Передали в музей свои воспоминания о Н. И. Вавиллове наши земляки-саратовцы В. П. Савин и Н. М. Паржин²⁹. Каждый из них в свое время соприкоснулся с судьбой Н. И. Вавилова и сохранил в душе память и боль об этом замечательном ученом и человеке.

В. П. Савин работал в нашей области заведующим Ершовским и Краснокутским сортоучастками, директором Краснокутской селекционной станцией. В 1925–1929 гг. он учился в Ленинградском сельскохозяйственном институте, слушал лекции Н. И. Вавилова, заведующего кафедрой селекции и семеноводства. По примеру своего учителя В. П. Савин стал агрономом и селекционером. 32 года из 43 лет его агрономической деятельности были связаны с селекцией и семеноводством.

Н. М. Паржин 16-летним подростком был арестован в 1940 г. как член надуманной молодежной организации под названием «Литературный кружок». Эта организация якобы имела целью свержение советской власти и, помимо активной антисоветской агитации, устраивала читку стихов запрещенных авторов: О. Мандельштама, «кулацкого поэта» С. Есенина и поэта-«монархиста» Н. Гумилева. Н. М. Паржин был осужден на 8 лет ИТЛ, а позже еще на 5 лет. Во второй половине октября 1941 г. в тюремной камере Саратовской тюрьмы №1 УНКВД он встретился с Н. И. Вавиловым, прибывшим сюда с Бутырским этапом. Как описывает Н. М. Паржин, «гости выглядели ужасно – измученные до предела, обросшие, с бледно-зелеными лицами, одежда измятая». Имя Н. И. Вавилова в то время

²⁶ Акт о смерти заключенного Н. И. Вавилова. Фотокопия // НА СОМК нвсп 30149.

²⁷ Акт судебно-медицинского вскрытия трупа Н. И. Вавилова. Фотокопия // НА СОМК нвсп 30145.

²⁸ Кинофильм «Киносоната» (новое о судьбе Н. И. Вавилова), хроникально-документальный, 16 мм, черно-белый // НА СОМК СМК 52995.

²⁹ Рядом с Н. И. Вавиловым: Воспоминания Н. М. Паржина // НА СОМК нвсп 33946.

ни о чем не говорило Паржину. Николай Иванович привлек внимание постоянно голодного подростка и покорила его своим мужеством и силой духа, поскольку объявил голодовку, когда ему отказали в просьбе выдать бумагу и карандаш для работы. «Позже в лагерях я видел очень много горя и страданий человеческих, издевательств, смертей моих друзей, – пишет Н. М. Паржин, – но этот поступок на всю жизнь оставил в моем сердце неизгладимый след. Вавилов угадал на глазах. Лицо стало лимонно-серым, глаза ввалились, нос заострился, губы потрескались... Он ослаб окончательно... Вскоре он не мог самостоятельно встать и мы помогали ему подняться».

По воспоминаниям Н. М. Паржина кинорежиссером А. Прошкиным в шести-серийном телевизионном художественном фильме «Николай Вавилов» поставлена сцена в тюрьме.

В нашей коллекции собраны значки, марки, конверты, памятные медали, пригласительные билеты на торжественные заседания, конференции, «Вавиловские» чтения, посвященные празднованию юбилейных дат выдающегося ученого, открытию памятников, мемориальных досок в Москве, Санкт-Петербурге, Полтаве, Саратове.

«Вавиловская» коллекция продолжает пополняться и в настоящее время. В 1990-е гг. от Ю. Н. Вавилова, Т. К. Лассан, заведующей архивом ВИР, М. Е. Раменской, секретаря комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова, поступили новые печатные издания: альбом «Н. И. Вавилов», книги воспоминаний о нем коллег по ВИР: Ф. Х. Бахтеева и Е. Н. Синской, сборник «Соратники Н. И. Вавилова», двухтомник международной переписки ученого, книга М. Поповского «Дело академика Вавилова» и др. К. С. Суминов, победитель второго конкурса на лучший памятник Н. И. Вавилову, подарил музею скульптурный портрет ученого³⁰, вырезанный из бивня мамонта, а также видеозапись проведения конкурса и церемонии открытия памятника 25 ноября 1997 г.³¹ (ранее, в 1977 г., к 90-летию юбилею Н. И. Вавилова он передал в музей скульптурный бюст и памятную медаль из гипса). Конкурс был проведен в канун 110-годовщины со дня рождения Н. И. Вавилова и был инициирован коллективным письмом-ходатайством сотрудников нашего музея³².

³⁰ Скульптурный портрет Н. И. Вавилова из кости мамонта. Автор К. С. Суминов // НА СОМК СМК 68631.

³¹ Видеозапись с записью проведения в Саратове второго конкурса на лучший памятник Н. И. Вавилову и открытия памятника 25.11.1997 г. // НА СОМК нвсп 39162.

³² Письмо коллектива научных сотрудников СОМК П. А. Земцову, начальнику Управления культуры администрации г. Саратова от 25.10.1996 г. // НА СОМК, оп. №1, ед. хр. 1331, л. 56-58.

В 70-80-е гг. музей неоднократно выходил в вышестоящие государственные и советские органы, обращался к общественности с предложением о создании в нашем городе более широкой экспозиции о Н. И. Вавилове, гениальном русском ученом XX столетия. Однако эти предложения остались без ответа. Не теряем надежды, что когда-нибудь «вавилонская» коллекция СОМК послужит основой для открытия в Саратове музея Н. И. Вавилова.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ В СОБРАНИИ
САРАТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ
(конец XVIII – начало XX века)

Коллекция русского народного костюма в Саратовском областном музее краеведения, насчитывающая около 400 предметов, включает в себя образцы мужской и женской праздничной и будничной одежды конца XVIII – начала XX вв. В ней собраны как отдельные ее детали, так и полные комплексы, а также различные дополнения: головные уборы, украшения, обувь, бытовавшие в основном на территории бывшей Саратовской губернии, в том числе в Сердобском и Камышинском уездах¹. Единичными экземплярами представлена одежда Самарской губернии (Новоузенский уезд), Пензенской губернии (бывший Керенский уезд)², Калужской, Тамбовской, Московской губерний.

Начало коллекции было положено в конце XIX – начале XX вв. Саратовской ученой архивной комиссией (СУАК), в книге записей которой значится кубовый косоклинный сарафан с китайчатой накладкой спереди и оловянными пуговицами³.

Очевидно, в 1910-1920 гг. в нее поступили материалы от князей Васильчиковых: Алексея Александровича (1862-1900) и Павла Александровича (1865-1900) – сыновей известного русского коллекционера, директора Эрмитажа Александра Алексеевича Васильчикова. Оба брата были действительными членами СУАК, а один из них (Алексей) – хранителем музея СУАК. Ему принадлежали земли в Петровском и Сердобском уездах. В семье Васильчиковых хранилась большая коллекция старинных вещей⁴. Музею из нее были переданы праздничные шитые золотом кокошники. К сожалению, не сохранилось никаких записей о времени и месте их создания, социальной принадлежности.

Коллекция значительно пополнилась в 1920-е гг., когда началось интенсивное этнографическое изучение Саратовского Поволжья

¹ Территория бывшего Сердобского уезда Саратовской губ. в настоящее время входит в состав Пензенской области, Камышинского уезда – Волгоградской области.

² Ныне – Заметчинский район.

³ Инвентарная книга «Запись вещей музея СУАК». Т. II. Хранится в Саратовском областном музее краеведения.

⁴ Савельева Е. К. Коллекция Юрьевичей и Васильчиковых // *Дворянские усадьбы Саратовской губернии*. Саратов, 1998. С. 35.

под руководством известного ученого-этнографа профессора Б. М. Соколова (1889–1930)⁵.

Первая этнографическая экспедиция Б. М. Соколова работала в Хвалынском уезде два летних месяца 1920 г. Участники экспедиции – студенты и профессора Саратовского государственного университета обследовали 20 сел, из них 10 русских: Елшанка, Черемшан, Павловка, Кадышовка, Шляковка, Поселки, Еремкино, Подлесное, Селитьба⁶.

Собранный материал, включая русскую народную одежду, лег в основу этнографического отдела, созданного Б. М. Соколовым в музее бывшей СУАК⁷. В основном это вещи из с. Елшанка: кубовый косоклинный сарафан с широкими проймами, сарафан «московский» черного мелкоузорчатого ситца, праздничные женские рубахи-станушки из мелкоузорчатого розового ситца и красной крашенины, мужские рубахи, круглые пояса из разноцветного гаруса, волосники (повойники).

Для изучения русской мешеры в 1921 г. организуется поездка студентов СГУ во главе с М. П. Советовым в села Мещерское и Никольское Сердобского уезда бывшей Саратовской губернии, в результате которой музейные фонды обогатились одеждой южновеликорусского поневного комплекса⁸.

Значительное количество одежды было собрано Б. М. Соколовым во время экспедиции 1923 г. на территории Петровского уезда. Однако почти весь материал после экспонирования на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве поступил в центральный музей народоведения – ныне Российский этнографический музей (РЭМ), организатором и директором которого был Б. М. Соколов⁹.

Последовавшие после этого (1924–1925) экспедиционные сборы в Вольском и Саратовском уездах дополнили музейную коллекцию¹⁰. Следует отметить приобретение в с. Голицыно Саратовского уезда редкого старинного головного убора-кокошника из малинового штофа и парчовых лент, имеющего форму полумесяца, датируемого по аналогичным материалам Государственного Исторического музея (ГИМ) XVIII веком.

⁵ Рыков П. С. Памяти ученого-общественника Б. М. Соколова // Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 5–10.

⁶ Степанов П. Д. Из истории этнографических исследований в Саратовской области // Тр. Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 193.

⁷ Рыков П. С. Указ. соч. С. 7–8.

⁸ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 41, л. 1–7.

⁹ Рыков П. С. Указ. соч. С. 7–8.

¹⁰ Степанов П. Д. Указ. соч. С. 196.

Работу по исследованию русского населения с 1925 г. возглавила сотрудница областного краеведческого музея Т. М. Акимова. Она выезжала (1925 г.) в деревню Гартовка Саратовского уезда¹¹, а в 1927 г. в Петровский уезд¹², откуда привезла 10 комплексов праздничной одежды пожилых и молодых замужних женщин, состоящих из сарафанов, рубах, юбок с кофтами, поясов, обуви, головных уборов и украшений, а также мужские рубахи-косоворотки.

Сбор русской одежды во 2-й половине 1920-х гг. велся в основном в этнографических экспедициях к другим народам: мордве, чувашам, украинцам. Из экспедиции к украинцам 1929 г., возглавленной Т. М. Акимовой, поступило несколько образцов русской одежды, среди них сарафан-мисинер, вышитый тамбуром, и несколько поясов.

В 1937-1938 гг. Т. М. Акимова выезжала в села бывшего Балашовского уезда¹³, к сожалению, полученные здесь материалы остались без легенд.

За период с 1938 по 1956 гг., в связи с прекращением собирательской работы, в коллекцию поступило всего лишь несколько предметов.

Затем экспедиционная работа была возобновлена, и коллекция русской народной одежды вновь стала пополняться. В 1956 г. совместно с ГИМ была проведена историко-бытовая экспедиция в бывший Хвалынский уезд, в результате которой в музей поступил полный костюм русской крестьянки с. Елшанка. Он состоит из самотканной «станушки» с рукавами из фабричной материи, гарусного малинового сарафана, атласного головного платка и «вязанок» или «обувок» – обуви, связанной из разноцветной шерсти. Кроме того, были приобретены шерстяные и ситцевые платки, образцы мужской одежды. Большая коллекция одежды была собрана для Государственного Исторического музея¹⁴. В этом же году состоялась экспедиция в бывший Вольский уезд, возглавленная В. Я. Рассудовой. В числе поступивших в отдел тканей предметов были круглый (московский) хлопчатобумажный оранжевый сарафан, праздничная белая рубаха, вышитая черной шерстью работы А. И. Рябовой.

¹¹ Акимова Т. М. Краткий отчет о деятельности отдела этнографии Нижне-Волжского областного научного общества краеведения (Н-В ОНОК) за 1922-1923 гг. // Тр. Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. С. 2.

¹² Степанов П. Д. Указ. соч. С. 199.

¹³ Там же. С. 200.

¹⁴ Рассудова В. Я. Историко-бытовая экспедиция в Хвалынский р-н // Тр. Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 200.

В 1960–1990 гг. коллекция пополнялась, в основном, через закупочную комиссию. Среди поступлений этого времени следует особо отметить наиболее ранний по времени косоклиный кубовый сарафан конца XVIII в. крестьянки с. Лысье Горы Аткарского уезда Саратовской губернии. Большой удачей было приобретение свадебной одежды казачки с. Александров Гай Ираиды Гурьевны Кулаковой и аналогичного сарафанного комплекса, бытовавшего в г. Уральске. Через закупочную комиссию в этот период в музей поступил косоклиный сарафан из репса винного цвета и шущун купчихи-старообрядки Евдокии Алексеевны Симариной, малиновая шелковая рубаша-косоворотка, два чапана конца XIX в., свадебный женский костюм – из юбки и блузки, сшитый в 1921 г.

Приобретение в 1961 г. одежды русской мещеры с. Красная Дубрава бывшего Керенского уезда Пензенской губернии обогатило южновеликорусский костюмный комплекс, хранящийся в музейных фондах.

Значительное количество материала поступило в фонды музея в результате экспедиции 1975 г. в Екатериновский район (бывший Сердобский уезд Саратовской губернии). Костюм из сатиновой юбки с кофтой, несколько кофт и юбок с городским влиянием, женские и мужские пояса, платье девичье «мисинер» из белого ситца с голубыми цветами, рубахи, пальто «гейша» (короткое приталенное пальто) из коричневого сукна – дополнили комплекс одежды переходных и новых форм. Богатством вышивки отличается рубаха-рукава, приобретенная во время экспедиции 1995 г. в Екатериновский район.

Собрание народной одежды Саратовского областного музея краеведения и в настоящее время пополняется через закупочную комиссию.

Достоинством коллекции народного костюма является то, что в ней представлены все комплексы одежды, бытовавшие на территории Европейской России. Это своеобразие вызвано особенностями заселения Саратовского края. Сюда стекались жители разных местностей России, а в более поздний период XVIII–XIX вв. – выселялись часто целыми деревнями представители разных географических полос нашей страны⁴⁵. В северо-восточной части Саратовской губернии, заселенной, главным образом, северными великоруссами, преобладал сарафанный комплекс одежды, состоящий из рубахи, сарафана, пояса, передника.

⁴⁵ Соколов Б. М. Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этнографический сборник. Саратов. 1922. Вып. 1. С. 7.

Т. М. Акимова, посетившая в 1925 г. деревню Гартовку Саратовского уезда, отмечает, что юбку носить здесь считалось большим грехом. «Еще на том свете на меня обруч не надели» – говорили про юбку крестьянки этой деревни¹⁶.

Старинной женской одеждой здесь был «русский (косоклиный) сарафан с золотыми полосами и блестящими пуговицами, весь вырезной из 6 клиньев «самотканной материи синего цвета». Синили холсты немцы в колониях, назывался сарафан китайка (по типу ткани-китайки)¹⁷.

Долгое время сохранялся сарафанный комплекс в Хвалынском и Петровском уездах. Возможно, что в Хвалынском уезде сарафанный комплекс ведет свое происхождение от старообрядцев, которые берегли его как культовую одежду.

В дневниковых записях экспедиции 1920 г. в Хвалынский уезд отмечается, что в с. Павловка носили кокошники, «а шитый золотом сарафан и сейчас носят»¹⁸. По рассказам крестьянок с. Елшанка этого же уезда, «за недостатком материи девушки шьют юбки, старухам же в юбках ходить негоже»¹⁹.

Б. М. Соколов отмечает, что у некоторых старух с. Топлое Петровского уезда «сохранился старинный русский сарафан с «промцами» (лямками) китайчатый, из шести выкроенных полотнищ с каймой спереди и на подоле. Спереди вдоль каймы нашиты пуговицы и петли». Обычно старухи берегли себе такие сарафаны на смерть²⁰.

Основная часть одежды сарафанного комплекса поступила в музей из Хвалынского и Петровского уездов. В нее входят сарафаны косоклинные и московские (круглые), рубахи-станушки, обувь (коты и ботинки), бусы, серьги, кольца. Костюм крестьянки с. Русская Норка Петровского уезда 1870–1880 гг. (СМК № 2407/1–10) состоит из рубахи-станушки, сшитой из кубового ситца в мелкий красный цветок (стан), и поскони (подстава), круглого (московского) сарафана из темнозеленого в розочку ситца, шерстяного пояса в продольную разноцветную полоску с кистями из розового, оранжевого, красного, зеленого гаруса. К поясу крепится карман-лакомка, выполненный из разноцветных лоскутов. Эта одежда дополнялась ситцевым платком с цветочно-растительной каймой, вязанными на спицах чушками из белой овечьей шерсти, туфлями-котами из чер-

¹⁶ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 74, л. 10.

¹⁷ Там же л. 10.

¹⁸ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 10, л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Соколов Б. М. По Петровскому уезду // Тр. Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. С. 10.

ного плиса (бархата), расшитыми красной и зеленой шерстью, и янтарным ожерельем.

Великолепным образцом золотошвейного искусства является свадебная одежда казачки из с. Александров Гай Новоузенского уезда Самарской губернии Ираиды Гурьевны Кулаковой ее собственной работы. Она состоит из рукавов белого репса, богато расшитых золотой нитью орнаментом из цветов и веток, косоклинного сарафана кремового шелка с узором из мелких цветных букетов, украшенного золотым галуном и белыми стеклянными пуговицами в кастах желтого металла. Костюм дополняют пояс из золотного галуна и косинка-головка из белого шелка, расшитая золотными нитями.

Южные и западные части губернии были, главным образом, южновеликорусскими. Здесь в XVIII в. был распространен поневный комплекс, состоящий из юбки-поневы, рубахи с косыми поликами, носовжи, передника, головного убора «сороки». Этот тип одежды считается характерным для Калужской, Тульской, Рязанской губерний²¹. С середины XIX в. начинается замена понев сарафаном, а в начале XX в. – юбкой с кофтой. Саратовские этнографы, обследовавшие губернию в 1920-е гг., отмечают бытование этого комплекса в с. Мещерское Сердобского уезда, где он сохранился в полном своем сложном ансамбле²². Поневный и сарафанный комплекс являлись старинной одеждой.

В начале XX в. распространяется костюм из ситцевой или сатиновой юбки в широкую сборку и короткой узкой кофты, которую надевали на старинную рубаху стан с рукавами. Участники экспедиции 1923 г. наблюдали в с. Козловка необычайно пеструю толпу женщин, шедших в церковь в одежде, в которой доминировала красная, зеленая, желтая и синяя цветовая гамма.

Женская одежда в коллекции представлена: рубахами, кофтами, сарафанами, душегреями, юбками, поневами, носовжами, передниками, головными уборами, поясами, чулками, обувью; мужская одежда – рубахами, портами, поясами, головными уборами, обувью.

Верхняя одежда (мужская и женская) состоит из кафтанов, зипунов, шуб, пальто, тулупов, чапанов.

Наиболее полно и разнообразно представлена женская одежда, среди которой значительное место занимают рубахи. Они делятся на несколько типов: с прямыми поликами, косыми поликами и бесполиковые. Преобладают рубахи-станушки с прямыми поликами, бытовавшие в селах Елшанка, Еремкино Хвалынского уезда, Гар-

²¹ Лебедева А. А. Северо-западные, западные и южные губернии центра // Крестьянская одежда населения Европейской России. М., 1971. С. 38–39.

²² НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2–5.

товка Саратовского уезда, Русская Норка, Кузнецовка Петровского уезда, Озерки Аткарского уезда.

Отличительная черта кроя этих рубах – плечевые прямоугольные вставки, соединяющие передние и задние полотнища и расширяющие плечевую часть (прямые полики). Такая рубаха характерна для северных великоруссов, населяющих центральные части России и районы их расселений. Носилась она с сарафаном²³. Для их изготовления использовали холст, пестрядь, кумач, крашенину, мелкоузорчатый ситец, посконь. Шились они составными из трех полотнищ. В Саратовской губернии верхняя часть называлась станушкой, рукавами, нижняя – подставой, станом. Неглубокий овальный вырез ворота собирался под узкую обшивку, рукава делались широкими либо скошенными к запястью, с квадратной или треугольной ластовицей. Рубахи с прямыми поликами различались по месту пришива поликов, по утку или основе. Рубахи в нашей коллекции имеют полики, пришитые по утку, исключение составляет рубаха крестьянки Калужской губернии (СМК, инв. № 2543). Полики, пришитые по основе, напоминают косые.

Вышивка на рубахах встречается довольно редко. Выполнялась она в технике «тамбур», «двусторонний шов», «набор», «крест» и «гладь», в традиционной красно-белой гамме. В орнаментации преобладают кресты, ромбы, углы, розетки, стилизованные цветы и листья. Вышивались, как правило, подола праздничных рубах, реже ворот и рукава, для отделки которых чаще использовали узорчатую тесьму, сутаж, пестрядь, шелковые ленты, узкое белое и черное фабричное кружево. Подчеркивались запястье, рукава. Для декорирования подола использовали полосы красной вышивки или узорчатого ткачества от старых рубах.

Рубаха-станушка конца XIX – начала XX в. (СМК, инв. № 2599), изготовленная из белого хлопчатобумажного полотна и поскони, закончена красной тканой полосой, орнамент которой состоит из ромбов с продленными сторонами с квадратами в фоне.

Для украшения подола рубахи (СМК, инв. № 2407/5) пожилой женщины с. Русская Норка Петровского уезда, сшитой в 1870-х гг., использованы три фрагмента вышивки набором с узором в виде восьмилепестковых розеток, перемежающихся с фигурными столбиками, окаймленных двумя рядами полос и зигзагообразных линий, ромбов, полос, шашечек.

Привлекает внимание вышивка холщовой рубахи-рукава начала XX в. крестьянки с. Комаровка Сердобского уезда (СМК, инв.

²³ Арсеньева Е. В. Центр Европейской части России // Крестьянская одежда населения Европейской части России. М., 1971. С. 21.

№ 60536). Выполненная в технике «крест» и «набор» красной и черной шерстью орнаментом из стилизованных цветов и листьев, она подчеркивает полики груди, плечо, оборки рукавов.

Красочностью убранства выделяется праздничная рубаша второй половины XIX в. крестьянки Калужской губернии (СМК, инв. № 2543). Сшита она из белого холста. Широкие длинные кумачовые рукава в верхней их половине вышиты «крестом» белой, черной, красной бумагой, орнаментом в виде крупного геометризированного цветка и зигзага, с расходящимися от него геометризованными цветами. Край рукава подчеркнут узким черным кружевом фабричной работы, подол выложен полосой красной затканки, дополненной вышивкой крестом, узором из «Древа жизни», стилизованных цветов и веток. Носилась эта рубаша с распашной поневой (СМК, инв. № 2545), запоном «с грудью» (СМК, инв. № 2542), сорокой (СМК, инв. № 2544).

К типу рубах бесполиковых относится рубаша-станушка с. Кузнецовка Петровского уезда Саратовской губернии (СМК, инв. № 3476). Бесполиковая рубаша являлась более поздним вариантом рубахи с прямыми поликами. А.А. Арсеньева считает, что она появилась в Ярославской, Тверской, Нижегородской губерниях в результате бывшей новгородской колонизации²⁴. Станушка из с. Кузнецовка выполнена из тонкого белого холста. Ее густо присборенный ворот, завязывающийся на тесемки, подчеркнут узкой полосой вышивки красными бумажными нитями, выполненной в технике набор геометрическим орнаментом. Длинные широкие рукава, присборенные к запястью, вышиты белыми бумажными нитями прорезной гладью (СМК, инв. № 3476).

Рубахи южновеликорусского комплекса в коллекции представлены русской мещерой из с. Мещерское Сердобского уезда Саратовской губернии и с. Красная Дубрава Керенского уезда – ныне Заметчинского района Пензенской губернии. Особенностью их являются треугольные вставки на плечах – «косые полики». Мещерские рубахи (рукава) делались длинными, «в две руки», с кумачовыми поликами, украшались в верхней половине вышивкой, нашивками, рядами серебряной тесьмы, блесток, тканым узором из красных, желтых, белых полос. Нижняя половина рукава подбиралась под верхнюю²⁵. Решены они в традиционном строгом сочетании белого и красного. При общности кроя красnodубравские рубахи отличались прежде всего колоритом. В сочетание белого и красного вплетаются сиреневые, малиновые цвета. Стойка воротника, грудной

²⁴ Арсеньева Е. В. Указ соч. С. 24.

²⁵ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2.

разрез «праздничных рубах» села Красная Дубрава отмечены полосами вышивки, выполненной красной, зеленой и розовой шерстью, блестками. Кумачовые нашивки на рукавах дополнены шелковыми сиреневыми, желтыми и красными лентами, тесьмой, полосами малинового атласа.

В начале XX в. широкое распространение получают кофты. В селе Кутино Петровского уезда была распространена кофта-разлетайка из яркого сатина. Ее носили поверх видоизмененного сарафана – мисинера²⁶. В 1920-е гг. этот костюм был редок. Тогда входят в моду короткие узкие кофты из сатина, ситца, одевались они на старинную рубаха-стан с рукавами. В деревне Гартовка Саратовского уезда были распространены короткие кофточки «чуть-чуть» до талии, с кокеткой²⁷.

В 1920-е гг. в моде были кофты с басками, ниже талии. В Петровском уезде их называли «блюсками»²⁸. В музейной коллекции хранится несколько праздничных кофт из Аткарского, Сердобского, Хвалынского уездов. Сшитые из кумача, сатина, ситца, ручного кружева, клетчатой пестряди, они разнообразны в крое: узкие, прямые, расширенные книзу, короткие до талии или на полчетверти ее длиннее, с воротником-стойкой или без воротника. Праздничные кофты вышивали цветной бумагой, геометрическим орнаментом: из крестов, ромбов, зубчатых розеток. Подол, запястье обшивали кружевом, лентами. Интерес представляет праздничная кофта, бытовавшая в семье сельского старосты с. Ключевка Аткарского уезда (СМК, инв. № 2511), сшитая из чередующихся полос кумача, китайки, кружева, вязанного на коклюшках.

Основу комплекса одежды крестьянок, переселившихся в Саратовскую губернию с севера России и ее центральных районов, составляли сарафаны. Сарафаны, представленные в музейной коллекции, различны по крою и тканям. Самые ранние из них – это косоклинные распашные «русские» сарафаны, называвшиеся китайками или кумачниками (по виду ткани-китайки, кумача).

В музейной коллекции хранится несколько косоклинных сарафанов из с. Голицыно, сел Новинки Саратовского уезда, Русская Норка Петровского уезда, с. Елшанка Хвалынского уезда, с. Лысье Горы Аткарского уезда. Сшиты они из синего и красного холста, китайки, репса, шелка. Перед выкроен из двух прямых полотнищ, спинка из одного прямого, в боках вставлено по два глубоких клина с подклинниками. У некоторых сарафанов спинка выкроена из косых по-

²⁶ Соколов Б. М. По Петровскому уезду. С. 11.

²⁷ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 74, л. 3.

²⁸ Соколов Б. М. По Петровскому уезду. С. 11.

лотниц. Лямки у большинства сарафанов узкие, сзади образуют маленькую спинку. Застежка делалась спереди на длинный ряд оловянных или медных пуговиц. Вдоль разреза, на груди, подоле косоклинный сарафан выкладывался позументом, шелковым и позументным шнуром, полосами шелка, бархата, ситца. Лямки обшивались красным холстом, ситцем, подол льняным шнуром.

Праздничный косоклинный распашной кубовый сарафан крестьянки с Лысые Горы Аткарского уезда датируется концом XVIII в. и является наиболее ранним среди сарафанов, представленных в коллекции (СМК, инв. № 15681). Грудь и передние его полы выложены полосами золотистого рубчатого шелка с узором в виде стилизованных гвоздик. Представляет интерес подкладка сарафана, сделанная из набойки XVII в. с дорогильным (в виде полос – дорог) узором.

Свадебный сарафан кумачник крестьянки с Русская Норка Петровского уезда середины XIX в. сшит из красной льняной крашенины, в боках вставлены два глубоких клина с подклинниками, на узких лямках, переходящих сзади в маленькую спинку. Вдоль передних пол, зашитых до середины, положен синий шелковый шнур, посажено 17 оловянных пуговиц, из которых застегиваются только 6 верхних на воздушные петли из синего шелкового шнура. Грудь и верх спинки декорированы полосой шелка, идентичной отделке описанного выше сарафана из с. Лысые Горы (СМК, инв. № 15681). Крой, цвет, ткань отделки кумачника из с. Русская Норка аналогичны сарафану Тверской губернии первой половины XIX в., хранящемуся в ГИМ²⁹.

Китайчатый сарафан с широкой овальной проймой и небольшим прямоугольным вырезом ворота из с. Елшанка Хвалынского уезда (СМК, инв. № 2655) украшен по срединному шву шелковым шнуром желтого цвета, застегивается сверху на 9 круглых оловянных пуговиц. Этот сарафан напоминает сарафан середины XIX в., бытовавший в Поддорском уезде Новгородской губернии³⁰.

После русских сарафанов стали носить московские (круглые) сарафаны с промцами «мышками» (лямками)³¹. В музее хранятся московские сарафаны из с. Елшанка Хвалынского уезда, с. Озерки Аткарского уезда, с. Русская Норка Петровского уезда, с. Самодуровка Вольского уезда. Изготовлены они из черного, синего, темнозеленого ситца в «розочку», полушерстяной ткани, кашемира. Выкроены из 4–5 прямых полотниц, заложённых в сборку или складку, с ле-

²⁹ См.: Ефимова Л. В. Русский народный костюм. Государственный исторический музей. М., 1989. С. 66.

³⁰ Ефимова Л. В. Указ. соч. С. 65.

³¹ Соколов Б. М. По Петровскому уезду. С. 11.

вой стороны делался разрез с застежкой на пуговицу или большой металлический крючок. Лямки узкие, сзади переходящие в маленькую спинку, часто они были из разноцветных лоскутов и окантовывались сатином, тесьмой. Подол подбивался коленкором, кумачом, ситцем. Обшивался тесьмой, шерстяным шнурком, сатином. Изредка в украшении подола встречается кружево. Московский сарафан являлся одеждой молодых женщин и девушек, такие сарафаны одевались на рубаху-станушку. Поверх сарафана носили пояс и фартук-запон.

В конце XIX – начале XX вв. в Саратовской губернии стали носить видоизмененный сарафан-мисинер или сарафан с лифом, представлявший собой платье без рукавов, с короткой кокеткой спереди, которая сзади доходила до пояса. Шили мисинер из ситца или однотонной хлопчатобумажной ткани. Участники этнографической экспедиции 1922 г. в Петровский уезд отметили бытование мисинера в 1920-е гг. в селах Бобровка, Козловка, Кутьино. В этих селах мисинер одевался поверх рубахи на стан с рукавами. В селе Кутьино поверх мисинера носили короткую широкую кофту «разлетайку» из яркого одноцветного сатина. В Саратовском уезде с мисинером, как и с московским сарафаном, носили много ожерелий, цепочек, борок – полос холста, расшитых бисером. В начале 1920-х гг. мисинер был редок. Музейная коллекция включает в себя мисинеры из голубого узорчатого ситца, бытовавшие в Сердобском уезде (СМК, инв. № 26592/17), и оранжевой шерсти и вишневого хлопчатобумажной ткани, принадлежавший крестьянке с. Калуга Новоузенского уезде Самарской губернии (СМК, инв. № 2424/1) и др.

Широкое распространение получает юбка в широкую сборку из ситца, сатина, домашней шерсти, реже из покупной шерстяной и полушерстяной материи. Юбку носили с короткой узкой кофтой, одевавшейся на старинную рубаху-стан с рукавами. Сохранились юбки крестьянок сел Пады, Елшанка, Малиновка Балашовского уезда, с. Бортполяна Сердобского уезда, с. Кузнецовка и с. Самодуровка Вольского уезда. Шились они из пяти прямых полотнищ, впереди заложенных в мелкую складку, сзади густо соборенных, на пояске, с застежкой на пуговицу или крючок. Подол подбивался ситцем, пестрядью, выкладывался рядами тесьмы, кружева, полосами сатина, плиса. Внизу часто делалась оборка, выкроенная по косой нити.

Заслуживает внимания юбка крестьянки с. Малиновка Балашовского уезда Ф. В. Голиковой, сшитая из полушерстяной малиновой домашней ткани, окрашенной покупной краской «золотаркой». Все полотнища юбки вышиты тамбуром желтым и синим шелком, сти-

лизованным орнаментом в виде крупного цветка и мелких бутонов. На подоле широкая оборка, выложенная двумя рядами черных хлопчатобумажных полос.

Старинные юбки поневного комплекса в коллекции представлены русской мещерой Сердобского уезда Саратовской губернии и с. Красная Дубрава Керенского уезда Пензенской губернии. В с. Мещерское Сердобского уезда поневу называли понькой, шили ее из четырех полотнищ домашней шерсти в синюю, красную клетку и одного синего хлопчатобумажного, называвшегося прошвой. Прошва приходилась на правую сторону. В зависимости от украшений поньки в этом селе разделялись на бабью и девичью. Девичья понька более богато украшалась лентами, нашивками. В с. Мещерское были подвенечные поньки, прошвы которых выкладывались синими, белыми, зелеными лентами, кумачом, кружевом, блестками, зеленым гарусом³².

Единичным экземпляром является распашная понева темносиней шерсти в крупную контурную клетку, образованную пересечением белых, красных, зеленых линий (СМК, инв. № 2545). Передние полотнища, подол выложены широкой полосой кумача с нашивками из позументной тесьмы, зеленой шелковой ленты, сетчатого фабричного кружева. Подол и передние полотнища закончены красной тканой полосой с узором из желтых, зеленых, узких полос и белой широкой посередине, вышитой красной и черной шерстью в виде цепочки ромбов в технике косая стежка. В отличие от сине-красных мещерских понев, красnodубравские изготовлены из черной шерсти в узкую белую и зеленую контурную клетку.

Обязательной принадлежностью девичьей и женской будничной и праздничной одежды являлись передники. Носили их поверх рубахи, сарафана, поневы. В отделе тканей представлены передники из Аткарского, Петровского, Сердобского уездов Саратовской губернии, из Керенского уезда Пензенской губернии. Сшиты они из двух-трех полотнищ белого или крашеного холста, пестряди, кумача, набивного ситца. По крою они разделяются на передники туникообразные, с грудинкой, без грудинки. Наиболее старый из них, туникообразный, шили из целого полотнища холста, перегнутого на плечах, с вырезом на перегибе для продевания головы. Делались они с длинными прямыми рукавами или без рукавов.

Туникообразный тип передника без рукавов представлен передником второй половины XIX в. крестьянки Калужской губернии, изготовленным из белого холста и кумача, богато орнаментированным вышивкой цветной бумагой и шерстью (СМК, инв. № 2542).

³² НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 41, л. 3.

Орнамент вышивки передника состоит из геометризованных женских фигур, деревьев, восьмиугольных розеток, ромбов с крючками и крестов.

Передники с рукавами принадлежали русской мещере с. Красная Дубрава Керенского уезда Пензенской губернии. Сшитые из кумача и бордовой хлопчатобумажной ткани, они красочно декорированы позументной тесьмой, затканкой, вышивкой цветной шерстью, шелком, лентами и кружевом. Тип передника с грудинкой характеризует передник из синей крашенины и сине-белой пестряди. Передники с грудинкой сшиты из двух полотнищ, сложенных наверху в складку. К ним пришивалась «грудинка», выкроенная в виде прямоугольника с неглубоким вырезом.

В Саратовской губернии был популярен передник без грудинки, повязываемый поверх груди или не выше пояса, называвшийся запон. Шили его из цветной материи. «Поверх сарафана надевают пояс и запон-фартук – не выше пояса», – отмечал Б. М. Соколов в своем отчете о поездке в Петровский уезд летом 1920 г.

Душегреи и наверхники (носовжи), хранящиеся в музее, характеризуют плечевую одежду северновеликорусского и южновеликорусского типа. Наиболее ранняя из душегрей – душегрея на лямках (епаничка) голубого узорчатого шелка с цветными гирляндами, перевязанными бантами. Своим кроем (в форме круга) напоминает душегрею конца XVII в., хранящуюся в ГИМ (СМК, инв. № 2590).

Другая душегрея выполнена из вишневого бархата, богато расширенного золотными нитями растительным орнаментом, передние распашные полы украшены позументом, а подол – золотной бахромой. Сзади душегрея заложена в трубчатые складки, подбитые ватой (СМК, инв. № 3396).

К более позднему варианту душегрей относится «куртайка», бытовавшая с круглым сарафаном в с. Русская Норка (СМК, инв. № 2408). Сшита она из кубового ситца, подбитого ватой, с распашными передними полами и рукавами намного длиннее кистей рук, выложенными у запястья бархатом.

Наверхники и носовжи носили поверх рубахи с косыми поликами и поневами. Сшиты они из холста, кумача, крашенины. Преобладают в коллекции туникообразные наверхники. Единичным экземпляром представлен косоклинный наверхник с двумя большими кумачовыми клиньями сзади.

Наверхники из Сердобского уезда сшиты из белого холста и кумача. Два из них относятся к типу наверхников с рукавами, остальные с прорезями для рук в боковых полотнищах. Наверхники с рукавами являются более ранним вариантом. В конце XIX – начале

XX вв. их носили старухи. Мещерские наверхники богато декорированы плечевыми нашивками красного холста, кумача, красными ткаными полосами, красной вышивкой с узором из ромбов и треугольников. Грудная прямоугольная кумачовая вставка обшита тесьмой, в боковые полотнища вставлены полосы красно-белой перевити, подол украшен красным холстом с тканым геометрическим узором желтого, зеленого, синего цвета, рядами блесток, белым бумажным фестончатым кружевом.

Наверхники с. Красная Дубрава Керенского уезда Пензенской губернии круглые, слегка раскошенные книзу, без рукавов, более короткие, чем носовки из Сердобского уезда, в боковые полотнища вставлены широкие полосы бордовой крашенины, подчеркнутые красной, черной, зеленой тесьмой и вышитые тамбуром красной бумагой в виде полос и круга. Плечи, окантовка прорезей для рук украшены ткаными полосами в зеленую, черную, красную, белую, синюю, розовую полоску, вышивкой в технике «косой стежок» с узором из прямоугольников. Подол декорирован полосой красной затканки с узором из зеленых, оранжевых, коричневых полос, ромбов с нашитыми рядами блесток. Край подола заканчивается не кружевом, как у носовж Сердобского уезда, а широкой шерстяной бордовой каймой с зелеными, розовыми, черными, оранжевыми, белыми, синими полосами. Верх и разрез обшит черным шнуром, выложен узкой красной тканой полосой.

Завершением любого женского костюма был головной убор. Головные уборы, составляющие значительную часть коллекции, в основном принадлежали замужним женщинам. Большая их часть состоит из волосников, повойников, сборников конца XIX – начала XX вв. Среди них есть и старинные кокошники, характерные для сарафанного комплекса одежды, а также головные уборы поневного комплекса – сороки и косинка. Датируются они XVIII – первой половиной XIX в.

Поражает разнообразие форм кокошников, хранящихся в отделе тканей, в виде небольшой шапочки, каблучка, полумесяца, трапеции. Кокошники из коллекции князя В. Васильчикова изготовлены в виде шапочки, аналогичной головным уборам северновеликорусских губерний: Архангельской и Олонецкой³³. Трапецевидный кокошник «шапка» напоминает головные уборы южновеликорусских губерний – Тамбовской, Орловской, Воронежской³⁴. Кокошник в

³³ Тазихина Л. В. // Крестьянская одежда населения Европейской части России. С. 153, 154.

³⁴ Лебедева А. А. Северно-западные, западные и южные губернии центра // Крестьянская одежда населения Европейской части России. С. 65.

форме полумесяца из села Голицыно Саратовского уезда повторяет очертание кокошников Новгородской и Костромской губерний³⁵. Очелье кокошников положено на твердую основу: из древесной коры, дощечки, картона. У некоторых из них в верхней части очелья вставлена распорка: пруток, согнутый дугой.

Кокошники делались из кумача, холста, бархата, штофа, парчи, украшались позументными лентами, стразами, вышивкой золотыми и серебряными нитями. Богатством убранства отличаются праздничные кокошники из собрания князя Васильчикова. Выполненные из фиолетового и малинового бархата, парчи, они расшиты бисером, перламутровыми плашками, золотой и серебряной нитью, украшены поднизью из речного жемчуга.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Саратовской губернии были распространены повойники (волосники), сборники в виде мягкой шапочки с невысоким очельем. Шились они из ситца, пестряди, холста, шелка, кашемира, пестрых лоскутов.

Крепился повойник на голове с помощью завязки-вздержки. Некоторые из них на макушке имеют отверстие, по рассказам крестьянок деревни Гартовка, делавшееся для того, «чтобы грехи вылетали»³⁶. Праздничные повойники украшены нашивками из кумача, бархата, позументной тесьмой, блестками, бисером, вышивкой. Сборник из кумача, бытовавший в с. Елшанка Хвалынского уезда, вышит желтой, голубой, белой, зеленой бумагой в технике «тамбур» растительным орнаментом из волнистого побега и трехчастной композиции из стилизованного цветка со стоящими по сторонам петухами.

Повойник, по данным этнографической экспедиции в Петровский уезд, бытовал у пожилых женщин еще в середине 1920-х гг. Поверх него покрывали платок. Но уже значительное число женщин можно было встретить с раскрытой головой и с прической не на две косы, а с узлом на макушке. Платки ситцевые и зимние шали и полушалки фабричного производства совершенно вытеснены самодельными вязаными шерстяными или полушерстяными полупосконными.

К головным уборам южновеликорусского типа относится «сорока» и косинка, бытовавшие у русской мещеры Сердобского уезда. «Сорока» делалась в виде шапочки, с удлиненной затылочной частью – «четвертью» – с прямоугольным очельем на твердой прокладке. Очелье (налобная часть) украшалось лентами, блестками, позументом, золотой и серебряной вышивкой.

³⁵ Лебедева А. А. Указ. соч. С. 65.

³⁶ НА СОМК, оп. 1, ед. хр. 74, л. 1.

Косинка изготавливалась из хлопчатобумажной, часто мелко-узорчатой ткани, в виде косынки, впереди надо лбом вшивалась холщовая полоса с нашивками из кумача, блессток, брызжи (оборки), украшались кумачовыми лентами. В с. Мецкерское девичья косинка делалась красного цвета, бабья и старушечья – белого.

Девичьи головные уборы представлены «повязками», «лентами» из с. Русская Норка Петровского уезда, с. Толстовка Саратовского уезда, с. Калуга Новоузенского уезда Самарской губернии. При их изготовлении использовали золотые галунные ленты, парчу, бархат, атлас, шелк. Девичьи головные уборы делались в виде полумесяца, как, например, свадебная повязка из с. Русская Норка Петровского уезда, или в виде ленты. Девичий головной убор – прозумент из с. Калуга Новоузенского уезда шит из прозументной ленты, заложенной в «банты» – бантовую складку. В качестве прокладки использовались кора, картон, а при изготовлении повязки из с. Русская Норка Петровского уезда были использованы письма 1847 г., обнаруженные во время реставрации. Очелье выкладывалось прозументом, нашивками из бархата, шелка, расшивалось блестками, перламутровыми розетками.

Необходимым дополнением женского костюма были пояса, в изготовлении которых в Саратовской губернии «наблюдалось большое мастерство», особенно в Петровском уезде. Пояса носили с рубахой, сарафаном, юбкой, поневой, шушпаном, верхней одеждой.

В музейной коллекции есть пояса вязаные, плетеные и тканые. Их делали из разноцветного гаруса, шелковых нитей, шерстяной и хлопчатобумажной ткани с геометрическим узором из ромбов, зигзагов, полос. В Петровском уезде изготавливались пояса, вязанные из разноцветной шерсти, одетые на жгут, с пестрыми кистями на концах. Для тканья поясов существовали особые станки. Узорчатые тканые пояса сохранялись в саратовской деревне вплоть до конца 20-х гг. XX в. Например, в с. Козловка Петровского уезда их надевали с современными юбками. Концы пояса украшали кистями, бахромой, разнообразными по форме привесками. Зеленый витой шелковый пояс из с. Русская Норка Петровского уезда украшен грушевидными привесками и кистями. Особый интерес представляет завершение пояса из с. Красная Дубрава Заметчинского уезда Пензенской губернии одним сложным узлом, с двумя пышными многоцветными кистями с серебряными нитями и бисером.

На некоторых поясах вытканы дарственные надписи, имя мастерицы или слова молитвы: «Сей пояс следует носить Катерине Петровне Грошиной, а ткала Анна Г. У.» (с. Самодуровка Вольского уез-

да), «Силою креста твоего сохрани нас, господи» (Новоузенский уезд Самарской губ., старообрядцы).

На многих поясах имеется лакомка-карман, сшитый из лоскутов пестрого ситца, холста, хлопчатобумажной ткани. Для украшения лакомок использовали вышивку, пуговицы, ленты.

Верхняя женская одежда в коллекции музея состоит из душегрей, зипунов, тулупов, шуб, шушунов, пальто. Представлены они отдельными экземплярами.

Старинной одеждой, бытовавшей в Саратовской губернии, были кафтаны, зипуны и шушунуны. Кафтаны, зипуны, поступившие из Балашовского и Петровского уездов Саратовской губернии, сшиты из домашнего коричневого сукна с лифом, подбитым холстом. Перед выкраивался из двух прямых полотнищ, спинка делалась отрезная, задние пять полотнищ с подкладками густо соборивались на талии, рукав был широкий с клиновидной ластовицей, воротник английский (или его не было), застегивался на крючки. Для отделки зипунов, кафтанов использовали бархат, окантовывая им воротник, полы, запястье.

В отделе тканей хранится несколько шушунов – туникообразной одежды из белого домашнего сукна. Наиболее долго этот вид одежды сохранялся у старообрядцев. Праздничный шушун конца XIX в. старообрядки Е. Ф. Симариной изготовлен из белого домашнего сукна, полы, подол, запястья выложены бордовой шерстяной тесьмой.

Зимней одеждой в Саратовской губернии были шубы, тулупы, дубленые полушубки и пальто. Интерес представляет шуба с местным названием «тулуп», крытая синим бархатом, на козьем мехе, с оторочкой ворота, рукавов, пол мехом куницы и хорька. Шуба принадлежала крестьянке села Воскресенское Саратовского уезда Пелагее Васильевне Костиной и была сшита в этом же селе на заказ. Такие шубы в селе носили только зажиточные крестьянки. Муж Пелагеи Васильевны Костиной работал на барках, ходивших от Нижнего Новгорода до Астрахани, хорошо зарабатывал и мог сделать жене такой подарок.

Овчинные шубы, дубленки, полушубки делались отрезные по талии, присборенные сзади. В отделе тканей хранится светло-коричневая овчинная шуба, отороченная каракулем.

Модным в начале XX в. было приталенное пальто-гейша. Пальто такого кроя, сшитое из фабричного сукна коричневого цвета, было приобретено музеем в 1975 г. Английский воротник, вертикальные линии спинки подчеркнуты рядами тесьмы, верхние лацканы воротника покрыты бархатом, для украшения спинки и передних пол использованы пуговицы, обтянутые шелком. Пальто-гейшу, дубле-

ные полушубки носили молодые женщины, пожилые донашивали бедуим – широкую крытую сатином одежду с фалдами внизу.

Обувь, входящая в состав коллекции, включает в себя лапти, туфли, кожаные и вязанные из шерсти или веревок, ботинки местного изготовления.

Кожаные туфли, называвшиеся коты или галоши, делались по фасону высоких резиновых галош. Носили их осенью. Вязанные туфли имели различные названия. В Петровском уезде их называли «вязенки», «шварки», Саратовском – «чунки», «шонки», «карпетки», Сердобском – «пинашки». Вязались они крючком или спицами, обшивались цветной шерстью, украшались вышивкой. По данным этнографической экспедиции 1925 г., в Саратовском уезде коты и вязанные туфли считались повседневной обувью, по праздникам деревенские барышни начинают носить обувь городского типа местного изготовления: ботинки кожаные или суконные на пуговицах или шнурках, полуботинки, полсапожки. Входят в моду сандалии. Старухи носили лапти, особенно в церковь, у некоторых из них сохранились старинные решетчатые. Обувь надевалась на шерстяные чулки: белые, черные, цветные с узором, называвшиеся в Саратовской губернии писанные.

Мужской костюм состоял из рубахи-косоворотки, обязательно подпоясанной, портов, суконного покупного или самодельного соломенного картуза. В начале XX в. в среде зажиточных крестьян бытовали пиджаки – жилеты. Для изготовления будничной одежды использовали домотканую материю, праздничной – фабричную.

Осенью носили зипуны, кафтаны, дорожный плащ – чапан. Зимой – полушубки, шубы овчинные или крытые, тулуп и шубейку – короткий овчинный пиджак, поддевку «бекешу». На голове – шапка, в начале XX в. был популярен головной убор «малахай». Обувью служили сапоги, валенки, обрезки, «галоши». Рабочей обувью были лапти.

По свидетельству участников экспедиции в Хвалынский уезд (1920 г.), в селе Еремкино мужики носили рубахи, жилеты, порты, пиджаки, поддевки, обувью служили лапти, валенки, носили их с чулками и портами; зимой надевали тулуп.

В отделе тканей хранятся будничные и праздничные рубахи – косоворотки туникообразного или прямого кроя с клиньями в боках, широкий рукав вшивался в выкройную пройму, воротник делался в виде стойки, переходящей в планку, застежка с левой стороны. Косоворотка утверждается во второй половине XIX в., вытесняя рубахи старого кроя.

Будничные рубахи сшиты из поскони, пестряди. Праздничные изготовлены из льна, репса, ситца, вышиты шерстью, бумагой, шелком в технике «крест», «тамбур». Орнамент вышивки состоит из рядов ромбов, крестов, стилизованных цветов с листьями, окаймленных волнистыми или прерывистыми линиями. Преобладает вышивка черного и красного цвета. В отделе тканей хранится праздничная косоворотка из белого льна, сшитая и вышитая крестьянкой Вольского уезда А. И. Рябовой в подарок жениху. Планка воротника, подол, рукав вышиты черной шерстью растительным орнаментом в технике «тамбурный шов».

Порты сшиты из полосатой пестряди, поскони, у зажиточных – из плиса. Каждая штанина делалась из полуполотнищ, соединенных между собой клиновидной вставкой. Крепились с помощью шнурка-вздержки или пояса, застегивающегося на пуговицы.

Мужские пояса в отличие от женских более сдержанны по колориту.

Несмотря на некоторые изменения в крестьянском мужском костюме в конце XIX – начале XX вв., в целом он сохранял свои традиционные формы и был менее подвижен по сравнению с женским.

Коллекция народного костюма Саратовского областного музея краеведения позволяет проследить эволюцию женского платья на протяжении многих лет.

Имеющийся в ней материал можно разделить на три основные группы: сарафанный комплекс, поневный комплекс, переходные и поздние формы костюма.

Преобладает в коллекции сарафанный комплекс одежды, характерный для северных и центральных русских губерний. Это рубахи с прямыми поликами, косоклинные и московские (круглые) сарафаны. Наличие кокошников с закругленным верхом говорит о колонизации Саратовского Поволжья из центральных районов России. Южновеликорусское влияние уже в начале XX в. выявлялось очень слабо. В большинстве случаев крестьяне, которые даже по историческим данным являются выходцами из южновеликорусских областей, совершенно не помнят о костюме, который носили в их местности. В этих деревнях наиболее древней одеждой считали не поневу и кичку (которые даже не помнят), а сарафан и кокошник. Возможно, распространение клетчатых юбок в Балашовском уезде объясняется великорусским влиянием.

На одежде русского населения сказывалось и воздействие соседних народов – мордвы, чувашей: использовались бисерные украшения в убранстве поясов, многоцветный тканый узор, выполненный шерстяными нитями, вышивка «тамбуром»; было распространено

ношение фартука «с грудью», лаптей местных народов на одну ногу (левую или правую), использовалась застежка мужской рубахи на правую сторону.

В то же время в тех местах, где мордва жила среди русского населения, мордовский национальный костюм заменила русская национальная рубашка с самотканной «станушкой» рукавами из фабричной материи. Сарафан и платок на голове заменили «шушпан» и панго. В. Я. Рассудова отмечает, что мордовские женщины с. Старая Лебежайка утверждали, что сарафан и рубашка и есть национальный мордовский костюм.

Коллекция русского народного костюма Саратовского областного музея краеведения достойна самого пристального внимания и представляет несомненный интерес для историков, этнографов и искусствоведов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архив СПб. Ф ИРИ РАН	Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН
ВНИИР	Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства имени Н. И. Вавилова
ВЭО	Вольное экономическое общество
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ДСГУ	Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
СИЭ	Советская историческая энциклопедия
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
ССЗ	Сборник саратовского земства
СУАК	Саратовская учёная архивная комиссия
ЦДНИСО	Центр документации новейшей истории Саратовской области
ЦУНХУ СССР	Центральное управление народно-хозяйственного учета СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Платонова Т. В.</i> Корпоративные органы Саратовского дворянского общества в конце XVIII – первой половине XIX века	3
<i>Убоженко Н. В.</i> Правосознание и менталитет крестьянства в бюрократической системе России XIX века (судьба семьи саратовской крестьянки П. И. Ерыкалиной).....	13
<i>Жилкин В. А.</i> Саратовский губернский исполнительный комитет: обретение и утрата властных полномочий	21
<i>Купцова Ю. А.</i> Из истории административно-территориального деления Аткарского уезда Саратовской губернии (1917 – 1928).....	28
<i>Воронежцев А. В.</i> Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века)	34
<i>Ардабацкий Е. Н.</i> Заступающие место (заместители) городского головы г. Саратова начала XX века	45
<i>Гуменюк А. А.</i> Саратовская организация РКП(б) на пути от «военного коммунизма» к нэпу (1921 – 1923)	58
<i>Гумённый В. В.</i> Перевыборы местных Советов в Саратовском Поволжье (1929 – 1930)	69

КУЛЬТУРА КРАЯ

<i>Максимов Е. К.</i> Историко-архитектурные памятники на Троицком взвозе в Саратове	73
<i>Канавина Н. В.</i> Нэп и состояние библиотечного дела в Саратовской губернии	90
<i>Баринов Д. Б.</i> Театральная жизнь Саратова послевоенного времени (1946 – 1953).....	96
<i>Гижов В. А.</i> Литературная жизнь Саратова в контексте идеологических кампаний послевоенного времени	104

СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Емельянов А. В.</i> Осуществление военно-окружной реформы 1874 года в Саратовской губернии.....	111
<i>Червякова О. Н.</i> Из истории Саратовского гарнизона (1894–1902).....	117
<i>Бочкарёв В. М.</i> Вольская военная школа.....	124
<i>Гончаров А. В.</i> Промышленность Саратова в годы гражданской войны.....	129
<i>Данилов В. Н.</i> Саратов накануне Великой Отечественной войны: состояние экономики и социальной сферы.....	146

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Лёвин С. В.</i> Поволжский статистик.....	155
<i>Назаров В. В.</i> Первый санитарный врач России (о саратовском периоде деятельности И. И. Моллесона)	167

ДОКУМЕНТЫ

<i>Соломонов В. А.</i> «Отношение П. Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С. Н. Чернов о саратовском периоде жизни П. Г. Любомирова)	172
<i>Епанчин Ю. Л.</i> Документы о рекрутских наборах в Саратове в эпоху Отечественной войны 1812 года	188
<i>Малов Н. М.</i> Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае.....	190

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>Сафронов Ю. А.</i> Медали сельскохозяйственных выставок в Саратове	216
<i>Пантеева Н. М.</i> «Вавиловская» коллекция Саратовского областного музея краеведения	228
<i>Маковцева Л. В.</i> Русский народный костюм в собрании Саратовского областного музея краеведения (конец XVIII – начало XX века)	238
Принятые сокращения.....	258

СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Безьянов А. В. Очерки истории военно-окраинской реформы

1874 года в Саратовской губернии. С. 11-12. С. 13-14.

Чариков О. Н. Из истории Саратовского тарханства (1862-1900)

1874-1875 гг. Саратовская губерния. С. 15-16.

Гонимов А. В. Промышленность Саратовской губернии в годы гражданской войны

1918-1920 гг. Саратовская губерния. С. 17-18.

Данилов В. Н. Саратовская губерния в годы гражданской войны

1918-1920 гг. Саратовская губерния. С. 19-20.

Составление и редактирование: В. Н. Данилов. Саратов, 1974. С. 1-100.

ПЕРСОНАЛИИ

Берднов С. Н. Саратовский краеведческий сборник

1974-1975 гг. Саратовская губерния. С. 21-22.

Михайлов В. В. Саратовский краеведческий сборник

1974-1975 гг. Саратовская губерния. С. 23-24.

Составление и редактирование: В. В. Михайлов. Саратов, 1974. С. 1-100.

ДОКУМЕНТЫ

Орловский П. П. Саратовский краеведческий сборник

1974-1975 гг. Саратовская губерния. С. 25-26.

Составление и редактирование: П. П. Орловский. Саратов, 1974. С. 1-100.

Научное издание

**САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК**

Научные труды и публикации

Под редакцией профессора *В. Н. Данилова*

Редактор *А. И. Яровинская*

Технический редактор *Л. В. Агальцова*

Корректор *Ю. И. Астахова*

Оригинал-макет подготовил *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 10.10.2002. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Георгия. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 15,11 (16,25). Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 300.

Издательство Саратовского университета.
410026, Саратов, Астраханская, 83.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

